

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Погорельская Елена Иосифовна

**Конармейский дневник Исаака Бабеля
в контексте биографии, истории и литературы**

Специальность 10.01.01 — Русская литература

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель —
доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН
Наталья Васильевна Корниенко

Москва,
2021

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. И. БАБЕЛЬ В ПЕРВОЙ КОННОЙ АРМИИ ВО ВРЕМЯ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ 1920 ГОДА.....	16
1.1. Начало литературного пути Бабеля (1913–1920).....	16
1.2. Военный корреспондент 6-й кавалерийской дивизии К. Лютов.....	32
1.3. Место конармейского дневника в литературном наследии Бабеля.....	46
1.4. Вопрос датировки первых четырех записей сохранившейся части дневника.....	57
1.5. Конармейский дневник как источник биографических сведений о писателе.....	74
ГЛАВА 2. ДНЕВНИК БАБЕЛЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДОКУМЕНТ.....	89
2.1. События советско-польской войны в дневнике Бабеля.....	89
2.2. Источники реального комментария к дневнику.....	97
2.3. Дневник как самостоятельное произведение документальной прозы.....	118
2.3.1. Основные темы и мотивы дневниковых записей Бабеля.....	119
2.3.2. Стилистические и композиционные особенности дневника.....	132
ГЛАВА 3. ДНЕВНИК 1920 ГОДА И КНИГА БАБЕЛЯ «КОНАРМИЯ»...	144
3.1. Дневник и «Планы и наброски к “Конармии”» как подготовительные материалы к книге.....	144
3.2. Дневник как сюжетная основа конармейских рассказов.....	160
3.3. Дневник как источник реального комментария к «Конармии».....	189
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	202
БИБЛИОГРАФИЯ.....	205

ВВЕДЕНИЕ

В диссертации конармейский дневник И.Э. Бабеля, известный как дневник 1920 года, рассматривается в контексте биографии писателя, отраженных в нем событий советско-польской войны, истории создания книги «Конармия», а также как самостоятельное произведение документальной прозы.

Актуальность исследования определяется повышенным вниманием российского литературоведения в последнее время к разысканию документальных источников художественных произведений, которые могут служить комментарием к этим произведениям. Таким источником к книге Бабеля «Конармия» является прежде всего его конармейский дневник. В 1990 году дневник был опубликован полностью, после этого стали появляться работы о нем. Сейчас изучение конармейского дневника вышло на новый углубленный уровень. Благодаря выявлению ряда важных архивных документов Первой конной армии стало возможным рассматривать дневник с точки зрения его исторической достоверности и значимости и в то же время проследить, как на основе реальных исторических фактов и подлинных документов рождался неповторимый художественный мир «Конармии».

Степень разработанности проблемы. О конармейском дневнике Бабеля стало известно в конце 1950-х годов. Впервые дневник в 1957 году упомянул И.Г. Эренбург. В предисловии к посмертному сборнику Бабеля «Избранное» он написал о реализме «Конармии», сопоставив с дневниковыми записями рассказы «Гедали» и «Начальник конзапаса». Более развернутые характеристики и цитаты из дневника содержатся в статьях 1960-х годов, принадлежащих Л.Я. Лившицу и И.А. Смирину.

В статье «Материалы к творческой биографии И. Бабеля»¹ Лившиц рассматривает дневник как «исповедь и самоанализ» его автора,

---

¹ Лившиц Л.Я. Материалы к творческой биографии И. Бабеля // Вопросы литературы. 1964. № 4. С. 110–135.

«“наблюдения без цели” и заметки к будущей книге»². Исследователь выделяет три проблемы, вокруг которых «все время в дневнике бьется мысль Бабеля. Это революция, война, коммунизм»³. Основная ценность этой статьи в отношении самой «Конармии» состоит, на наш взгляд, в том, что в ней убедительно показано, что даты, проставленные автором под конармейскими рассказами, обозначают не время работы над ними, но время действия в них. Исследователь сравнивает дневниковые записи, черновые наброски к рассказам с самими рассказами, а также сопоставляет их с датами первых публикаций, высказываниями о работе над «Конармией» самого Бабеля и делает вывод: над конармейским циклом Бабель работал в основном в 1923 — начале 1925 года.

Статья «На пути к “Конармии”» из 74-го тома «Литературного наследства», написанная Смириным в соавторстве с А.Д. Синявским (но из-за ареста последнего вышедшая за подписью одного Смирин)⁴, представляет собой предисловие к новым материалам Бабеля. Среди этих материалов были выборочно напечатаны черновые наброски, известные под названием «Планы и наброски к “Конармии”». В статье говорилось о раннем творчестве писателя, предшествовавшем появлению «Конармии», и о походном дневнике Бабеля. Смирин характеризует дневник как «разрозненные записи, “поток впечатлений”», «не имеющий военно-исторической ценности и даже мало касающийся самой биографии Бабеля». Дневник, пишет Смирин, велся «нерегулярно, от случая к случаю». Последние два положения мы постараемся опровергнуть в настоящем исследовании. Однако в статье очень верно подмечено, что в дневнике встречается «множество имен, фактов, красок, деталей, которые впоследствии — художественно преображенные — войдут в “Конармию”», и что «через все записи рефреном звучит намерение описать это

---

² Лившиц Л.Я. Материалы к творческой биографии И. Бабеля // Вопросы литературы. 1964. № 4. С. 110.

³ Там же. С. 111.

⁴ Смирин И.А. На пути к «Конармии» (Литературные искания Бабеля) // Литературное наследство. Т. 74: Из творческого наследия советских писателей. М.: Наука, 1965. С. 467–482.

когда-нибудь, воплотив в образы, и повсюду расставлены вехи и сделаны зарубки будущих произведений»⁵.

Кроме того, дневник процитирован в статье С.Х. Левина, посвященной документальной советской прозе 1920-х годов⁶.

В 1971 году А.Н. Пирожковой и С.Н. Поварцовым в «Литературной газете» без предисловия и примечаний были напечатаны отрывки из дневника⁷. В 1989 году в журнале «Дружба народов» состоялась расширенная публикация фрагментов дневника⁸, сопровождавшаяся вступительной статьей Г.А. Белой⁹, в которой рассказано о том, как и кем дневник был сохранен и в которой подчеркивается достоверность конармейских рассказов. В этой статье дневник рассматривается через призму не только «Конармии», но раннего и последующего творчества Бабеля и его мироощущения:

«Значение <...> дневника Бабеля состоит в том, что мы еще раз убеждаемся, как бесстрашно приближается глаз писателя к объекту исследования, как высвечивается его зрением все, что несет на себе печать жизни, как знает он то, о чем впоследствии будет рассказывать в “Конармии” <...>

Но безотносительно к тому, какие связи могут быть установлены между походными набросками и рассказами “Конармии”, *дневник Бабеля 1920 года самоценен и самодостаточен*, потому что дает нам рентгенограмму исторического сознания человека в момент революции.

Судя по записям, в душе Бабеля рождался клубок сложных мыслей и чувств. Это была, говоря словами Блока, трагическая “нераздельность и

---

⁵ Смирин И.А. На пути к «Конармии» (Литературные искания Бабеля) // Литературное наследство. Т. 74. С. 474.

⁶ Левин С.Х. О документальности советской прозы первой половины 20-х годов (По архивным материалам) // Проблемы истории критики и поэтики реализма. Вып. 3. Куйбышев, 1978. С. 123–148.

⁷ <Бабель И.Э.> Первая конная в боях и походах / Публ. А.Н. Пирожковой и С.Н. Поварцова // Литературная газета. 1971. 3 ноября. С. 6–7.

⁸ <Бабель И.Э.> «Ненавижу войну»: Из дневника 1920 года Исаака Бабеля / Предисл. Г.А. Белой, публ. А.Н. Пирожковой, примеч. С.Н. Поварцова // Дружба народов. 1989. № 4. С. 238–252; № 5. С. 247–260.

⁹ Белая Г.А. «Ненавижу войну»: Из дневника 1920 года Исаака Бабеля. [Предисловие] // Дружба народов. 1989. № 4. С. 238–242.

неслиянность” — не с казаками, а с системой жизни, где есть место жестокости и насилию.

Именно трагедия “нераздельности и неслиянности” предопределила драматизм дальнейшей творческой судьбы Бабеля»¹⁰ (курсив наш. — *Е. П.*)

Полностью дневник был опубликован в 1990 году: в двухтомнике, подготовленном А.Н. Пирожковой¹¹, и в однотомном издании «Конармии»¹², где дневнику было предпослано короткое предисловие С.Н. Поварцова¹³, в котором выделена центральная тема дневника — «человек в нечеловеческих условиях»¹⁴, то есть человек на войне. Автор предисловия справедливо полагает, что дневник Бабеля расширяет наши представления об одном из этапов Гражданской войны и имеет важное значение для биографии писателя.

Назовем небольшую, но весьма интересную статью Ж. Хетени «Главное — внутренние перемены...»¹⁵, русскую версию предисловия к публикации дневника на французском языке¹⁶. Среди тем, затрагиваемых в этой статье, — проблемы внутреннего самоопределения писателя, которые раскрываются в дневниковых записях, и их отражение в «Конармии»: «Из разрозненных слов и, порою, полуфраз, из самых первичных, сиюминутных переживаний возникнет строго выстроенный цикл рассказов “Конармии”. Одна сторона дневника открывает исходные моменты будущего цикла и оценку событий по горячим следам, а другая сторона показывает психическое состояние двадцатилетнего человека, который захотел взглянуть на историю с самого близкого расстояния»¹⁷.

---

¹⁰ *Белая Г.А.* «Ненавижу войну»: Из дневника 1920 года Исаака Бабеля. [Предисловие] // Дружба народов. 1989. № 4. С. 242.

¹¹ *Бабель И.Э.* Сочинения: В 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 362–435.

¹² *Бабель И.Э.* Конармия: рассказы, дневники, публицистика. М.: Правда, 1990.

¹³ *Поварцов С.Н.* Конармейский дневник 1920 года [Предисловие] // Бабель И.Э. Конармия: рассказы, дневники, публицистика. С. 124–126.

¹⁴ Там же. С. 125.

¹⁵ *Хетени Ж.* «Главное — внутренние перемены...» О дневнике 1920 г. Исаака Бабеля // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1991–1992. No 37. P. 405–408.

¹⁶ *Hetényi Z.* [Préface] // *Babel I. Journal de 1920*. Paris, Franciaország: Balland, 1991. P. 11–20.

¹⁷ *Хетени Ж.* «Главное — внутренние перемены...» О дневнике 1920 г. Исаака Бабеля // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1991–1992. No 37. P. 405

В 1995 году впервые полностью были опубликованы «Планы и наброски к «Конармии»»¹⁸. Тогда же появилась имеющая важное значение для истории создания конармейских рассказов статья Э.И. Когана «Работа над «Конармией» в свете полной версии «Планов и набросков»»¹⁹, в которой предварительные наброски к рассказам сопоставлены с дневниковыми записями.

В 1998 году в парижской газете «Русская мысль» в переводе Н.Е. Горбаневской напечатано предисловие Е. Помяновского к польскому изданию дневника²⁰. Однако это предисловие не представляет научного интереса, так как написано в беллетристической форме, а изложенные в нем факты недостоверны.

Значительное место отведено дневнику в работе С.Х. Левина ««Чужой» среди своих: К проблеме самоидентификации Лютова»²¹. В статье выделена еврейская тема, которая, по мысли исследователя, развивается в дневнике более свободно и самостоятельно, чем в «Конармии», где она подчинена теме конармейской. Также говорится о еврейских семьях, встреченных Бабелям на дорогах Гражданской войны. Что касается героя-повествователя «Конармии» Лютова, то его литературную генеалогию Левин ведет от Дмитрия Оленина из «Казачков» Л.Н. Толстого, а также от еврейского солдата-интеллигента из очерка С.М. Дубнова «Исповедь одного из многих». Самоидентификация Лютова реализуется как по отношению к конармейцам, так и по отношению к еврейскому населению Волыни и Галиции.

В 2013 году в соавторстве с Левиным мы опубликовали статью ««Во время кампании я написал дневник...» Пространственно-временные

---

¹⁸ *Бабель И.Э.* Планы и наброски к «Конармии» / Публ. Э.И. Когана // Литературное обозрение. 1995. № 2. С. 49–66.

¹⁹ *Коган Э.И.* Работа над «Конармией» в свете полной версии «Планов и набросков» // Литературное обозрение. 1995. № 1. С. 88–93.

²⁰ *Помяновский Е.* История, спущенная с цепи. Предисловие к польскому изданию «Дневника 1920 года» Исаака Бабеля / Пер. с польского (с незначительными сокращениями) Н.Е. Горбаневской // Русская мысль (Париж). 1998. № 4214 (19–25 марта). С. 12; № 4215 (26 марта — 1 апреля). С. 12; № 4216 (2–8 апреля). С. 12; № 4217 (9–15 апреля). С. 12; № 4218 (16–22 апреля). С. 12.

²¹ *Левин С.Х.* «Чужой среди своих: К проблеме самоидентификации Лютова» // Филологические записки: Вести литературоведения и языкознания. Вып. 27. Воронеж, 2008. С. 85–104; Левин С.Х. С еврейской точки зрения... Избранные статьи и очерки. Иерусалим: Филобиблон, 2010. С. 8–34.

координаты в «Конармии» и конармейском дневнике Исаака Бабеля»²², в которой, выстроив систему доказательств, подробно обосновали, почему даты первых четырех записей сохранившейся части дневника являются ошибочными. Мы сопоставили эти записи с конкретными историческими событиями, используя документы Первой конной армии, хранящиеся в Российском государственном военном архиве (РГВА), проанализировали содержание и стилистические особенности ряда дневниковых записей. Таким путем было доказано, что начальные записи сделаны в Житомире и в Ровно в те же числа — с 3-го по 6-е — но не июня, а июля 1920 года, и что пропуска в более чем в месяц, как долгое время считалось, в дневнике нет.

В статье «Что делал Исаак Бабель в Конармии? Комментарий к конармейскому дневнику писателя 1920 года» мы сравнили обнаруженную нами в РГВА копию инструкцию по ведению журнала военных действий в Первой конной, заверенную подписью К. Лютова (конармейский псевдоним писателя) с дневниковыми записями Бабеля. Нам удалось также выяснить, что именно это сопоставление позволяет датировать выход инструкции не позднее 12 июля, а начало ведения подобного журнала в армии Буденного в период Гражданской войны серединой июля 1920 года²³.

В другой нашей работе «Проблемы текстологии и источники реального комментария к конармейскому циклу Исаака Бабеля» дневник назван главным документальным источником комментария к «Конармии», который в ряде случаев позволяет датировать действие того или иного конармейского рассказа.

Художественным приемам, сквозным мотивам, символике произведений Бабеля посвящена монография М.Я. Вайскопфа «Между огненных стен: Книга об Исааке Бабеле»²⁴. Неоднократно упоминаемый в этой

---

²² Левин С.Х., Погорельская Е.И. «Во время кампании я написал дневник...» Пространственно-временные координаты в «Конармии» и конармейском дневнике Исаака Бабеля // Вопросы литературы. 2013. № 5. С. 166–202.

²³ См.: Погорельская Е.И. Что делал Исаак Бабель в Конармии? Комментарий к конармейскому дневнику писателя 1920 года // Вопросы литературы. 2014. № 6. С. 218–227.

²⁴ Вайскопф М.Я. Между огненных стен: Книга об Исааке Бабеле. М.: Книжники, 2017.

работе дневник 1920 года рассматривается в первую очередь с точки зрения постоянно присутствующих в нем и характерных для творчества Бабеля в целом мотивов одиночества и ощущения себя чужим.

В статье «Конармейский дневник Бабеля как военно-исторический документ», приведя дневниковые записи, в которых говорится о боевых действиях, о жизни 6-й кавалерийской дивизии, о смене ее руководства в начале августа 1920 года, мы попытались доказать военно-историческую значимость дневника²⁵.

В конце 2018 года «Конармия» издана в академической серии «Литературные памятники»²⁶. Основной корпус из 34 рассказов напечатан по первому отдельному изданию «Конармии» (М.; Л.: Госиздат, 1926). В разделе «Дополнения» помещены рассказы, тематически связанные с конармейским циклом; статьи К. Лютова из газеты «Красный кавалерист»; дневник 1920 года; «Планы и наброски к “Конармии”»; также приведены разночтения в рассказах, выявленные во всех известных прижизненных источниках. Дневник 1920 года впервые напечатан по автографу, с устранением редакторской унификации текста²⁷. В статьях²⁸ и примечаниях к текстам Бабеля в разделе «Приложения» о дневнике говорится и как о подготовительном материале к книге, и как о самостоятельном историческом и литературном документе. В отношении «Конармии» мы попытались учесть многие посвященные ей исследования и с разных сторон проанализировать книгу, показав ее место в творческой биографии писателя, историю создания отдельных рассказов и книги в целом, историю текста. Особое внимание уделено сюжетно-композиционным принципам и художественным особенностям «Конармии», а

---

²⁵ Погорельская Е.И. Конармейский дневник Исаака Бабеля как военно-исторический документ // Текстологический Временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3: Письма и дневники в русском литературном наследии XX века / Отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 341–353.

²⁶ Бабель И.Э. Конармия / Изд. подготовила Е.И. Погорельская, отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: Наука, 2018.

²⁷ См.: Там же. С. 122–182.

²⁸ См.: Погорельская Е.И. «Конармия» Исаака Бабеля // Бабель И.Э. Конармия. М.: Наука, 2018. С. 271–335; Погорельская Е.И. «Конармия»: история текста. Текстологические принципы настоящего издания // Там же. С. 36–348.

также критическим отзывам 1920-х годов на конармейские рассказы и полемике вокруг них.

В вышедшем в 2020 году первом полном научном жизнеописании Бабеля, подготовленном нами в соавторстве с С.Х. Левиным²⁹, пребыванию писателя в Первой конной, конармейскому дневнику и книге «Конармия» также отведено значительное место. В первую очередь дневниковые записи использованы как источник биографических сведений о писателе: его передвижениях, обязанностях, выполняемых в Конармии, его размышлениях и духовных поисках.

Первым в качестве комментария к отдельным конармейским рассказам дневниковые записи использовал в 1979 году Э. Зихер³⁰. В современных изданиях дневник также служит комментарием к рассказам³¹. Наиболее полно дневник как источник комментария представлен в книге, изданной в серии «Литературные памятники»³².

Необходимо, однако, учитывать разницу между теми дневниковыми записями, которые положены в основу сюжета того или иного рассказа или его центрального эпизода, и таким образом являются источником историко-литературного комментария, и теми, с помощью которых можно прокомментировать отдельные упомянутые в произведении реалии (этому вопросу посвящены второй и третий параграфы третьей главы настоящей диссертации).

Объектом исследования являются биография и творчество И.Э. Бабеля 1920-х годов.

Предмет исследования — конармейский дневник Бабеля как исторический и литературный документ, подготовительный материал к книге

---

²⁹ Погорельская Е.И., Левин С.Х. Исаак Бабель: Жизнеописание. СПб.: Вита Нова, 2020.

³⁰ См.: Бабель И.Э. «Детство» и другие рассказы / Подгот. текста, коммент. и библиография Э. Зихера. [Иерусалим]: Библиотека-Алия, 1979. С. 365–391.

³¹ См.: Бабель И.Э. Собр. соч.: В 4 т. / Сост. и примеч. И.Н. Сухих. М.: Время, 2006. Т. 2. С. 370–389; Бабель И.Э. Собр. соч.: В 3 т. / Сост. и примеч. И.Н. Сухих. СПб.: Азбука, 2012. Т. 2. С. 407–428; Бабель И.Э. Рассказы / Сост., подгот. текста, послесловие, коммент., хроника жизни и творчества И.Э. Бабеля Е.И. Погорельской. СПб.: Вита Нова, 2014. С. 542–568.

³² См.: Бабель И.Э. Конармия / Изд. подготовила Е.И. Погорельская, отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: Наука, 2018. С. 349–401.

«Конармия», источник историко-литературного и реального комментария к вошедшим в нее рассказам и, кроме того, источник биографических сведений о писателе и сведений о конкретных исторических событиях советско-польской войны 1920 года.

Источниковой базой исследования послужили дневник Бабеля, конармейские и другие его рассказы, «Планы и наброски к “Конармии”», статьи из газеты «Красный кавалерист»; свидетельства участников событий советско-польской войны 1920 года; архивные документы Первой конной армии этого периода, хранящиеся в Российском государственном военном архиве (РГВА).

Цель исследования — описать конармейский дневник Бабеля в контексте творческой истории книги «Конармия», биографии писателя периода его пребывания в Первой конной, а также исторических событий советско-польской войны; показать историческую достоверность, документальное и художественное значение дневника.

Задачи исследования, вытекающие из обозначенной цели:

1. Сравнить дневник с конармейскими рассказами и с предварительными набросками к «Конармии», выявить, для каких рассказов или их центральных эпизодов дневниковые записи послужили основой, в каких отразились только переосмысленными деталями, штрихами, а какие рассказы с дневником не связаны.

2. Выявить сведения биографического характера, содержащиеся в дневнике. Сюда относятся не только передвижения писателя, города и местечки Волыни и Галиции, в которых он побывал во время польского похода Конармии, круг лиц, с которыми ему довелось общаться, обязанности, выполняемые им в Первой конной, но и отразившиеся в дневнике его духовные поиски, сомнения, переживания.

3. Сопоставить дневниковые записи со свидетельствами участников событий советско-польской войны 1920 года и документами Первой конной армии, которые могут служить реальным комментарием к этим записям.

Научная новизна исследования. В работе впервые осуществлен подход к конармейскому дневнику Бабеля одновременно как к историческому документу и самостоятельному произведению документальной прозы, проведен его комплексный и детальный анализ в трех основных аспектах: дневник и книга «Конармия», дневник и биография писателя, дневник и реальные события советско-польской войны 1920 года. Кроме того, в научный оборот введен целый ряд документов Первой конной армии, как непосредственно касающихся Бабеля, так и служащих комментарием к его дневнику.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии подходов к изучению эго-документов писателей, в первую очередь писательских дневников, являющихся подготовительным материалом к художественным произведениям.

Практическая значимость исследования: материалы исследования могут быть применены в первую очередь для написания комментариев как к конармейским и ряду других рассказов, так и к самому дневнику, в научном собрании сочинений и других изданиях произведений Бабеля; кроме того, результаты исследования могут быть использованы в дальнейших научных и научно-популярных работах о творчестве и биографии писателя, а также в подготовке курса русской литературы первой половины XX века и посвященных Бабелю спецкурсов и спецсеминаров в высшей школе.

Методология исследования: в работе использованы описательный, историко-биографический, сравнительный, историко-литературный методы.

Методологической базой исследования стали историко-литературные работы (в том числе о Бабеле), а также труды по теории литературы и текстологии М.М. Бахтина, Г.А. Белой, М.Я. Вайскопфа, Г.Н. Воронцовой, А.М. Грачевой, И.А. Есаулова, А.К. Жолковского, В.Е. Ковского, Э.И. Когана, Н.В. Корниенко, С.Х. Левина, Ф.М. Левина, Н.Л. Лейдермана, Л.Я. Лившица, Д.С. Лихачева, Е.А. Папковой, С.Н. Поварцова, Е.И. Прохорова, И.А.

Смиринa, Л.А. Спиридоновой, В.Н. Терехиной, Б.В. Томашевского, Л.С. Флейшмана, Г.М. Фрейдина, В.Е. Хализева, Ж. Хетени, А.А. Холикова и др.

Положения, выносимые на защиту:

1. Дневник, который вел Бабель, находясь в Первой конной армии во время ее польского похода, послужил главным источником большинства рассказов, вошедших в книгу «Конармия». Для одних рассказов дневниковые записи стали основой сюжета или центрального эпизода, в других отразились отдельными деталями. Таким образом, дневник — это важнейший источник историко-литературного и реального комментария к «Конармии», во многих случаях позволяющий отделить отображенные в рассказе подлинные исторические факты от авторского вымысла.

2. Конармейский дневник Бабеля — самостоятельное произведение документальной прозы, обладающее внутренним действием и сюжетом — со всеми его основными элементами: завязкой, кульминацией и развязкой, образностью и стилевым разнообразием.

3. Дневник сохранился не полностью, однако мы располагаем бóльшей его частью; записи, которые делались систематически, почти ежедневно, охватывают период с 3 июля по 15 сентября 1920 года. Четыре начальные записи сохранившейся части дневника, сделанные в Житомире и в Ровно, датированы 3, 4, 5 и 6 июня 1920 года (месяц обозначен арабской цифрой «6») ошибочно, так как описанные события с участием автора дневника не могли произойти в указанные числа ни в Житомире, ни в Ровно. Эти записи сделаны в те же числа, но на месяц позднее, а именно 3, 4, 5 и 6 июля 1920 года, и пропуска больше чем в месяц, как долгое время считалось, в дневнике нет.

4. Конармейский дневник является ценным источником биографических сведений о писателе в период с июля до середины сентября 1920 года: в течение двух с половиной месяцев мы буквально день за днем можем проследить за тем, где побывал, что видел, что делал, что чувствовал, что пережил, о чем думал Бабель. Напротив, из-за отсутствия начала дневника и

записей после 15 сентября 1920 года нам неизвестно, когда точно Бабель вступил в армию Буденного и когда оттуда выбыл.

5. Дневник имеет историческое значение, так как в нем отразился ряд подробностей о событиях советско-польской войны 1920 года, которые нельзя найти в опубликованных в 1930–1960-е годы свидетельствах очевидцев и официальной хронике. Кроме того, дневник Бабеля позволяет установить дату начала ведения журнала военных действий в Первой конной армии во время Гражданской войны. Дневник свидетельствует о том, что Бабель был не просто сторонним наблюдателем, а разделял с бойцами тяготы походной жизни; в его поле зрения попадало немало событий, связанных с 6-й кавалерийской дивизией и ее боевыми действиями.

Апробация исследования проходила в докладах на конференциях, среди которых: Международная научная конференция «Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век» (23–26 июня 2014 года, Государственный литературный музей, ИМЛИ РАН, Еврейский музей и центр толерантности); IX Международная конференция молодых ученых и аспирантов «Жизнь и смерть в литературе, фольклоре, истории (к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне)» (4–5 июня 2020 года, ИМЛИ РАН, ИРИ РАН); Круглый стол «Актуальные проблемы изучения материалов, раскрывающих наиболее существенные аспекты взаимодействия русской литературы и журналистики в 1900–1910-е гг.» (9 декабря 2020 года, ИМЛИ РАН); Международная научная конференция «Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа» (12–13 ноября 2021 года, ИМЛИ РАН) и др.

Также некоторые результаты исследования были апробированы на спецсеминаре для магистрантов кафедры теории литературы филологического факультета МГУ в рамках программы «Теоретико-прикладное литературоведение и критика» (ноябрь 2015 года) и в лекции для преподавателей и аспирантов факультета славянских языков и литератур Стэнфордского университета, США (апрель 2016 года).

Кроме того, результаты работы были представлены в публичных лекциях и выступлениях: в Государственном литературном музее (Государственном музее истории российской литературы имени В.И. Даля, 2014, 2018); в библиотеке № 65 имени Вс. Иванова (2017, 2019); Центральном Доме литераторов (2019); библиотеке № 180 (музей-библиотека Н.Ф. Федорова, 2019); библиотеке № 33 имени Дм. Фурманова (2019) и др.

Основные положения диссертационного исследования отражены в целом ряде публикаций, в том числе в научной монографии, трех подготовленных изданиях наследия И. Бабея, девяти статьях, напечатанных в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, и 14 публикациях в других изданиях.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из Введения, трех глав, состоящих каждая из нескольких параграфов, Заключения и библиографии (240 наименований).

ГЛАВА 1. И. Бабель в Первой конной армии во время советско-польской войны 1920 года

1.1. Начало литературного пути Бабеля (1913–1920)

В «Автобиографии», написанной в ноябре 1924 года, Бабель вспоминал о том, что в 15 лет, будучи учеником Одесского коммерческого училища, он начал сочинять рассказы на французском языке: «Я писал их два года, но потом бросил; пейзаж и всякие авторские размышления выходили у меня бесцветно, только диалог удавался мне»³³. Рассказы не сохранились, и упоминание о них могло быть как правдой (Бабель владел французским настолько свободно, что в 1920-е годы переводил рассказы Мопассана³⁴, а в 1930-е выступал по-французски в Париже — на митинге в честь А.М. Горького и на антифашистском конгрессе писателей в защиту культуры), так и вымыслом (не все приведенные в «Автобиографии» факты достоверны).

Литературный дебют Бабеля состоялся позже, в период его учебы на экономическом факультете Киевского коммерческого института: в киевском литературно-политическом еженедельнике «Огни» 9 февраля 1913 года был напечатан рассказ «Старый Шлойме». В этом рассказе юный Бабель, поднимая вопрос о еврейской черте оседлости, повествовал о старике, спокойно доживавшем свой век под крышей сыновнего дома, но узнавшем о готовящейся вынужденной измене сына «своему Богу» и повесившемся, чтобы преградить сыну путь к крещению или, по крайней мере, не быть тому свидетелем.

Дебютный рассказ Бабеля, как и почти все его дальнейшее творчество, имел реальную основу. Об этом, в частности, свидетельствует заметка,

---

³³ Бабель И.Э. Рассказы / Сост, подгот. текстов, послесловие, коммент., хроника жизни и творчества И.Э. Бабеля Е.И. Погорельской. СПб.: Вита Нова, 2014. С. 9.

³⁴ В 1926–1927 годах Бабель стал редактором трехтомного собрания сочинений Мопассана и перевел для него три рассказа — «Идиллию», «Признание» и «Болезнь Андре» (подробно см.: И.Э. Бабель — редактор и переводчик Ги де Мопассана (Материалы к творческой биографии писателя) / Вступ. статья, публ., коммент. Е.И. Погорельской // Вопросы литературы. 2005. № 4. С. 323–351; Погорельская Е.И. Рассказ Ги де Мопассана «Признание» в переводе Исаака Бабеля // Тургеневские чтения: Вып. 5. М.: Книжница, 2011. С. 332–350).

напечатанная в том же журнале «Огни» через неделю после «Старого Шлойме», 16 февраля 1913 года:

«На днях в газетах промелькнуло коротенькое сообщение: повесился еврей, высланный Муратовым (курским губернатором. — *Е. П.*), оставив жену и восемь детей. Оказывается, этот еврей в том месте, из которого его выселили, прожил 20 лет, и гроза разразилась над его головой внезапно. Говорить о законности или незаконности этого и подобных ему административных распоряжений не приходится: уже слишком много было говорено о широко развившемся за последнее время произволе местных больших и малых правителей <...>

Вообще дело выселения, иначе говоря — разорения евреев идет с большим успехом. Изыскиваются все новые меры и средства. В Подольской губ., напр<имер>, начал иссякать запас так назыв<аемых> “столыпинских евреев” (живущих на основании циркуляров Столыпина), почти все они были высланы...»³⁵

Из-за событий Первой мировой войны высшие учебные заведения Киева, в том числе Коммерческий институт, осенью 1915 года были эвакуированы в Саратов. На Волге Бабель прожил примерно 10 месяцев. От этого периода сохранился неоконченный набросок, датированный: «Саратов, 12.11.15». Автограф сделан в ученической тетради; на титульном листе название «Детство» и подзаголовок «II. У бабушки». По всей видимости, это была первая попытка создания автобиографического произведения, вторая глава ненаписанной повести или рассказа. При жизни писателя этот набросок не печатался³⁶, а к рассказам о детстве Бабель вернется через 10 лет, в 1925-м, в дилогии «История моей голубятни» и «Первая любовь»³⁷, действие которой происходит в Николаеве. В этих двух рассказах отразилось событие,

---

³⁵ *Б-кий М.* Еврейская жизнь // Огни. 1913. 13 февраля. С. 6.

³⁶ Впервые опубликован: Литературное наследство. Т. 74: Из творческого наследия советских писателей / Публ. А.Н. Пирожковой. М.: Наука, 1965. С. 483–488.

³⁷ Эти рассказы впервые были напечатаны в вечерних выпусках «Красной газеты» в 1925 году: «История моей голубятни» — 18, 19 и 20 мая; «Первая любовь» — 24 и 25 мая.

свидетелем которого стал будущий писатель, — еврейский погром в Николаеве в октябре 1905 года. Мы не знаем, насколько правдив эпизод, ставший кульминацией «Истории моей голубятни», скорее всего, он целиком придуман автором, но именно раздавленная на щеке ребенка голубка стала в рассказе квинтэссенцией николаевского погрома³⁸.

Бабеля часто упрекали и продолжают упрекать в приверженности к сценам насилия, в натуралистическом изображении проявлений жестокости³⁹, чаще всего имея в виду «Конармию» и более поздние рассказы о коллективизации, а возможно, и николаевскую дилогию. Приведем по этому поводу суждение, принадлежавшее одному из самых тонких критиков Бабеля — А. Лежневу, суждение, которое было высказано именно в связи с «Конармией». Рассматривая такие рассказы, как «Переход через Збруч», «Эскадронный Трунов», «Жизнеописание Павличенки, Матвей Родионыча», «Смерть Долгушова», критик задается вопросом о том, кто это написал: «циник или человек, пронзенный, израненный жестокостью», и отвечает на этот вопрос однозначно: «Жестокость для Бабеля — конечно, не острый материал, нужный парадоксалисту и изощренному эстету. В том, что она подчеркивается, и в том, как она подчеркивается, чувствуется оскорбленная, раздавленная колесами истории гуманность. Его кровь — не бутафорская кровь, его изумление и ужас — не прием»⁴⁰. Вот этими «изумлением и ужасом» перед жестокостями войны пронизан конармейский дневник писателя.

---

³⁸ Вскоре после рождения Исаака (но не ранее августа 1894-го и не позднее ноября 1895 года) семья из Одессы переехала в Николаев, где в 1904 году будущий писатель начал учиться в Николаевском коммерческом училище. В Одессу Бабель вернулся в конце 1905 года и в январе 1906-го поступил во второй класс Одесского коммерческого училища (подробно см.: *Погорельская Е.И.* Комментарий к рассказу И. Бабеля «История моей голубятни»: Новые материалы к биографии писателя // Вопросы литературы. 2013. № 5. С. 149–165).

³⁹ Например, В.П. Полонский записал о Бабеле в дневнике 5 марта 1931 года, правда, без всякой отрицательной коннотации: «Читал рассказ — о деревне. Хорошо. Просто, коротко, сжато — сильно. Деревня его — так же, как и “Конармия”, — кровь, слезы, сперма. Его постоянный материал <...> Читал еще один рассказ — о расстреле — страшной силы. С такой простотой, с таким холодным спокойствием, как будто лущит подсолнухи, — показал, как расстреливают. Реализм потрясающий, при этом лаконичен до крайности и остро образен. Он доводит осязаемость образов до полной иллюзии» (*Полонский В.П.* «Моя борьба на литературном фронте». Дневник. Май 1920 — январь 1932 / Публ. и коммент. С. В. Шумихина // Новый мир. 2008. № 6. С. 148).

⁴⁰ *Лежнев А. И.* Бабель (Заметки к выходу «Конармии») // Печать и революция. 1926. № 6. С. 83.

В 1931 году появились рассказы «Пробуждение» и «В подвале»⁴¹. Герой этих рассказов старше мальчика из николаевской дилогии, а их действие, как и действие наброска «Детство. У бабушки», происходит уже в Одессе. Бабелем был задуман, но так и не осуществлен цикл рассказов о детстве. После публикации «Пробуждения» в журнале «Молодая гвардия» писатель 14 октября 1931 года сообщал матери: «Я там (в “Молодой гвардии”. — *Е.П.*) дебютировал после нескольких лет молчания маленьким отрывком из книги, которая будет объединена общим заглавием “История моей голубятни”. Сюжеты все из детской поры, но приврано, конечно, многое и переменено, — когда книжка будет окончена, тогда станет ясно, для чего мне все это было нужно»⁴².

Последний рассказ этого так и не сформированного цикла — «Ди Грассо» — появился в 1937 году. Отображенные в нем события — одесские гастроли знаменитого сицилийского трагика — относятся к 1908 году.

Примерно в тот же период происходит действие наброска «Детство. У бабушки». Незавершенный саратовский набросок посвящен бабушке писателя по отцовской линии Миндле Ароновне Бабель (1843–1913), у которой ребенку нужно было проводить время после субботних уроков: «Бабушка, добрая, в праздничном шелковом платье, сидела в углу, а я должен был заниматься»⁴³. Воспоминаниями о бабушке навеяно начало рассказа «Гедали» из «Конармии»: «В субботние кануны меня томит густая печать воспоминаний <...> Старуха моя в кружевной наколке ворожила узловатыми пальцами над субботней свечой и сладко рыдала» (с. 25)⁴⁴.

Литературный дебют Бабеля — рассказ «Старый Шлойме» — прошел незамеченным, в «Автобиографии» писатель о нем даже не упомянул. Но там

---

⁴¹ Рассказ «Пробуждение» впервые опубликован в журнале «Молодая гвардия» (1931. № 17–18); рассказ «В подвале» впервые напечатан в журнале «Новый мир» (1931. № 10).

⁴² *Бабель И.Э.* Сочинения: В 2 т. / Вступ. статья Г.А. Белой, сост. и подгот. текста А.Н. Пирожковой, коммент. С.Н. Поварцова. М.: Художественная литература, 1990. С. 319.

⁴³ *Бабель И.Э.* Рассказы. СПб.: Вита Нова, 2014. С. 286.

⁴⁴ Здесь и далее конармейские рассказы, дневник 1920 года, «Планы и наброски к “Конармии”», статьи из газеты «Красный кавалерист» цитируются с указанием страниц в тексте по книге: *Бабель И.Э.* Конармия / Изд. подготовила Е.И. Погорельская, отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: Наука, 2018. (Литературные памятники)

говорится о следующей публикации: «В Петербурге <...> я начал разносить мои сочинения по редакциям, но меня отовсюду гнали, все редакторы <...> убеждали меня поступить куда-нибудь в лавку, но я не послушался их и в конце 1916 г. попал к Горькому. И вот — я всем обязан этой встрече и до сих пор произношу имя Алексея Максимовича с любовью и благоговением. Он напечатал первые мои рассказы в ноябрьской книжке “Летописи” за 1916 год (я был привлечен за эти рассказы к уголовной ответственности по 1001 ст.)...»⁴⁵

Речь шла о рассказах «Мама, Римма и Алла» и «Элья Исаакович и Маргарита Прокофьевна». Статья 1001-я «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» предусматривала ответственность в случае, «если кто-либо будет тайно от цензуры печатать или иным образом издавать в каком бы то ни было виде, или же распространять подлежащие цензурному рассмотрению сочинения, имеющие целью развращение нравов или явно противные нравственности и благопристойности»⁴⁶. Но даже при внимательном и придирчивом чтении содержание рассказов, опубликованных в «Летописи», никак не соответствует подобным обвинениям.

В первом из этих рассказов Варвара Степановна, муж которой служит членом окружного суда на Камчатке, живет с двумя дочерьми-гимназистками — Риммой и Аллой, сдает комнаты и находится в весьма стесненном материальном положении. Один из квартирантов, студент поляк Мархоцкий, безуспешно пытается овладеть Риммой, но само описание вполне невинно:

«Накануне вечером он сидел с Риммой, старшей дочерью Варвары Степановны, на диване в гостиной. Варвара Степановна видела, как они поцеловались раза три и в темноте обнимались. Сидели они до одиннадцати, затем до двенадцати, потом Станислав положил голову на грудь Риммы и заснул. Кто в молодости не дремал в углу дивана на груди случайно

---

⁴⁵ *Бабель И.Э.* Рассказы. СПб.: Вита Нова, 2014. С. 9.

⁴⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи. Т. XV. Пг., 1916. С. 213.

встретившейся на жизненном пути гимназисточки? Худа в этом большого нет, последствий часто тоже не бывает, но все же надо считаться с окружающими, с тем, что девочке, может быть, в гимназию на следующее утро надо.

Только в половине второго Варвара Степановна довольно кисло заявила, что пора бы и честь знать. Мархоцкий, исполненный польского гонора, поджал губы и обиделся. Римма метнула на мать негодующий взгляд»⁴⁷.

Ближе к финалу рассказа Римма пытается помочь младшей сестре Алле избавиться от беременности, однако никакой эротики в этой сцене тоже нет.

В другом рассказе, как и в «Старом Шлойме», возникает тема черты оседлости. У Эльи Гершковича, еврея из Одессы, есть дело в Орле. Но надзиратель объявляет Гершковичу, что если тот не выедет «из Орла с первым поездом, то будет отправлен по этапу. А выехать — значило потерять дело»⁴⁸. И Гершкович находит приют в доме проститутки Маргариты. Однако никаких интимных отношений между ними не возникает. В результате два человека, ущемленные в правах и униженные жизненными обстоятельствами, — еврей, вынужденный жить в черте оседлости, и проститутка — расстаются с чувством взаимного уважения и осознанием человеческого достоинства друг друга.

В 1916 году, в двух номерах подряд «Журнала журналов» (№№ 48 и 49) были помещены очерки «Публичная библиотека» и «Девять» — зарисовки, сделанные с натуры соответственно в библиотеке и в редакции. В том же году в «Журнале журналов» напечатан очерк «Одесса», эстетическая декларация молодого Бабеля, в которой он предсказывал, что «литературный Мессия» придет «из солнечных степей, обтекаемых морем»⁴⁹, и утверждал, что именно в Одессе «может родиться так нужный нам, наш национальный Мопассан»⁵⁰.

В «Автобиографии» Бабель писал: «...когда выяснилось, что два-три сносных моих юношеских опыта были всего только случайной удачей и что с

---

⁴⁷ Бабель И.Э. Рассказы. СПб.: Вита Нова, 2014. С. 346.

⁴⁸ Там же. С. 341.

⁴⁹ Там же. С. 14.

⁵⁰ Бабель И.Э. Рассказы. СПб.: Вита Нова, 2014. С. 11.

литературой у меня ничего не выходит и что пишу я удивительно плохо, — Алексей Максимович отправил меня в люди»⁵¹. Более подробно о начале своего литературного пути и о роли Горького в становлении его как писателя Бабель рассказал в очерке «Начало» (1937):

«Алексей Максимович жил тогда на Кронверкском проспекте. Я приносил ему все, что писал, а писал я по одному рассказу в день (от этой системы мне пришлось впоследствии отказаться, с тем чтобы впасть в противоположную крайность). Горький все читал, все отвергал и требовал продолжения. Наконец мы оба устали, и он сказал мне глуховатым своим басом:

— С очевидностью выяснено, что ничего вы, сударь, толком не знаете, но догадываетесь о многом... Ступайте-ка посему в люди <...>

Командировка моя длилась семь лет, много дорог было мною исхожено и многих боев я был свидетель. Через семь лет, демобилизовавшись, я сделал вторую попытку печататься и получил от него записку: “Пожалуй, можно начинать...”»⁵².

В течение этих семи лет, с 1917-го по 1923-й, Бабелем было написано и опубликовано немало рассказов и очерков. Многие из них появились до 1920 года, то есть до участия писателя в Первой конной армии.

В 1917 году в «Журнале журналов», в №№ 7 и 16, под заголовком «Мои листки» были напечатаны рассказы «Вдохновение» и «В щелочку». «Вдохновение» — о молодом графомане, за одну ночь сочинившем повесть и возомнившем себя будущим Львом Толстым. Рассказ «В щелочку» в «Журнале журналов» напечатан без названия. Сложно сказать, была ли это техническая ошибка или это было сделано намеренно. В редакционном примечании к повторной публикации 1923 года в одесском журнале «Силуэты» указано: «Рассказ этот был вырезан царской цензурой из

---

⁵¹ Там же. С. 10.

⁵² Там же. С. 20.

ноябрьской книжки журнала «Летопись» 1916 г.»⁵³. Несмотря на вуайеристский антураж рассказа, в нем, как и в двух напечатанных в «Летописи», нет никакой особой эротики. Основной же смысл этого произведения состоит в том, что проститутка в отсутствие подлинной любви придумывает ее себе и отдается «долговязому» клиенту со страстью настоящей возлюбленной.

Рассказ «Doudou» опубликован в газете «Свободные мысли» 13 марта 1917 года под заголовком «Мои листки». Это своего рода ремейк мопассановской «Пышки», в котором повествуется о сестре милосердия, работавшей в госпитале во время Первой мировой войны и лишившейся работы за то, что, уступив тяжело раненному и обреченному на смерть офицеру, позволила ему невинные ласки.

К событиям периода Первой мировой относится и напечатанный в петроградской газете «Эра» 3 июля 1918 года рассказ Бабеля «На станции», с подзаголовком «Набросок с натуры». Действие рассказа происходит примерно в 1916 году: солдата провожают на фронт, вся компания перепивается, а отец солдата прямо здесь, на станции, умирает. Несмотря на то, что солдат идет на войну, этот небольшой рассказ нельзя считать подступом к военной теме, это именно зарисовка с натуры, свидетельствующая о нравах и беспросветности жизни ее героев.

В другой петроградской газете «Вечерняя звезда», которую редактировал В.П. Полонский, 13 марта 1918 года был опубликован рассказ «Шабос-нахаму» — о народном балагуре и острослове Гершеле Острополере (1757–1811), еврее из Острополя, прославившемся остроумными выходками и насмешками над бездельниками и богачами и ставшем одним из главных героев шуток и анекдотов восточноевропейских евреев. Видимо, в замыслах писателя было создание цикла рассказов, посвященных этому герою. Гершеле упомянут и в дневнике, и в «Конармии». В дневнике 23 июля 1920 года Бабель

---

⁵³ Силуэты (Одесса). 1923. № 16. С. 5.

отметил посещение дубенской синагоги: «Я молюсь, вернее, почти молюсь и думаю о Гершеле, вот как бы описать» (с. 141). В «Конармии» — имя Гершеле возникает в диалоге рабби Моталэ Брацлавского и героя-повествователя в рассказе «Рабби»:

«Чем занимается еврей?

— Я перекладываю в стихи похождения Герша из Острополя.

— Великий труд, прошептал рабби и сомкнул веки, — шакал стонет, когда он голоден, у каждого глупца хватает глупости для уныния, и только мудрец раздирает смехом завесу бытия...» (с. 31)

В «Вечерней звезде» 19 и 21 марта 1918 года были также напечатаны два очерка под заголовком «Листики об Одессе». Первый «листок» посвящен литературно-художественным клубам Одессы, второй — журналу «Дивертисмент».

Важное значение в контексте создания будущей книги «Конармия» имеет серия очерков Бабеля 1918 года в газете «Новая жизнь», которая явилась свидетельством настоящего погружения молодого автора в революционную действительность. Большая часть этих очерков была напечатана под заголовком «Дневник». Автор идет «по Петрограду, по городу замирения и скудости» («Битые»); посещает разные учреждения: станцию скорой помощи («Первая помощь»), скотобойню («О лошадях»), приют для недоношенных детей, где кормилицам выдают лишь «по три восьмых хлеба» («Недоноски»), морг, куда ежедневно привозят «тела расстрелянных и убитых», но их «не хоронят, потому что не на что хоронить» («Битые»), «дворец материнства» (родильный дом нового образца для «матросских и рабочих жен»), Балтийский завод («Эвакуированные»), приют для беспризорных детей («Заведеньице»), «убежище для слепых воинов», внутренняя архитектура которого не подходит для существования незрячих людей («Слепые»); побывал на собрании безработных Петроградской стороны («Я задним стоял») и т. д.

На первый взгляд в этих очерках — только констатация фактов. На самом деле отношение их автора к происходящему выражено довольно четко.

Скупое очерченные события свидетельствуют не в пользу новой власти. Вот, к примеру, фрагмент из очерка «Эвакуированные»:

«Был завод, а в заводе — неправда. Однако в несправедливые времена дымилась трубы, бесшумно ходили маховики, сверкала сталь, корпуса сотрясались гудящею дрожью работы.

Пришла правда. Устроили ее плохо. Сталь померла. Людей стали рассчитывать. В вялом недоумении машины тащили их на вокзалы и с вокзалов.

Покорные непреложному закону, рабочие люди бродят теперь по земле неведомо зачем, словно пыль, ничем не ценимая.

Несколько дней тому назад происходила “эвакуация” с Балтийского завода. Всунули в вагон четыре рабочих семьи. Вагон поставили на паром и — пустили <...>

Вчера я видел эти четыре “эвакуированных” семьи. Они рядышком лежат в мертвецкой. Двадцать пять трупов. Пятнадцать из них дети»⁵⁴.

В новожизненных очерках присутствует уже та несколько внешне бесстрастная, как бы немного отстраненная манера повествования, которая присуща более поздним произведениям Бабеля, в том числе конармейским рассказам⁵⁵. Однако Бабель описывает происходящее не равнодушным пером. Его ужасают «гримасы» революционного быта («Битые»), он указывает на конкретные меры его исправления («Заведеньице»). В то же время ему «приятно говорить об огоньке творчества, затеплившемся в пустых <...> комнатах». Исключением из мрачной и страшноватой картины петроградских будней стал очерк «Дворец материнства», в котором выражена надежда на то, что подлинная революционная идея рождения детей для «лучшего устройства человеческой жизни» будет доведена до конца:

---

⁵⁴ Новая жизнь. 2018. 13 апреля. С. 1–2.

⁵⁵ Речь идет, например, об эпизоде казни конармейцами старика-еврея в рассказе «Берестечко»: «Я умылся с дороги и вышел на улицу. На столбах висели уже объявления о том, что военкомдив Виноградов прочтет доклад о Втором конгрессе Коминтерна. Прямо перед моими окнами несколько казаков расстреливали за шпионаж старого еврея с серебряной бородой. Старик взвизгивал и вырывался. Тогда Кудря из пулеметной команды взял его голову и спрятал ее у себя под мышками. Еврей затих и расставил ноги. Кудря правой рукой вытащил кинжал и осторожно зарезал старика, не забрызгавшись» (с. 58).

«Вскинуть на плечо винтовку и стрелять друг в дружку — это, может быть, иногда бывает неглупо. Но это еще не вся революция. Кто знает — может быть, это совсем не революция.

Надобно хорошо рожать детей. И это — я знаю твердо — настоящая революция»⁵⁶.

Последний отрывок напоминает о словах мудреца Гедали из «Конармии»: «А революция — это же удовольствие. И удовольствие не любит в доме сирот. Хорошие дела делает хороший человек. Революция — это хорошее дело хороших людей» (с. 26).

Таким образом, в напечатанных в «Новой жизни» очерках уже формируется и формулируется гуманистическая позиция будущего автора «Конармии» и конармейского дневника⁵⁷.

Давая характеристику ново жизненным очеркам Бабеля в статье, посвященной раннему творчеству писателя, И.А. Смирин в 1968 году писал о том, что Бабель, «вторя горьковским очеркам “В большом городе” <...> рисовал картины революционного петроградского быта, в которых нередко преобладало изображение беспорядков, самосудов, голода, спекуляции, культурного одичания <...> добросовестно описывал виденное и слышанное им на улицах города, но частные случаи при этом теряли свою случайность и производили впечатление массовости, всеобщности»⁵⁸. Отмечая общий гуманистический пафос очерков Бабеля, Смирин вместе с тем подчеркивал: «...Бабель несомненно пробуждал жалость и сострадание ко всему живому, ущемленному в своих правах и устремлениях. Но его гуманистический идеал, тоска по жизни гармоничной и ничем не стесненной в приложении к условиям революционной действительности обнаруживали свою несвоевременность и утопичность»⁵⁹.

---

⁵⁶ Новая жизнь. 1918. 31 марта. С. 2.

⁵⁷ В предисловии к публикации фрагментов дневника 1920 года Г.А. Белая ввела дневник в контекст начала творческого пути Бабеля и в первую очередь его ново жизненных очерков (см.: *Белая Г.А. «Ненавижу войну»: Из дневника 1920 года Исаака Бабеля. [Предисловие] // Дружба народов. 1989. № 4. С. 239–240).*

⁵⁸ *Смирин И.А. О раннем творчестве И. Бабеля // Смирин И.А. И.Э. Бабель в литературном контексте: Сб. статей. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2005. С. 141.*

⁵⁹ *Смирин И.А. О раннем творчестве И. Бабеля // Смирин И.А. И.Э. Бабель в литературном контексте. С. 143.*

Время написания статьи, по всей видимости, диктовало подход и оценки, выраженные в последней фразе. Разумеется, новожиизненские очерки Бабеля находились в русле идеологической направленности газеты, но они отнюдь не являлись свидетельством политической незрелости молодого Бабеля, как это представлено в работе 1960-х годов.

В сегодняшних исследованиях эти очерки оцениваются иначе. «Заметка, посвященная уничтожению лошадей при новой власти⁶⁰, — пишет М.Я. Вайскопф, — появилась в марте 1918-го (то есть к первой годовщине демократической революции, сметенной большевиками). Если вспомнить о бабелевской любви к лошадям, станет понятно, что речь шла о катастрофе, знаменовавшей для него стагнацию общества в целом: “Все — могильщики”, — говорит он в заключение. Начало этого массового забоя, которым были означены голод и экономический крах, Бабель подчеркнуто датирует именно *октябрем*: оказывается, это “*месяц, когда обозначилось огромное увеличение резки*” и убито было столько лошадей, сколько “в нормальное время” хватило бы на 12–15 лет» (курсив Вайскопфа. — *Е. П.*)⁶¹. То, что началось в 1917 году, считает исследователь, Бабель подытожит «в пору коллективизации, эсхатологическим апофеозом которой в “Колывушке” станет та сцена, где крестьянин в отчаянии убивает жеребую кобылу, чтобы не отдавать ее в колхоз»⁶².

В ноябре 1918 года в петроградской газете «Жизнь искусства» были помещены очерки Бабеля «На Дворцовой площади» и «Концерт в Катериненштадте». Последний является своего рода первоначальным эскизом к рассказу «Иван-да-Марья», датированному 1920–1928 годами и напечатанному в 1932-м.

Важное значение в контексте темы настоящего исследования имеет первый опыт военной прозы Бабеля, который он заимствовал у французов. В

---

⁶⁰ Речь идет об очерке «О лошадях», напечатанном 16 марта 1918 года.

⁶¹ *Вайскопф М.Я.* Между огненных стен. С. 421–422.

⁶² Там же. С. 422.

«Критическом романсе» В.Б. Шкловский вспоминал о том, что после отъезда Бабеля из Петрограда, от него «не было никаких слухов», а затем приезжий одессит сообщил Шкловскому: «Бабель не то переводит с французского, не то делает книгу рассказов из книги анекдотов»⁶³. Речь шла о небольшом цикле «На поле чести», напечатанном в июне 1920 года в первом номере одесского журнала «Лава», выходившего под редакцией В.И. Нарбута (вероятнее всего, ко времени появления в печати этого цикла Бабель уже находился в Первой конной армии). Нельзя исключить, что именно эти четыре маленькие новеллы дали Шкловскому основание вынести несколько эксцентричное и не очень обоснованное по отношению к «Конармии» суждение: «Иностранец из Парижа, одного Парижа без Лондона, Бабель увидел Россию так, как мог увидеть ее француз-писатель, прикомандированный к армии Наполеона»⁶⁴. Но, возможно, Шкловский имел в виду экзотичность описаний в самих рассказах Бабеля, напечатанных в двух последних номерах «Лефа»⁶⁵, и влияние французских авторов — фразе об «иностранце из Парижа» в статье Шкловского предшествует отрывок:

«Новые вещи написаны мастерски. Вряд ли сейчас у нас кто-нибудь пишет лучше.

Их сравнивают с Мопассаном, потому что чувствуют французское влияние, и торопятся назвать достаточно похвальное имя.

Я предлагаю другое имя — Флобер. И Флобер из “Саламбо”.

Из прекраснейшего либретто к опере.

---

⁶³ Шкловский В.Б. И. Бабель. Критический романс // Леф. 1924. № 2 (6). С. 154.

⁶⁴ Там же. С. 154.

⁶⁵ В № 4 журнала «Леф» за 1923 год были напечатаны конармейские рассказы «Письмо», «Смерть Долгушова», «Дьяков» (впоследствии «Начальник конзапаса»), «Колесников» (впоследствии «Комбриг 2»), «Прищепка» и «Соль», а также два рассказа из цикла «Одесские рассказы» — «Король» и «Как это делалось в Одессе». В № 1(5) за 1924 год напечатан рассказ «Мой первый гусь».

Самые начищенные ботфорты, похожие на девушек, самые яркие галифе, яркие как штандарт в небе; даже пожар, сверкающий, как воскресенье⁶⁶, — несравним со стилем Бабеля»⁶⁷.

В любом случае в свете конармейского дневника Бабеля суждение Шкловского о французском писателе становится беспочвенным.

Цикл «На поле чести» состоял из четырех новелл: «На поле чести», «Дезертир», «Семейство папаши Мареско» и «Квакер». Бабель предпослал им краткое предисловие: «Печатаемые здесь рассказы — начало моих заметок о войне. Содержание их заимствовано из книг, написанных французскими солдатами и офицерами, участниками боев. В некоторых отрывках изменена фабула и форма изложения, в других я старался ближе держаться к оригиналу»⁶⁸.

В основе первых трех новелл — фрагменты из книги французского капитана Гастона Видаля «Figures et anecdotes de la Grande guerre»⁶⁹, состоявшей из тридцати пяти очерков. Как установил Смирин, Бабель использовал два: 11-й — «Deux actes devant une conscience» («Два поступка перед лицом совести») и 15-й — «Histoire shakespearienne» («История в духе Шекспира»). Первый из названных очерков лег в основу бабелевских новелл «На поле чести» и «Дезертир», второй — «Семейства папаши Мареско»⁷⁰. «Бабель сохранил со всей полнотой деталей описанные Видалем эпизоды фронтовой жизни, — отмечал Смирин. — Остались неизменными и сюжетные линии. Многие реплики совпадают текстуально. Особенно близок к

---

⁶⁶ Шкловский имеет в виду начало рассказа «Мой первый гусь»: «Он встал и пурпуром своих рейтуз, малиновой шапчонкой, сбитой набок, орденами, вколоченными в грудь, разрезал избу пополам, как штандарт разрезает небо <...> Длинные ноги его были похожи на девушек, закованных до плеч в блестящие ботфорты» (с. 28) и фразу из рассказа «Прищеп»: «Пожар сиял, как воскресенье» (с. 51).

⁶⁷ Шкловский В.Б. И. Бабель. Критический романс // Леф. 1924. № 2(6). С. 153–154.

⁶⁸ Лава (Одесса). 1920. № 1. С. 10.

⁶⁹ Vidal G. Figures et anecdotes de la grande guerre. Paris, 1918. Название книги переводится на русский язык как «Персонажи и анекдоты великой войны». Автор книги — Гастон Видаль (1888–1949), французский политический деятель и журналист. Во время Первой мировой войны капитана Видаля называли асом пехоты, но из-за полученных ранений он был уволен из армии. После войны возглавлял газету «Le Pays», был депутатом Национальной ассамблеи от департамента Алье, помощником заместителя министра (в правительствах А. Бриана и Р. Пуанкаре) по вопросам производственного обучения.

⁷⁰ См.: Смирин И.А. У истоков военной темы в творчестве И. Бабеля (И. Бабель и Гастон Видаль) // Смирин И.А. И.Э. Бабель в литературном контексте. С. 121–123.

первооснове рассказ “Семейство папаши Мареско”, воспринимающийся в большей своей части как перевод. Но изменилась форма изложения»⁷¹.

В центре новеллы, открывающей цикл, два персонажа — деревенский дурачок Селестин Биду, двадцати одного года от роду, прообразом для которого послужил дезертир Бриду из книги Видаля, и капитан Ratin. В 300 метрах от траншеи, на дне ямы, образовавшейся от разорванного снаряда, капитан застаёт солдата за непристойным занятием. Биду признается, что боится воевать и что не может вылезти из канавы. Тогда офицер подверг его страшному унижению, помочившись прямо ему на лицо: «Биду был дурак, деревенский дурак, но он не перенес обиды. Он закричал нечеловеческим и протяжным криком; этот тоскливый, одинокий, затерявшийся вопль прошел по взбороненным полям; солдат рванулся, заломил руки и бросился бежать полем к немецким траншеям. Неприятельская пуля пробила ему грудь. Ratin двумя выстрелами прикончил его из револьвера. Тело солдата даже не дернулось. Оно осталось на полдороге, между вражескими линиями»⁷².

Слова «на поле чести», давшие название всему циклу, в контексте первой новеллы приобретают горько-ироническую окраску. А непосредственно эти слова использованы в следующем рассказе — «Дезертир» — истории двадцатилетнего дезертира Божи и капитана Жемье. Как и Биду, Божи боялся смерти, он был задержан при попытке побега и доставлен под стражей к Жемье. Капитан предлагает ему избежать позора и застрелиться: «Ты умрешь, Божи, но я спасаю тебя в твою последнюю минуту. В мэрии не будет известно о твоём позоре. Матери сообщат, что ты пал на поле чести»⁷³. Молодой солдат оказался не в силах покончить с собой, и Жемье застрелил его сам.

Рассказ «Семейство папаши Мареско» ведётся от первого лица — некого лейтенанта французской армии. В могильный склеп, где нашёл временное

---

⁷¹ Смирин И.А. У истоков военной темы в творчестве И. Бабеля (И. Бабель и Гастон Видадь) // Смирин И.А. И.Э. Бабель в литературном контексте. С. 121.

⁷² Лава. 1920. № 1. С. 10.

⁷³ Там же. С. 11.

убежище лейтенант, приходит папаша Мареско и приносит останки жены и двух дочерей, задохнувшихся в подземелье во время недавнего боя. Мареско просит похоронить его семью, вернее то, что от нее осталось, в фамильном склепе, но этим склепом оказывается как раз место, где они вели диалог.

«Патетический тон рассказов Видаля, — писал Смирин, — уступил место манере бесстрастной или язвительно-иронической»⁷⁴. Это было проявлением той несколько отстраненной и внешне бесстрастной манеры повествования о жестокостях жизни, о которой говорилось выше в связи с новожиизненскими очерками Бабеля и которая в определенной мере присуща отдельным эпизодам «Конармии». Но от раннего военного цикла «Конармию» отличают героическая патетика и лиризм.

Четвертый рассказ из «На поле чести» не имеет отношения к книге Видаля. Э. Зихер соотносит сюжет «Квакера» с новеллой Ги де Мопассана «Коко»⁷⁵. Действительно, и в «Коко», и в «Квакере» речь идет об отработавшей свой век старой лошади, над которой издевается малолетний конюх, — Зидор у Мопассана, Беккер у Бабеля. (Отсылка к французскому писателю есть и в новелле «На поле чести», где деревенским дурачком выведен именно нормандский крестьянин: Мопассан, как известно, изображал нормандского крестьянина грубым и невежественным; однако Бабель относится к Биду с большим сочувствием, нежели Мопассан к своим героям.) В отличие от Мопассана у Бабеля достаточно подробно выведен образ покровителя несчастной лошади — квакера Стона. Вайскопф считает, что образ Стона восходит к сердобольному Исролику из повести Менделе Мойхер-Сфорима «Кляча»⁷⁶.

Начало военных заметок Бабеля посвящено Первой мировой войне и французской армии, но эти заметки явились для писателя своеобразной

---

⁷⁴ Смирин И.А. У истоков военной темы в творчестве И. Бабеля... / Смирин И.А. Бабель в литературном контексте. С. 122.

⁷⁵ См. примечания Зихера к циклу «На поле чести» в кн.: *Бабель И.Э.* Петербург 1918. Ann Arbor: Ardis, 1989. С. 234–235. См. также: *Sicher E.* Babel in Context: A Study in Cultural Identity. Boston: Academic Studies Press, 2012. P. 166.

⁷⁶ См.: *Вайскопф М.Я.* Между огненных стен. С. 74–75.

подготовкой к работе над книгой о Гражданской войне в России. Однако в отличие от раннего цикла, заимствованного из произведений других авторов, «Конармия» построена на подлинных впечатлениях ее автора от польской кампании 1920 года, значительная часть которых отразилась в походном дневнике Бабеля.

1.2. Военный корреспондент 6-й кавалерийской дивизии К. Лютов

О семи годах, проведенных по совету Горького «в людях», Бабель писал в «Автобиографии»: «За это время я был солдатом на Румынском фронте, потом служил в ЧК, в Наркомпросе, в продовольственных экспедициях 1918 года, в Северной армии против Юденича, в 1 Конной армии, был репортером в Петербурге и в Тифлисе, был выпускающим в 7 советской типографии в Одессе и проч. и проч.»⁷⁷.

Если с Первой конной армией, Одесским губернским комитетом (Бабель служил заведующим редакционно-издательским подотделом Губернского отдела печати), репортерством в Петрограде (в газетах «Новая жизнь» и «Жизнь искусства» в 1918 году) и Тифлисе (в газете «Заря Востока» в 1922 году) все ясно, если от участия «в продовольственных экспедициях» (точнее, известно только об одной экспедиции — в Самарскую губернию, под руководством С.В. Малышева) остался самый документированный его рассказ «Иван-да-Марья», созданный в 1920-е годы, то о Румынском фронте, службе в ЧК, «в Северной армии против Юденича» мы ровным счетом ничего не знаем.

По свидетельству сестры писателя, он был призван в армию в октябре 1917 года, но вскоре заболел⁷⁸. Согласно документам, Бабель призывался в «ратники ополчения второго разряда»⁷⁹ еще в 1915 году, но как студент Петроградского психоневрологического института получил отсрочку. 21

---

⁷⁷ Бабель И.Э. Рассказы. СПб.: Вита Нова, 2014. С. 10.

⁷⁸ См.: *Stora-Sandor J. Isaac Babel: L'homme et l'œuvre*. Paris: Editions Klincksieck, 1968. P. 25–26.

⁷⁹ ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 432. Л. 14.

февраля 1917 года институтский врач выдал ему справку о том, «что он страдает катаром верхушки правого легкого, вследствие чего нуждается в специальном и длительном лечении в санатории»⁸⁰. Но ни в воспоминаниях сестры, ни в реальных документах сведений о пребывании Бабеля на Румынском фронте нет⁸¹. Помимо «Автобиографии» единственным косвенным указанием на участие Бабеля в событиях Первой мировой войны может служить отрывок из его письма А.Г. и Л.И. Слонимам от 7 декабря 1918 года: «За время моего исчезновения *la vie*⁸² мотала меня на многие лады, я приезжал, уезжал, был болен, призывался»⁸³.

Г.М. Фрейдин считает, что не представляется вероятным утверждение писателя в «Автобиографии», что тот «отправился воевать в “Северной армии против Юденича” <...>. “Северной армией” <...> именовалась как раз армия Юденича (точнее, “Северный корпус”), против которой были брошены 7-я и 15-я армии Западного фронта РККА. Вряд ли участник обороны Петрограда мог бы так оговориться»⁸⁴.

Продолжение истории о ЧК находим в рассказе «Дорога», героя которого «сделали переводчиком при Иностранном отделе». Действие рассказа относится к 1918 году, но никакого Иностранного отдела в ту пору в ЧК не существовало, а создан он был лишь в 1920-м⁸⁵. Нельзя исключить, что работа в ЧК является выдумкой писателя, служившей ему до поры до времени своего рода «охранной грамотой». По крайней мере, «служба» в ЧК —

---

⁸⁰ ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 432. Л. 16.

⁸¹ Однако в появившихся одновременно в печати — в марте 1932 года — рассказах «Аргмак» и «Дорога» герой-повествователь упоминает свою службу в артдивизионе 15-й пехотной дивизии («Аргмак») и Шуйском полку («Дорога»), то есть 118-м пехотном полку, входившем в состав 1-й бригады 30-й пехотной дивизии 4-го армейского корпуса 6-й армии. Оба воинских формирования с декабря 1916 по начало 1918 года действовали на Румынском фронте.

⁸² Жизнь (*фр.*).

⁸³ Бабель И.Э. Сочинения: В 2 т. Т. 1. С. 236.

⁸⁴ Фрейдин Г.М. Сидели два нищих, или Как делалась русская еврейская литература // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век: Сб. материалов Международной научной конференции в Государственном литературном музее 23–26 июня 2014 г. / Отв. ред. Е.И. Погорельская. М., 2016. С. 427–428.

⁸⁵ См.: Freidin G. Two Babels — Two Aphrodites: Autobiography in *Maria* and Babel's Petersburg Myth // The Enigma of Isaac Babel: Biography, History, Context / Ed. by G. Freidin. Stanford, 2009. P. 30–31. По мнению З. Бар-Селлы, в рассказе «Дорога», датированном автором 1920–1930 годами, «Бабель присваивает соответствующему подразделению имя, известное читателю» (*Бар-Селла З. Парижская пощечина (выбранные места из биографии И. Э. Бабеля)* // Восток — Запад: Пространство локального текста в литературе и фольклоре: Сб. научн. статей к 70-летию проф. А. Х. Гольденберга. Волгоград, 2019. С. 265).

серьезное преувеличение⁸⁶.

О пребывании в Первой конной армии Бабель сообщает в «Автобиографии» мимоходом, через запятую, наряду с теми названными им этапами погружения в жизнь, которым не находится документальных подтверждений. Хотя именно этот опыт дал возможность писателю создать его главную книгу.

В самом раннем из сохранившихся писем — от 7 декабря 1918 года, адресованном А.Г. и Л.И. Слонимам, которое цитировалось выше, Бабель писал: «В характере моем есть нестерпимая черта одержимости и нереального отношения к действительности»⁸⁷. «Нестерпимая черта одержимости» означала прежде всего необычайный интерес ко всем проявлениям к жизни и к людям. Современники Бабеля отмечали его ненасытное писательское любопытство. Например, И.Г. Эренбург писал:

«Очки не могли скрыть его необычайно выразительных глаз, то лукавых, то печальных. Большую роль играл и нос — неутомимо любопытный. Бабелю хотелось все знать: что переживал его однополчанин, кубанский казак, когда пил два дня без просыпу и в тоске сжег свою хату (речь идет о красноармейце Прищепе, реальном человеке и одном из героев “Конармии”. — *Е. П.*); почему Машенька из издательства “Земля и фабрика”, наставив мужу рога, начала заниматься биомеханикой; какие стихи писал убийца французского президента белогвардеец Горгулов; как умер старик бухгалтер, которого он видел один раз в окошке издательства “Правда”; что в сумочке парижанки, сидящей в кафе за соседним столиком <...> словом, мельчайшие детали жизни.

Все ему было интересно, и он не понимал, как могут быть писатели, лишенные аппетита к жизни»⁸⁸.

---

⁸⁶ На встрече с участниками посвященной Бабелю конференции в июне 2014 года тогдашний начальник Управления регистрации и архивных фондов ФСБ России В.С. Христофоров официально заявил о том, что после многочисленных проверок установлено: Бабель ни в одном из списков сотрудников ЧК, ГПУ, НКВД не значится.

⁸⁷ *Бабель И.Э.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. С. 236.

⁸⁸ *Эренбурге И.Г.* Люди, годы, жизнь: Книги первая, вторая, третья / Изд. испр., подгот. Б.Я. Фрезинским. М.: Текст, 2005. С. 512.

Неиссякаемый интерес к различным сторонам жизни и особенно к людям отмечали даже те, кто был мимолетно знаком с Бабелем. Встретившийся с ним в Берлине в октябре 1928 года австрийский романист, драматург и эссеист Элиас Канетти вспоминал об этой характерной его черте: «Он был очень любознателен и хотел увидеть в Берлине все, но “всем” для него были *люди*, причем люди самые разные <...> Мне еще не приходилось видеть человека, который бы с такой страстью отдавался наблюдению, оставаясь при этом совершенно спокойным. Менялись люди — и непрерывно менялось выражение его глаз. Он замечал все и ко всему относился с одинаковой серьезностью, ему было интересно и обыденное, и необыкновенное» (выделено Канетти. — *Е. П.*)⁸⁹.

В конармейском дневнике отразился этот невероятный интерес ко всем деталям жизни и особенно к людям, встреченным им во время войны, — военачальникам, рядовым бойцам и участникам Первой конной, мирным жителям, хозяевам, у которых бывал на постое. Многие из них довольно подробно описаны на страницах дневника.

Вероятно, не зная точно, во что это может вылиться, Бабель пошел в Конармию, движимый писательским любопытством и желанием создать литературное произведение о Гражданской войне.

Мы не располагаем точными данными о том, когда именно Бабель вступил в армию Буденного и до какого времени там оставался, точные сроки нахождения там все еще остаются белым пятном его биографии. В начале апреля он, по всей видимости, был еще в Одессе. Косвенное свидетельство этому — помеченное 5 апреля 1920 года штатное расписание Одесского губернского отделения Всеукраинского издательства (губотдела печати), в котором Бабель числился заведующим редакционно-издательским подотделом⁹⁰. Когда Бабель выбыл из Первой конной и когда вновь оказался в

---

⁸⁹ *Канетти Э.* Из книги: Факел в ухе / Пер. В.Д. Седельника // Канетти Э. Человек нашего столетия: Художественная публицистика / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 192.

⁹⁰ См.: Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 599. Оп. 1. Д. 222. Л. 8.

Одессе, тоже точно неизвестно. В сентябре 1975 года С.Н. Поварцов побеседовал с приехавшей из Брюсселя в Москву сестрой писателя М.Э. Шапошниковой. Выяснилось, что Бабель скрыл от родных свое намерение уйти в армию Буденного. «Поздней осенью двадцатого года отец был вызван в редакцию (ЮгРОСТА. — *Е. П.*), где ему сообщили, что сын его погиб... Отец имел мужество сохранить это известие в себе. Жена брата уехала в сторону фронта на розыски, но вскоре брат вернулся, об этом сообщили жене. Он был в ужасном состоянии, весь изъеден насекомыми, в прыщах и часто страдал от приступов астмы, от которых он не избавился до конца своей жизни»⁹¹. По версии И.Л. Лившица, школьного друга писателя, «в Конармии Бабелю пришлось не сладко. Едва не убили. Потом болезнь, госпиталь. Отец и жена бросились на поиски, нашли благодаря В.И. Нарбуту»⁹². Имя Бабеля всплывает в документах ЮгРОСТА в январе 1921 года — в ведомости на авансы, согласно которой он получил 15 тысяч рублей⁹³. Примерно тогда же он за заведующего столом личного состава заверил своей подписью удостоверение, выданное художнику подотдела изобразительной агитации Б.В. Косареву, а в феврале заверил продление этого удостоверения⁹⁴.

В Первой конной Бабель какое-то время был прикомандирован к Штабу армии, а в двадцатых числах июня перевелся в 6-ю кавалерийскую дивизию. Рассказ «Аргамак», в 1933 году присоединенный к основному корпусу «Конармии», начинается словами: «Я решил перейти в строй». И далее сообщается о выборе героем 6-й дивизии.

На переход из Штаба армии в дивизию косвенно указывает записка секретариата Реввоенсовета Первой конной:

«26 июня 1920 г. № 2813. Фастов.

Заведывающему столовой Штарма 1-й Конной.

---

⁹¹ Поварцов С.Н. Быть Бабелем. Краснодар: Кубаньпечать, 2012. С. 18.

⁹² Там же. С. 19.

⁹³ См.: Зинько Ф.З. «Мудрый ребе»: Очерки. Одесса: Печатный дом, 2008. С. 36.

⁹⁴ См.: Павлова Т.В., Чечик В.В. Борис Косарев: 1920-ті роки. Від малярства до теа-кіно-фото. Київ: Родовід, 2009. С. 280.

Прошу исключить с довольствия тов. Бабеля (Лютова) при столовой Штаба с 24 сего июня.

Замсекретарь Реввоенсовета»⁹⁵.

Существует версия о том, что Бабель отправился в Первую конную армию по совету приехавшего с фронта М.Е. Кольцова, чтобы делать репортажи для ЮгРОСТА (Южного (Одесского) отделения Российского телеграфного агентства). Даже в серьезных работах о Бабеле, например, С.Н. Поварцова или Г.А. Белой, закрепилось утверждение, что удостоверение было выдано на имя Кирилла Васильевича Лютова. Поварцов, например, пишет о том, что из Одессы в распоряжение политотдела Первой конной армии «направляется молодой журналист ЮгРОСТА Кирилл Лютов. Под таким псевдонимом находился в Конармии и печатался в газете “Красный кавалерист” Исаак Бабель»⁹⁶. И Белая позднее отмечала: «...из Одессы с удостоверением местного отделения ЮгРОСТА, выданным на имя Кирилла Васильевича Лютова, Бабель ушел в 1920 году в Первую конную армию»⁹⁷. Однако никакого удостоверения ЮгРОСТА, выданного Бабелю, не сохранилось.

Е. Помяновский рассказывал этот эпизод в беллетризованной форме, сообщив в предисловии к польскому изданию дневника 1920 года, что по прибытии в штаб Первой конной Бабель «назвался военным корреспондентом ЮгРОСТА, показал направление от одесского губкома, подписанное секретарем Ингуловым, но не возбудил доверия. По документам его звали Кирилл Васильевич Лютов, кандидат гражданского и уголовного права Петербургского университета»⁹⁸. Можно догадаться, что источником этих сведений являются рассказы конармейского цикла. «Кандидатом прав

---

⁹⁵ РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 464.

⁹⁶ Материалы к творческой биографии И. Бабеля / Вступ. заметка, публ. и коммент. С.Н. Поварцова // Вопросы литературы. 1979. № 4. С. 160.

⁹⁷ Белая Г.А. «И мы услышали великое безмолвие рубки» // Белая Г.А., Добренко Е.А., Есаулов И.А. «Конармия» Исаака Бабеля. М.: Российский университет, 1993. С. 5.

⁹⁸ Помяновский Е. История, спущенная с цепи. Предисловие к польскому изданию «Дневника 1920 года» Исаака Бабеля / Пер. с польского (с незначительными сокращениями) Н.Е. Горбаневской // Русская мысль (Париж). 1998. № 4214. С. 12.

Петербургского университета⁹⁹) герой-повествователь называет себя в рассказе «Мой первый гусь», его имя-отчество — «Кирилл Васильич» — тоже встречается лишь в «Конармии», притом единственный раз — в рассказе «Чесники», так называет его «вздорный казачонок» Степка Дуплищев: «Вот, Кирилл Васильич, обратите маленькое внимание...» (с. 95). Больше нигде — ни в рассказах (там, где он назван по фамилии, он фигурирует как «Лютов» и «Лютыч»), ни в подписях под газетными публикациями, ни тем более в документах мы не встретим ни имени-отчества, ни даже имени «Кирилл». Свои статьи в газете «Красный кавалерист» Бабель подписывал либо полностью — «Военный корреспондент 6 кавдивизии К. Лютов», либо инициалами «К. Л.». Таким образом, Кирилл Васильевич Лютов — это герой «Конармии», но не ее автор, а конармейский псевдоним писателя содержит только один инициал. Разумеется, у Бабеля, когда он отправился в армию Буденного, был на руках удостоверяющий личность документ, скорее всего, от ЮгРОСТА, но вот на какое имя он был выписан, неизвестно. Более того, из приведенной выше справки Реввоенсовета следует, что в Конармии, возможно только поначалу, знали и настоящую фамилию писателя.

Псевдоним К. Лютов фигурирует еще в нескольких документах Первой конной армии. «Военкором Штадива 6» К. Лютовым сделан перевод на русский язык заметки из английской газеты о захвате советского поезда английским летчиком: «Варшава 18-го июня. Поляки сообщают о захвате в районе Чернобыля, на берегу Припяти, и о разгроме сильных большевистских частей, пытавшихся окружить польские войска, находящиеся еще в Киевском секторе. Поляки заявляют, что их новое продвижение заставит красную армию быстро отступить к югу и принудить таким образом конницу Буденного оставить территорию, занятую ею в недавних рейдах. Лейтенант Корси, американец, служащий в воздухоплавательном отряде имени Костюшки,

---

⁹⁹ Бабель учился на юридическом факультете Петроградского психоневрологического института (не окончил), однако в дипломе Киевского коммерческого института, который окончил писатель, указано звание «кандидат экономических наук второго разряда» (Государственный архив Киева (ГАК). Ф. 153. Оп. 7. Д. 239. Л. 13).

несколько дней тому назад взорвал полотно желдороги позади большевистского бронепоезда и таким образом дал возможность полякам захватить поезд и его экипаж. Как сообщают, американцы совершили 79 бомбометаний в Киевском районе. 20 поездов с 17 тысяч<ами> беженцев из Киева прибыли вчера после 7-дневного путешествия. В течение 4-х дней не было никаких сведений, и опасались, что они захвачены большевиками. Перевел с английского военкор Штадива 6 К. Лютов»¹⁰⁰.

Дата заметки — 18 июня 1920 года — не может служить уточнением сроков начала пребывания писателя в Первой конной, так как перевод подписан военным корреспондентом штаба 6-й кавалерийской дивизии, в которую, как было сказано, Бабель-Лютов перевелся с 24 июня 1920 года.

Сохранилась телеграмма, отправленная из Одессы 10 августа 1920 года, на имя военкора ЮгРОСТА Лютова (копия — Политотделу Первой конармии): «Предписывается вам, оставив при штабе заместителя, немедленно выехать <в> Одессу <в> порядке мобилизации газетных работников, перераспределения их <в> районе действий Южного областного отделения РОСТА»¹⁰¹. Либо Бабель не подчинился данному предписанию, либо телеграмма до него не дошла, но, по меньшей мере, еще месяц с лишним после нее он точно оставался в Конармии и стал свидетелем августовских военных операций, нашедших отражение в дневнике и в книге. Данная телеграмма подтверждает, что Бабель был направлен в Первую конную армию именно ЮгРОСТА.

Еще один важнейший документ, подписанный К. Лютовым (о нем речь пойдет далее), связан с обязанностями, которые Бабель выполнял в 6-й кавалерийской дивизии, и, в свою очередь, является комментарием к нескольким дневниковым записям.

Конармейским псевдонимом «К. Лютов» Бабель воспользуется в 1922 году, помечая им корреспонденции в газете «Заря Востока». Больше он к этому

---

¹⁰⁰ РГВА. Ф. 245. Оп. 3. Д. 813. Л. 98.

¹⁰¹ РГВА. Ф. 245. Оп. 2. Д. 15. Л. 46.

псевдониму не вернется, а под всеми рассказами конармейского цикла будет стоять его подлинное имя — И. Бабель.

Итак, официально Бабель-Лютов именовался военным корреспондентом. Впоследствии, с появлением конармейских рассказов, возникали самые различные предположения о том, кем же он был и что делал в Первой конной. Противники Бабеля и книги «Конармия», в первую очередь Буденный и его окружение, утверждали, что «Бабель никогда не был и не мог быть подлинным и активным бойцом Первой Конной Армии <...> он где-то плелся с частицей глубоких тылов <...> вернее, Бабель был “на задворках” Конармии»¹⁰². Подобные заявления, как явствует хотя бы из походного дневника Бабеля, никакого отношения к действительности не имеют. Бабель не принимал непосредственного участия в боях, не ходил в атаки. Но он не был и полностью сторонним наблюдателем. Из дневника видно, что Бабель неоднократно находился в Штабе армии (со специальными поручениями и на армейских совещаниях) и даже в квартире, где останавливался Буденный (об этом тоже есть запись), по крайней мере однажды во время боя он оказался рядом с Буденным и Ворошиловым и мог наблюдать их действия.

В дневниковой записи от 15 июля 1920 года, сделанной в Белеве, Бабель отметил: «Описать должность военного кор<респондента>, что такое военный корреспондент» (с. 132). В качестве военного корреспондента 6-й кавалерийской дивизии Бабель (под псевдонимом К. Лютов) публиковался в газете «Красный кавалерист», органе Политотдела Первой конной армии. В августе — сентябре 1920 года в газете было напечатано пять его статей: «Побольше таких Труновых!» (13 августа), «Рыцари цивилизации» (14 августа), «Героиня-санитарка» (31 августа), «Недобитые убийцы» (17 сентября), «Ее день» (18 сентября).

---

¹⁰² Буденный С.М. Открытое письмо Максиму Горькому // Правда. 1928. 26 октября. С. 4. «На задворках Конармии. Критический этюд» — название неопубликованной статьи С.Н. Орловского (см.: РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 75. Лл. 6–16), на основе которой писалась и заметка Буденного «Бабизм Бабеля из “Красной нови”», напечатанная в № 3 журнала «Октябрь» за 1924 год, и его открытое письмо Горькому (подробнее см.: Парсамов Ю.В., Фельдман Д.М. Грани скандала: Цикл новелл И. Бабеля «Конармия» в литературно-политическом контексте 1920-х годов // Вопросы литературы. 2011. № 6. С. 229–286).

Статьи Бабеля-Лютова в «Красном кавалеристе» сильно отличаются от серии очерков 1918 года в «Новой жизни», написанных в основном в импрессионистической манере. Статьи в армейской газете пронизаны публицистическим пафосом, в них прославляются герои Красной армии и содержится открытый призыв к расправе над врагом. Таким призывом почти одинаково заканчиваются две публикации. Вот окончание статьи «Рыцари цивилизации»: «Так погибает шляхта. Так издыхает злобный бешеный пес. Добейте его, красные бойцы, добейте его во что бы то ни стало, добейте его сейчас, сегодня! Не теряя ни минуты» (с. 117). Статья «Недобитые убийцы» завершается словами: «Добейте их, бойцы Конармии! Заколотите крепче приподнявшиеся крышки их смердящих могил!» (с. 119).

Темы статей «Рыцари цивилизации» и «Недобитые убийцы» нашли отражение в дневнике Бабеля.

В статье «Рыцари цивилизации» рассказывается о страшных издевательствах поляков над аптекарем-евреем:

«Жил-был в Берестечке скромный труженик-аптекарь, организовавший насущно нужное населению дело, работавший не покладая рук, занятый своими больными, пробирками да рецептами — и никакого отношения к политике не имел и, может быть, и сам думал, что у большевиков уши над глазами растут.

Аптекарь этот еврей. Для поляка все ясно — скотина безответная, вали почем зря — режь, насилуй, истязай. Демонстрация была приготовлена вмиг. Мирного аптекаря, благополучно нажившего геморрой у своих бутылочек, обвинили в том, что он где-то, когда-то, зачем-то убил польского офицера и, выходит, он поэтому пособником большевикам.

То, что последовало за этим, относит нас к самым удушливым эпохам испанской инквизиции. Если бы я не видел собственными глазами это истерзанное лицо, это раздробленное исковерканное тело — никогда бы не поверил в то, что в наше, хотя бы жестокое, хотя бы кровавое время возможно на земле такое неожиданное злодейство. Аптекарю прижигали тело

каленными железными палками, выжгли лампы (ты, мол, заодно с казаками-большевиками!), загоняли под ногти раскаленные иголки, вырезали на груди красноармейскую звезду, выдергивали по одному волосу с головы.

Все это делалось не спеша, сопровождалось шуточками насчет коммунизма и жидовских комиссаров.

Это не все — и озверевшими панами была до основания разгромлена аптека, все лекарства растоптали, не оставили нетронутым ни одного пакетика, и вот — местечко погибает без медицинской помощи. Вы не найдете в Берестечке порошка против зубной боли. Двадцатитысячное население отдано на съедение эпидемиям и болезням» (с. 117).

Запись, сделанная в Берестечке 7 августа 1920 года, намного лаконичнее: «Ненависть к полякам единодушна. Они грабили, мучили, аптекарю раскаленным железом к телу, иголки под ногти, выщипывали волосы за то, что стреляли в польск<ого> офицера<,> — идиотизм. Поляки сошли с ума, они губят себя» (с. 156). 8 августа Бабель повторяет: «История с аптекарем, которому поляки запускали под ногти булавки, обезумевшие люди» (с. 157).

Статья «Недобитые убийцы» рассказывает о зверствах, учиненных казаками есаула Вадима Яковлева в местечке Комаров:

«Накануне в местечке ночевали молодцы есаула Яковлева <...>

Мы застали еврейское население местечка ограбленным дочиста, зарубленным, израненным. Бойцы наши, выдавшие виды, отрубившие не одну голову, отступали в ужасе перед картиной, представшей их глазам. В жалких, разбитых до основания лачугах валялись в лужах крови голые семидесятилетние старики с разрубленными черепами, часто еще живые крошечные дети с обрубленными пальцами, изнасилованные старухи с распоротыми животами — скрючившиеся в углах, с лицами, на которых застыло дикое невыносимое отчаяние. Рядом с мертвыми копошились живые, толкались об изрезанные трупы, мочили руки и лица в липкой зловонной крови, боясь выползти из домов, думая, что не все еще кончено.

По улицам омертвевшего местечка бродили какие-то приниженные испуганные тени, вздрагивавшие от человеческого голоса, начинавшие вопить о пощаде при каждом окрике. Мы натыкались на квартиры, объятые страшной тишиной — рядом со стариком дедом валялось все его семейство. Отец, внуки, все в изломанных, нечеловеческих позах.

Всего убиты свыше 30, ранены около 60 человек. Изнасиловано 200 женщин, из них много замучено. Спасаясь от насильников, женщины прыгали со 2-го, 3-го этажей, ломая себе руки, головы» (с. 118–119).

А вот запись в дневнике от 28 августа 1920 года, в которой зафиксированы эти события: «Слух об ужасах. Иду в местечко. Невыразимый страх и отчаяние. — Мне рассказывают. Скрытно в хате, боятся, чтобы не вернулись поляки. Здесь вчера были казаки есаула Яковлева. Погром. Семья Давида Зиса, в квартирах, голый, едва дышащий старик-пророк, зарубленная старуха, ребенок с отрубленными пальцами, многие еще дышат, смрадный запах крови, все перевернуто, хаос <...> мать над зарубленным сыном, старуха, свернувшаяся калачиком, 4 человека в одной хижине, грязь, кровь под черной бородой, так в крови и лежат. Евреи на площади, измученный еврей, показывающий мне все, его сменяет высокий еврей. Раввин спрятался: у него все разворочено, до вечера не вылез из норы. Убито человек 15...» (с. 172–173).

В статьях «Героиня-санитарка» и «Ее день» речь идет о медицинских сестрах в Первой конной армии. Хотя в дневнике неоднократно и по разным поводам упоминаются сестры милосердия, статьи в «Красном кавалеристе» с этими упоминаниями никак не связаны.

Также не имеет отношения к дневнику статья, напечатанная в «Красном кавалеристе» 13 августа 1920 года. Она посвящена памяти участника Первой мировой и Гражданской войн Константина Архиповича Трунова (1866–1920), в период советско-польской войны командира 34-го кавалерийского полка 6-й кавалерийской дивизии Первой конной армии, погибшего 3 августа 1920 года в бою под Бродами. Фамилию Трунов Бабель позднее использовал в

«Конармии». Но между реальным К.А. Труновым и Павлом Труновым, героем рассказа «Эскадронный Трунов», мало общего: реальный Трунов командовал полком, герой рассказа — эскадроном; реальный Трунов похоронен в Дубно, герой рассказа — в Сокале. Различны обстоятельства гибели исторического лица и героя рассказа: К.А. Трунов был застрелен противником из маузера в упор; Павел Трунов погиб в неравном бою с вражеской авиацией.

На страницах «Конармии» газета «Красный кавалерист» получила образные определения: «родная беспощадная газета» («Письмо»; с. 11), «залихватская газета, полная мужества и грубого веселья» («Вечер»; с. 63). Армейская газета упоминается также в рассказах «Рабби» и «Измена».

Рассказ «Рабби» заканчивается так: «Там, на вокзале, в агитпоезде 1-й Конной армии меня ждало сияние сотен огней, волшебный блеск радиостанции, упорный бег машин в типографии и недописанная статья в газету “Красный Кавалерист”» (с. 32). Источником этой фразы послужил финал дневниковой записи от 3 июля 1920 года: «А потом ночь, поезд, разрисованные лозунги коммунизма (контраст с тем, что я видел у старых евреев). Стук машин, своя электрическая станция, свои газеты, идет сеанс синематографа, поезд сияет, грохочет...» (с. 123). Как можно видеть, в рассказ добавлены эпитеты («сияние сотен огней», «волшебный блеск радиостанции, упорный бег машин»), но сохранены ритм и перечислительная интонация дневниковой записи.

Имея в виду восприятие «Красного кавалериста» бойцами Первой конной, Бабель записал в дневнике 18 июля 1920 года: «Газету читают, но к<a>к слабо западают имена, как легко все повернуть» (с. 135). «Надо писать в газету и жизнеописание Апанасенки» (с. 161), — сделал он помету почти через месяц, 12 августа. Последняя запись непосредственно касается деятельности Бабеля-Лютова в качестве военного корреспондента, а замысел «жизнеописания Апанасенки» воплотится в одном из конармейских рассказов.

11 сентября 1920 года в «Красном кавалеристе» был напечатан еще один текст, подписанный К. Лютовым. Это письмо редактору газеты В.П. Зданевичу:

«Бесперывные бои последнего месяца выбили нас из колеи.

Живем в тяжелой обстановке — бесконечные переходы, наступления, отходы. От того, что называется культурной жизнью, — отрезаны совершенно. Ни одной газеты за последний месяц не видали, что делается на белом свете — не знаем. Живем, как в лесу. Да оно, собственно, так и есть, по лесам и мыкаемся.

Доходят ли мои корреспонденции — неизвестно. При таких условиях руки опускаются. Среди бойцов, живущих в полном неведении того, что происходит, — самые нелепые слухи. Вред от этого неисчислимый. Необходимо принять срочные меры к тому, чтобы самая многочисленная наша б-я дивизия снабжалась нашей и иногородними газетами <...>

Как дела в редакции? Работа моя не могла протекать хоть сколько-нибудь правильно. Мы измучены вконец. За неделю бывало не урвешь получаса, чтобы написать несколько слов» (с. 121).

Тяжелые условия походной жизни, события польской кампании в августе — начале сентября 1920 года, о которых говорится в приведенном письме в редакцию, нашли отражение в конармейском дневнике Бабеля, о чем речь пойдет дальше и что подтверждает его значимость как исторического документа и как источника книги «Конармия».

1.3. Место конармейского дневника в литературном наследии Бабеля

В статье «Дневники в русском литературном процессе XX века» Н.В. Корниенко отмечает, что «возможности дневниковой формы» активно используются в прозе 1910–1930-х годов: «М. Шагинян собирает свои статьи и эссе начала 1920-х гг. и выпускает их отдельной книгой под авторитетным заглавием “Литературный дневник” (1923) <...> В 1923 г. М. Горький печатает

небольшие рассказы и очерки под общим названием “Из дневника” (отдельное издание — “Заметки из дневника. Воспоминания”, 1924)». Дневник используется как форма повествования, его «ведут разные по социальному и культурному статусу и непохожие друг на друга герои прозы первого революционного десятилетия»¹⁰³. В названной статье приведены примеры из произведений этого десятилетия и более позднего периода советской литературы. Это «Дневник Коли Рябцева. Картины из жизни школы второй ступени» Н. Огнева; дневники безымянного казака-офицера из первой книги «Тихого Дона» М.А. Шолохова, Симона Сербинова из «Чевенгура» А.П. Платонова, Клим Самгина из «Жизни Клим Самгина» М. Горького.

Герои Бабеля дневников не вели, за исключением героя-повествователя в рассказе «Их было девять», датированном 4 августа 1923 года и не публиковавшемся при жизни писателя. Точнее Бабель описывает ситуацию, при которой делалась дневниковая запись:

«Десяти пленных нет в живых. Я знаю это сердцем. Сегодня утром я решил отслужить панихиду по убитым. В Конармии некому это сделать, кроме меня <...> Отряд наш сделал привал в разрушенном фольварке. Я взял <...> дневник и пошел в цветник, еще уцелевший. Там росли гиацинты и голубые розы.

Я стал записывать о взводном и десяти покойниках, но шум, знакомый шум прервал меня тотчас. Черкашин, штабной холуй, шел в поход против ульев. Митя <...> румяный орловец, следовал за ним с чадящим факелом в руках. Головы их были замотаны шинелями. Щелки их глаз горели. Мириады пчел отбивали победителей и умирали у ульев. И я отложил перо. Я ужаснулся множеству панихид, предстоявших мне» (с. 108).

Этот отрывок основан на дневниковых записях. 30 августа 1920 года Бабель отметил: «10 пленных, одного не успеваем спасти. Револьверная рана?

---

¹⁰³ Корниенко Н.В. Дневники в русском литературном процессе XX века // Эго-документы XX века: Литература, культура, история (Фединские чтения. Вып. 7) / Отв. ред. и сост. И.Э. Кабанова. Саратов: ИЦ «Наука», 2020. С. 73.

Офицер. Кровь идет из рта. Густая красная кровь в комьях, заливают все лицо, оно ужасно, красное, покрыто густым слоем крови <...> “Их было девять”. Вокруг них грязные слова. Хотят убить» (с. 175).

А 31 августа сделал такую запись: «Совещание с комбригами. Фольварк. Тенистая лужайка. Разрушение полное. Даже вещей не осталось. Овес растаскиваем до основания. Фруктовый сад, пасека, разрушение пчельника, страшно, пчелы жужжат в отчаянии, взрывают порохом <...> обматываются шинелями и идут в наступление на улей, вакханалия, тащат рамки на саблях, мед стекает на землю, пчелы жалят, их выкуривают смолистыми тряпками, зажженными тряпками. Черкашин. В пасеке — хаос и полное разрушение, дымятся развалины. — Я пишу в саду, лужайка, цветы, больно за все это» (с. 176).

Слово «дневник» Бабель нередко использовал как жанровое определение, особенно в ранний период. Под заголовком «Дневник» в 1918 году были напечатаны 12 из 17 очерков в газете «Новая жизнь» (еще один из новожизненских очерков — «Я задним стоял» — был опубликован в московском издании газеты под заголовком «Петербургский дневник»), очерки «На Дворцовой площади» и «Концерт в Катериненштадте» в газете «Жизнь искусства». В одесском журнале «Силуэты» в 1922 году с подзаголовком «Из петербургского дневника» был напечатан рассказ «Вечер у императрицы». Наконец, 3 августа 1924 года в газете «Правда» состоялась первая публикация «Перехода через Збруч», ставшего рассказом, открывающим книгу «Конармия». Он был помещен вместе с рассказом «Конец св. Ипатия» под общим заголовком «Из дневника». Этот заголовок сохранен в публикации рассказа «Переход через Збруч» в № 3 журнала «Красная новь» за 1925 год.

К определению «Дневник» жанрово примыкает определение «Мои листки». Под таким заголовком печатались произведения Бабеля в петроградском «Журнале журналов»: в 1916 году — очерки «Одесса», «Публичная библиотека», «Девять»; в 1917 году — рассказы «Вдохновение»

и «В щелочку». В газете «Эра» 13 марта 1917 года под заголовком «Мои листки» был напечатан рассказ «Doudou». А последний из опубликованных рассказов Бабеля — «Суд» — был помещен в № 23 журнала «Огонек» за 1938 год под заголовком «Из записной книжки».

Хорошо известны дневники и записные книжки русских писателей и критиков XX века, которые они вели на протяжении ряда лет: А.А. Блока, А. Белого, О.Ф. Берггольц, Вс.В. Вишневского, А.К. Гладкова, Ф.В. Гладкова, Вс.В. Иванова, И.А. Ильфа, Ю.К. Олеси, В.П. Полонского, М.М. Пришвина, А.М. Ремизова, А.Т. Твардовского, А.Н. Толстого, К.А. Федина, Д.А. Фурманова, К.И. Чуковского и др. Эти дневники дают бесценный материал для изучения не только литературного быта и литературного процесса, но и эпохи в целом. К примеру, близкий Бабелю Олеша, начав вести дневник, написал в конечном счете книгу-исповедь «о времени и о себе».

Сохранившаяся часть конармейского дневника Бабеля в отличие от дневников писателей-современников охватывает совсем небольшой период в два с половиной месяца. Однако в нем можно найти детали о Первой конной армии и о событиях советско-польской войны, которых нет ни в каких других источниках. Вел дневник Бабель в первую очередь для того, чтобы создать в недалеком будущем книгу о Гражданской войне.

Если не считать начатой 31 августа 1908 года юношеской записной книжки, куда Бабель заносил сведения о посещении им театральных спектаклей в Одессе и домашние задания, мы располагаем единственным дневником писателя, который является важной частью его литературного наследия, самостоятельным произведением, имеющим не только документальную, но и художественную ценность.

Рукописей Бабеля — автографов и авторизованных машинописей его произведений — сохранилось совсем немного. И среди этих немногих дневник 1920 года является, пожалуй, самым ценным.

Личный архив писателя, как хорошо известно, был изъят во время обыска в его московской квартире и на даче в Переделкине 15 мая 1939 года и

до сих пор не найден. В протоколе обыска в московской квартире в Большом Николоворобинском переулке наряду с личными вещами, документами, фотографиями, иностранными газетами и журналами указаны:

«Разных рукописей — 15 (пятнадцать) папок <...>

Записных книжек — 11 шт. <...>

Блокнотов с записями — 7 шт. <...>

Разных писем — 400 шт. <...>

Разная переписка — 254 л. <...>

Письма, открытки заграничные — 87 шт. <...>

Разных телеграмм — 30 шт.»¹⁰⁴

В протоколе обыска на даче в Переделкине значатся:

«Записные книжки с записью — 3 шт. <...>

Рукопись разная — 9 папок <...>

Письма разные — 10 шт. <...>

Телеграммы — 2 шт. <...>

Записки на отдельных листках — 8 шт.»¹⁰⁵.

О содержании папок с рукописями можно в какой-то мере судить по заявлению Бабеля наркому внутренних дел Л.П. Берии от 11 сентября 1939 года: «Я хочу отдать отчет и в другой стороне моего существования — в литературной работе, которая шла скрыто от внешнего мира, мучительно, со срывами, но непрерывно. Я прошу Вас, гражданин Народный комиссар, разрешить мне привести в порядок отобранные у меня рукописи. Они содержат черновики очерков о коллективизации и колхозах Украины, материалы для книги о Горьком, черновики нескольких десятков рассказов, наполовину готовой пьесы, готового варианта сценария. Рукописи эти — результат восьмилетнего труда, часть из них я рассчитывал в этом году

---

¹⁰⁴ Дело № 419 «Бабель Исаак Эммануилович» // Центральный архив ФСБ России. Д. Р-1252. Л. 17.

¹⁰⁵ Там же. Л. 18.

подготовить к печати. Я прошу Вас также разрешить мне набросать хотя бы план книги в беллетристической форме о пути моем...»¹⁰⁶

Среди конфискованной переписки находились письма Бабеля из Франции 1932–1933 годов, адресованные А.Н. Пирожковой. О том же, что представляли собой 14 записных книжек, нам ничего неизвестно. Нельзя исключить, что они содержали записи дневникового характера позднего периода.

Конармейский дневник Бабеля уцелел чудом. Вместе с несколькими другими автографами писателя он был сохранен киевской переводчицей М.Я. Овруцкой, у которой Бабель иногда останавливался, бывая в Киеве. Скорее всего, Бабель оставил ей на хранение дневник, уезжая за границу в июле 1927 года (именно тогда он переслал в Москву А.Г. Слоним письма к нему от Т.В. Кашириной и несколько писем отца, однако судьба этих писем неизвестна). Впоследствии, уже после реабилитации Бабеля, получив дневник у Овруцкой, вдове писателя Пирожковой его переслала друг семьи Бабеля Т.О. Стах. С дневником из Киева были присланы «Планы и наброски к «Конармии»», страницы записной книжки, начатой в 1908 году¹⁰⁷, автографы неоконченных рассказов «Три часа дня», «Детство. У бабушки» (эта рукопись теперь хранится в РГАЛИ), «Их было девять» и набросок «Их было десять»¹⁰⁸. Кроме наброска «Детство. У бабушки» все эти рукописи, включая конармейский дневник, находятся сейчас в собрании дочери писателя Л.И. Бабель и его внука А.А. Малаева-Бабеля (США).

Походный дневник Бабеля дошел до нас не полностью: отсутствует его начало. Судя по авторской пагинации сохранившейся части, это 54 страницы. Дневник писался в общей тетради, в настоящее время распадающейся на блоки. Выпадают и отдельные листы, однако следов вырванных листов нет. Примерно половина тетради заполнена коричневыми чернилами и

---

¹⁰⁶ Дело № 419 «Бабель Исаак Эммануилович» // Центральный архив ФСБ России. Д. Р-1252. Л. 150.

¹⁰⁷ В этой записной книжке находятся также более поздние записи первой жены писателя, Е.Б. Бабель, и одна запись, сделанная предположительно матерью писателя Ф.А. Бабель.

¹⁰⁸ См.: *Пирожкова А.Н.* Я пытаюсь восстановить черты: О Бабеле – и не только о нем. М.: АСТ, 2013. С. 501.

фиолетовым карандашом, некоторые фрагменты текста написаны черными чернилами; во второй половине тетради перемежаются простой карандаш и фиолетовые чернила. Авторская пагинация, начинающаяся с номера 55, проставлена в верхнем углу страниц. Пропущены номера страниц 69–88 авторской пагинации, далее пронумерованы страницы с 89-й до 171-й (начиная со страницы 151, нумерация идет по тексту, то есть эти номера страниц были проставлены позже, чем сделаны сами записи), последующей пагинации нет. 89-я страница чистая, без записей. Всего в тетради содержится 202 заполненные страницы.

Нельзя исключить, что начало дневника, находившееся в другой тетради или на отдельных листах, было потеряно уже во время польской кампании. Косвенные свидетельства этому есть в двух июльских дневниковых записях 1920 года, сделанных в Белеве. 11 июля: «Ночевал с солдатами штабного эскадрона, на сене. Спал плохо, думаю о рукописях <...> тоска, рукописи, рукописи, вот что туманит душу» (с. 127); 13 июля: «Думаю о доме, о своей работе, летит моя жизнь. Нет рукописей. Тупая тоска, буду преодолевать» (с. 130). Однако, возможно, речь шла не о пропавшем начале дневника или не только о нем, но и о каких-либо черновых набросках.

В конце тетради незаполненными остались примерно полторы страницы, а завершающая дневник помета «Ужин у Гасниковой» отстает от очень лаконичного и как будто обрывающегося текста записи за 15 сентября 1920 года на несколько тетрадных линеек.

Сзади, на внутренней стороне тетрадной обложки, — наброски, похожие на заготовки к развернутым дневниковым записям: перечень населенных пунктов, боев и передвижений — часть маршрута Конармии (судя по названиям населенных пунктов, пометы относятся к концу июля — началу августа).

Рукопись дневника была расшифрована А.Н. Пирожковой.

В предисловии к первому посмертному сборнику Бабеля «Избранное» 1957 года И.Г. Эренбург писал о творчестве писателя и его дневнике: «Все его

произведения были рождены жизнью, он был реалистом в самом точном смысле этого слова. Недавно мне в руки попал его дневник 1920 года — в то время Бабель был в Первой Конной армии. В тетрадку молодой автор наспех заносил свои военные впечатления. Есть в “Конармии” новелла “Гедали”, в которой показан старьевщик-философ. Иному читателю эта новелла может показаться романтическим вымыслом, но дневник объясняет происхождение “Гедали”»¹⁰⁹. И далее Эренбург приводит примеры дневниковых записей, которые использованы в рассказах «Гедали» и «Начальник конзапаса».

Позднее Эренбург вспоминал о появлении «Конармии»:

«Все были потрясены силой фантазии: говорили даже о фантастике. А между тем Бабель описал то, что видел. Об этом свидетельствует тетрадка, побывавшая в походе и пережившая автора <...>

В дневнике есть <...> много <...> персонажей, эпизодов, картин, перешедших потом в “Конармию”. Но рассказы не похожи на дневник. В тетрадке Бабель описывал все, как было. Это опись событий: наступление, отступление, разоренные, перепуганные жители городов и сел, переходящих из рук в руки, расстрелы, вытопанные поля, жестокость войны <...>

А книга не такова: в ней, несмотря на ужасы войны, на свирепый климат тех лет, — вера в революцию и вера в человека»¹¹⁰.

В статье «Материалы к творческой биографии И. Бабеля» Л.Я. Лившиц, цитируя дневник 1920 года, так его характеризует: «Дневник Бабеля — исповедь и самоанализ, “наблюдения без цели” и заметки к будущей книге. Но прежде всего размышление о жизни, а лишь потом — о себе»¹¹¹. «Для автора дневника, — считает исследователь, — характерны не столько новые, по сравнению с предшествующим периодом, взгляды, идеи, сколько новый путь к выработке этих идей и взглядов, поиски дороги к пониманию сущности

---

¹⁰⁹ Эренбург И.Г. И.Э. Бабель // Бабель И.Э. Избранное. М.: Художественная литература, 1957. С. 5–6.

¹¹⁰ Эренбург И.Г. Бабель был поэтом... // Воспоминания о Бабеле. М.: Книжная палата, 1989. С. 49–50.

¹¹¹ Лившиц Л.Я. Материалы к творческой биографии И. Бабеля // Вопросы литературы. 1964. № 4. С. 114.

взвихренной жизни <...> Вокруг трех проблем все время бьется в дневнике мысль Бабеля. Это революция, война, коммунизм»¹¹².

И.А. Смирин также написал о дневнике — в статье «На пути к “Конармии” (Литературные искания Бабеля)», напечатанной в 74-м томе «Литературного наследства» и предваряющей публикацию новых архивных материалов писателя. В статье дана развернутая характеристика дневника 1920 года: «Дневник Бабеля дошел до нас не полностью <...> Да и сам характер этого дневника, который велся в спешке, нерегулярно, от случая к случаю, не позволяет говорить о сколько-нибудь широком и полном охвате тех исторических событий, свидетелем которых был Бабель, принимавший участие в походе Первой Конной. Перед нами разрозненные записи, “поток впечатлений”, в котором автор не излагает последовательно ход военных операций, а бегло фиксирует лишь какие-то личные наблюдения, помечая многие факты двумя-тремя словами, нередко играющими роль условного, “стенографического” значка, за которыми стоит неведомая нам реальность. О многом здесь можно лишь догадываться, многое могло быть понятно лишь самому автору. Бабель не рассказывает о своей жизни, придерживаясь какой-либо ведущей логической нити, а закрепляет на бумаге попадающий в поле его зрения материал в бессвязном, хаотическом виде, избегая (или не успевая) его обрабатывать, отбирать, обобщать и намеренно сопрягая самые разные, порой случайные впечатления, идущие “подряд”, через запятую, в естественном беспорядке. Но его походный дневник, не имеющий военно-исторической ценности и даже мало касающийся самой биографии Бабеля, очень интересен в литературном отношении, ибо представляет своего рода записную книжку писателя, столкнувшегося с новой действительностью и торопливо делающего пометки для каких-то дальнейших художественных изысканий»¹¹³.

---

¹¹² Там же. С. 114–115.

¹¹³ Смирин И.А. На пути к «Конармии» (Литературные искания Бабеля) // Литературное наследство. Т. 74: Из творческого наследия советских писателей. М.: Наука, 1965. С. 474.

В приведенном фрагменте содержится ряд точных замечаний: о некоторой хаотичности записей, о «стенографической» фиксации наблюдений, о сопряжении разных, не связанных между собой впечатлений. Однако кое-что вызывает возражение.

Во-первых, как будет показано дальше, дневник велся не «от случая к случаю», наоборот, записи носят систематический характер. Во-вторых, неверно, на наш взгляд, то, что дневник не имеет военно-исторической ценности и мало касается биографии писателя. В этом плане более точная характеристика дана в 1990 году С.Н. Поварцовым:

«Дневник существенно расширяет наши представления об одном из важнейших этапов гражданской войны в России. Польская кампания в целом и неудача Красной армии в походе на Варшаву нашли в лице Бабеля правдивого летописца. Современные исследователи все чаще обращаются к тем далеким и еще не до конца изученным страницам отечественной истории. Понять их в чем-то существенном помогает дневник Бабеля. Быть может, писатель был в числе первых, кто почувствовал горькую изнанку мифа о “сладкой революции” <...>

Дневник является также важным документом для научной биографии писателя. 6-я кавалерийская дивизия, в рядах которой находился Бабель, уже в начале кампании принимала участие в самых ответственных боях с противником, неся значительные потери. Бабель разделял с конармейцами все тяготы боевого похода <...> Читая дневник, лучше понимаешь “Конармию” и ее автора, по адресу которого неоднократно звучали беспочвенные упреки в том, что он находился “на задворках” героической армии...»¹¹⁴.

О биографической и исторической ценности дневника речь пойдет дальше.

---

¹¹⁴ Поварцов С.Н. Конармейский дневник 1920 года [Предисловие] // Бабель И.Э. Конармия: Рассказы, дневники, публицистика. М.: Правда, 1990. С. 125–126.

В 1971 году отрывки из дневника были напечатаны в «Литературной газете»¹¹⁵. Прошло еще 18 лет, прежде чем в журнале «Дружба народов» в 1989-м состоялась расширенная публикация фрагментов дневника¹¹⁶. Цензурные препоны, обусловленные стереотипностью взгляда официальных кругов и критиков на творчество Бабеля в доперестроечную эпоху, по-прежнему стояли на пути конармейского дневника. Об этом рассказала Г.А. Белая в предисловии к публикации в «Дружбе народов»:

«Уникальность дневника, увы, не облегчила ему путь к читателю. Долгое время никто не знал о нем, кроме узких специалистов. Более того, никто не взял его даже летом 1987 года, когда дневник был предложен для публикации. Три крупнейших московских журнала отклонили рукопись со словами: “Еще не время... Могут подумать... Как бы не навредить Бабелю...” Но навредить Бабелю уже невозможно.

Однако не следует забывать о том, что “Конармия” имела сложную судьбу <...> критика обвиняла Бабеля в заведомом искажении реальности. Дневниковые записи убеждают в достоверности “Конармии”»¹¹⁷.

Полностью дневник был опубликован одновременно в двух изданиях 1990 года: в двухтомнике, подготовленном А.Н. Пирожковой¹¹⁸, и в однотомном издании «Конармии»¹¹⁹.

В 2018 году «Конармия» вышла в академической серии «Литературные памятники». В этом издании дневник напечатан по автографу в разделе «Дополнения»¹²⁰. В свете подготовки научной публикации дневника возник ряд текстологических вопросов. В первую очередь нам казалось необходимым не просто сверить напечатанный текст с автографом, но и максимально

---

¹¹⁵ <Бабель И.Э.> Первая конная в боях и походах / Публ. А.Н. Пирожковой и С.Н. Поварцова // Литературная газета. 1971. 3 ноября. С. 6–7.

¹¹⁶ <Бабель И.Э.> «Ненавижу войну»: Из дневника 1920 года Исаака Бабеля / Предисл. Г.А. Белой, публ. А.Н. Пирожковой, примеч. С.Н. Поварцова // Дружба народов. 1989. № 4. С. 238–252; № 5. С. 247–260.

¹¹⁷ См.: Белая Г.А. «Ненавижу войну»: Из дневника 1920 года Исаака Бабеля. [Предисловие] // Дружба народов. 1989. № 4. С. 238.

¹¹⁸ Бабель И.Э. Сочинения: В 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 362–435.

¹¹⁹ Бабель И.Э. Конармия: рассказы, дневники, публицистика. М.: Правда, 1990.

¹²⁰ См.: Бабель И.Э. Конармия / Изд. подготовила Е.И. Погорельская, отв. ред. Н.В. Корниенко. М., 2018. С. 122–182.

приблизить публикацию к оригиналу, то есть сохранить дневник как документ.

В публикации проставлены номера страниц и отмечены их границы. Сохранено авторское написание слова «казак» (и производных слов) и через букву «а», и через букву «о» — «козак» (украинский вариант). В соответствии с оригиналом воспроизведены разные варианты написания фамилий, встречающиеся в дневнике: Жолнеркевич и Жолнаркевич, Хилемская и Хелемская, Гришчук и Грищук. Как в оригинале даны и названия населенных пунктов, например: Радзивиллов — с одной буквой «л»; приведены оба варианта названия одного села — Лешнюв и Лешнев. Сохранены написания отдельных слов с заглавной буквы, которые по современным правилам должны писаться со строчной, например: Август, Начдив, Командарм, Буденновец, Ровенцы, Волостной и др. Не произведена унификация авторского обозначения даты и места записи. Также не унифицированы авторские написания числительных; если порядковое числительное обозначено только цифрой/цифрами, то буквенное расширение дается в угловых скобках, например: 6<-я> дивизия, 36<-го> полка. Если буквенное расширение имеется в Дневнике, то оно дается так, как в оригинале, например: «1-ой бригаде».

Находясь при штабе 6-й кавалерийской дивизии, ведя журнал военных действий, Бабель усвоил стилистику сводок, донесений, приказов и других военных документов. В дневнике это выразилось в том, что в ряде случаев он, независимо от грамматического управления, употребляет название населенного пункта (когда речь идет о переходе в какое-либо место или о прибытии в него) в именительном падеже; эта форма сохранена. Написание села Лешнюв в творительном падеже дано через букву «ы», как в автографе: «Лешнювым». Сокращенные Бабелем слова раскрываются в угловых скобках, в квадратных скобках воспроизведены вычеркнутые фрагменты.

В статье и в примечаниях мы постарались дать целостное представление о дневнике и как о подготовительном материале к книге, и как о самостоятельном историческом и литературном документе.

В первом томе научного собрания сочинений, которое готовится в настоящее время в ИМЛИ РАН, дневник 1920 года будет также напечатан по автографу. Как и в «Литературных памятниках», не будет унификации написаний, сокращенные автором слова будут раскрываться в угловых скобках, однако номера и границы страниц, а также вычеркнутые фрагменты текста в соответствии с правилами научных и академических собраний сочинений воспроизводятся не будут.

1.4. Вопрос датировки первых четырех записей сохранившейся части дневника

Дневник, как будет показано дальше, позволяет более четко определить пространственно-временные координаты «Конармии» и является ценным источником биографических сведений о писателе. Тем важнее прояснить вопрос о том, что даты первых четырех записей проставлены ошибочно и не соответствуют реальным событиям.

Первая запись сохранившейся части дневника помечена: «Житомир. 3.6.20». Две последующие записи также сделаны в Житомире, в них проставлены даты «4.6.20» и «5.6.20». Четвертая запись датирована: «Ровно. 6.6.20».

На ошибку начальных дат дневниковых записей Бабеля еще в 1972 году указал британский историк Н. Дэвис. Свой вывод он мотивировал тем, что рейд Первой конной на Житомир до 11 июня не проводился, а окончательно красные завладели Житомиром спустя неделю¹²¹. Необходимо сразу уточнить

---

¹²¹ См.: *Davies N. Isaak Babel's Konarmia Stories and the Polish-Soviet War // Modern Language Review 67. [1972]. № 4. P. 847.* Дэвис полагает, что самые ранние события в «Конармии» можно датировать 3 июня (бой за Белую Церковь в рассказе «Конкин») и 27 июня 1920 года (взятие Новограда в «Переходе через Збруч»). Со второй датой все верно. Однако военком 2-й бригады 14-й кавалерийской бригады Н.А. Конкин совершил подвиг, за который был награжден орденом Красного знамени, в бою не за Белую Церковь, а под селом Старосельцы, 14 июня 1920 года (см.: Протокол заседания Реввоенсовета Первой конной армии от 27 июня 1920 года //

эти данные. Части Первой Конной армии вначале вошли в Житомир 7 июня. В донесении Д. Коротчаева, в тот момент начальника 4-й кавалерийской дивизии, было сказано, что дивизия заняла Житомир после боя у Левкова, в 18 часов. Однако, оставив небольшой отряд для комендантской службы, дивизия покинула город¹²². 8 июня Житомир находился без власти, а 9-го туда вернулись поляки. Частям Конармии удалось вновь войти в город 12 июня.

В более поздней статье, посвященной «Конармии», Э. Зихер, ссылаясь на мнение Дэвиса, отмечает, что первая дата в дневнике несомненно является ошибочной, так как в этой дневниковой записи речь идет о субботе, но 3 июня 1920 года приходилось на четверг, а 3 июля — как раз на субботу¹²³.

В монографии 2012 года Зихер предполагает, что Бабель, вероятно, ошибся в написании римских цифр и написал «VI» вместо «VII»¹²⁴. Однако месяц в первых четырех датах, как и в большинстве случаев в дневнике обозначен именно арабской цифрой, и только в записях, сделанных с 1 по 7 августа, месяц написан словом, а в записях от 8, 9, 23, 24 и 25 августа обозначен римской цифрой «VIII».

Тем не менее в публикациях дневника, за исключением издания в «Литературных памятниках», эта серьезная погрешность не комментировалась, а в российском литературоведении продолжало бытовать ошибочное мнение о том, что сохранившийся дневник писателя начинается с 3 июня 1920 года¹²⁵ и что утрачена 21 страница из середины дневника, якобы содержащая записи более чем за месяц — с 7 июня по 10 июля. Так, например, Белая писала: «...то короткие в две-три строки, то подробные, в две-три страницы записи рассказывают о событиях с 3 июня по 15 сентября 1920

РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 16. Л. 26; см. также: Красный кавалерист. 1920. 4 июля. С. 4). Бабель, несмотря на географическое смещение и яркий вымысел, довольно точно отобразил в рассказе это событие.

¹²² См.: Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 2. М.: Воениздат, 1965. С. 115, 118.

¹²³ См.: *Sicher E.* The «Jewish Cossack»: Isaac Babel in the First Red Cavalry // *Studies in Contemporary Jewry. An Annual. IV: The Jews and the European Crisis, 1914–1921.* Oxford, 1988. P. 131.

¹²⁴ См.: *Sicher E.* Babel in Context: A Study in Cultural Identity. Boston: Academic Studies Press, 2012. P. 257.

¹²⁵ Удивительным образом И.Г. Эренбург и в предисловии к посмертному сборнику Бабеля «Избранное» (см.: *Эренбург И.Г.* И.Э. Бабель // Бабель И.Э. Избранное. М.: Художественная литература, 1957. С. 6), и в воспоминаниях (см.: *Эренбург И.Г.* Бабель был поэтом... // Воспоминания о Бабеле. С. 49) называет датой первой сохранившейся дневниковой записи 3 июля. Трудно предположить, чтобы Эренбург проводил в тот момент какие-либо исторические изыскания, чем он руководствовался, называя верную дату, сказать сложно.

года»¹²⁶. Поварцов считал, что Бабель «разделял с конармейцами все тяготы боевого похода в знаменитом Житомирском прорыве»¹²⁷.

В последнем предположении исследователь опирался на ошибочные июньские даты первых трех дневниковых записей, сделанных в Житомире. Однако те события, которые нашли отражение в первых четырех дневниковых записях, датированных 3, 4, 5 и 6 июня 1920 года, в эти числа никак не могли произойти ни в Житомире, ни в Ровно. Следует отметить, что записи, по крайней мере, за первые два дня сделаны в спокойной повествовательной манере, которая характерна в дневнике Бабея для тыловой, относительно мирной обстановки.

Прочитаем самое начало дневника: «Утром в поезде, приехал за гимнастеркой и сапогами. Сплю с Жуковым, Топольником, грязно, утром солнце в глаза, вагонная грязь» (с. 122).

Как было сказано, Житомир 3 июня и в последующие несколько дней — до 6-го включительно, был тылом противника. Значит приехать туда «за гимнастеркой и сапогами» в этот день Бабель никак не мог. Не мог он прибыть в город на поезде. Железная дорога от Фастова (откуда, скорее всего, он выехал) до Житомира проходила через Казатин и Бердичев. Все три населенных пункта и, соответственно, железнодорожные станции в те дни находились еще в руках поляков.

Далее в первой дневниковой записи читаем: «Дрянной чай в одолженных котелках. Письма домой, пакеты в Юграста, интервью с Поллаком, операция по овладению Новоградом...» (с. 122).

В тот момент, о котором идет речь, Б.Н. Поллак был, как явствует из одной из оперативных сводок, командиром разведывательного отряда¹²⁸. Второй раз в дневнике Поллак упоминается 3 августа: «Еду в штаб. Пустынно, мертво, уныло. Зотов спит на стульях, как мертвец. Спят Бородулин и Поллак»

---

¹²⁶ *Белая Г.А.* «Ненавижу войну»: Из дневника 1920 года Исаака Бабея. [Предисловие] // Дружба народов. 1989. № 4. С. 238.

¹²⁷ *Поварцов С.Н.* Конармейский дневник 1920 года. [Предисловие]. С. 126.

¹²⁸ См.: РГВА. Ф. 245. Оп. 10. Д. 8. Л. 79, 79 об.

(с. 151). Поскольку здесь же говорится о начальнике полевого штаба армии С.А. Зотове, нельзя исключить, что какое-то время Поллак служил в Полештарме. В течение очень непродолжительного времени — с 8 по 26 августа 1920 года — он был начальником штаба 11-й кавалерийской дивизии.

Как бы то ни было, Поллак вряд ли стал бы обсуждать военную операцию за три с лишним недели до ее осуществления с корреспондентом, недавно прибывшим в армию. К тому же нет никаких данных о том, что операция по овладению Новоградом разрабатывалась уже к началу июня (до взятия Житомира). Совершенно ясно, что речь в дневнике идет об уже свершившемся событии. Бабель, вероятно, мог узнать о готовящемся походе 6-й дивизии на Новоград, но за несколько дней до операции, которая начала разрабатываться не в начале июня, а позднее¹²⁹.

В оперативном приказе № 104 6-й кавалерийской дивизии от 18 июня 1920 года начдиву предписывалось выделить одну бригаду для продолжения с рассветом 19 июня тщательной разведки в сторону Новограда-Волынского (разведка была поручена 2-й бригаде)¹³⁰. Задачи, стоящие в этой операции перед бригадами 6-й дивизии, отражены в оперативном приказе № 19 от 22 июня 1920 года:

«Пр<отивни>к на фронте нашей армии под давлением 12-й оставил Коростень и отходит к Новоград-Волыньск. Нашей армии приказано преследовать пр<отивни>ка, уничтожить его живую силу, не давая ему переправиться через реку Случь. Нашей и 11-й кавдивизии приказано уничтожить, преследовать противника, прикрывающего свои отступление <sic!> части.

Нашей дивизии приказано во что бы то ни стало овладеть Новоград-Волыньском и переправами Новоград-Волыньск—Чижовка <...> 2-я кавбригада ведет наступление в полосе от шоссе Житомир—Новоград-Волыньск

---

¹²⁹ Операция по овладению частями Первой конной армии Новоградом-Волыньским начала планироваться в двадцатых числах июня 1920 года (см.: *Клюев Л.Л.* Первая Конная красная армия на польском фронте в 1920 году. М.: Воениздат, 1932. С. 52–57).

¹³⁰ См.: РГВА. Ф. 7675. Оп. 1. Д. 3. Л. 71.

включительно до бывшей дороги Житомир—Новоград-Волынск включительно. 1-я кавбригада от большой дороги Новоград-Волынск включительно до Гута—Пулинская—Рудия—Тупольцы—сл. Романовская—Жарковка, все пункты включительно. Нашей бригаде по дороге на Чернявка—Тесновка—Сосновка—Федоровка—Ужачин—Галлы—Александровка, все пункты включительно, и во время движения выслать разъезды на Александровка, на Чижовка, на Стекланный Завод и речку Вершница.

На нашу бригаду¹³¹ возложена задача поддержания связи с 11-й кавдивизией во время наступления. Взятие Новоград-Волынска представляется так: 2-я кавбригада производит демонстрацию<:> взятие города в лоб, 1-я кавбригада наносит удар с восточной стороны и 3-я кавбригада, обходя Новоград-Волынск с севера, передовыми своими частями должна быстро форсировать переправу на реке Случь в районе Новоград-Волынск—Александровка и одновременно с этим, помогая бригадам занятию Новоград-Волынска с севера...»¹³²

Новоград-Волынский был взят частями Первой конной армии 27 июня 1920 года. Хотя данное событие не описано в дневнике, тем не менее, возможно, и благодаря интервью с Поллаком оно нашло отражение в конармейских рассказах. Именно с сообщения о взятии Новограда в рассказе «Переход через Збруч» начинается «Конармия»: «Начдив шесть донес о том, что Новоград-Волынск взят сегодня на рассвете» (с. 7). Это событие упоминается в «Аргамак», ставшем в 1933 году завершающим рассказом книги: «Конная армия овладела Новоград-Волынском. В сутки нам приходилось делать по шестьдесят, по восемьдесят верст. Мы приближались к Ровно» (с. 109).

Чтобы закончить разговор о Новограде-Волынском обратимся к третьей дневниковой записи, сделанной в Житомире и датированной 5 июня 1920 года: «Получил в поезде — сапоги, гимнастерку. Еду на рассвете в Новоград.

---

¹³¹ Речь идет о 3-й кавалерийской бригаде 6-й кавалерийской дивизии.

¹³² РГВА. Ф. 7675. Оп. 1. Д. 3. Л. 91.

Машина Thornicroft. Все взято у Деникина. Рассвет на монастырском или школьном дворе. Спал на машине. В 11 ч<асов> в Новограде. Дальше на другом Thornicroft'e. Обходной мост» (с. 124).

Совершенно ясно, что Бабель смог приехать в Новоград, уже занятый Красной армией. И ехал он на машине из Житомира именно по шоссе, которое контролировали красные. Во многих документах Первой конной и в дневнике Орловского говорится о проблемах, связанных со снабжением армии боеприпасами, одеждой и продовольствием. Так, 4 июля 1920 года Орловский записал: «До настоящего времени все наши сводки отмечают отсутствие зернового фуража, и, хотя по линии Житомир—Новоград-Волынск теперь работает 48 грузовиков, подача все же происходит слабо»¹³³.

Особенно важно здесь упоминание о шоссеиной дороге из Житомира в Новоград, по которой могли свободно ездить машины Конармии. До конца июня подобное было просто нереально.

Вернемся к первой сохранившейся дневниковой записи: «После обеда в Житомир. Белый, не сонный, а подбитый, притихший город. Ищу следов польской культуры. Женщ<ины> хорошо одеты, белые чулки. Костел. — Купаюсь у Нюськи в Тетереве, скверная речонка, старые евреи в купальне с длинными тощими ног<ами>, обросшими седым волосом. Молодые евреи. Бабы на Тетереве полощут белье. Семья, красивая жена, ребенок у мужа» (с. 122).

Картина почти идиллическая. Конечно, в городе, занятом противником, накануне прорыва польского фронта подобные вещи были бы невозможны. Более того, слова о «не сонном, но подбитом, притихшем городе» свидетельствуют о том, что после самых напряженных событий в Житомире уже прошло какое-то время.

Затем следует описание базара и знакомства с маленьким житомирским евреем-философом — прототипом рассказа «Гедали». Вслед за описанием

---

¹³³ Орловский С.Н. Великий год: Дневник конноармейца. М.; Л.: Госиздат, 1930. С. 71.

встречи с будущим героем одного из конармейских рассказов идет сообщение о реальных исторических событиях, которые произошли в Житомире: «Житомирский погром, устроен<ный> поляками, по<том>, конечно, казаками. — После появления наших передовых частей поляки вошли в город на 3 дня, евр<ейский> погром, резали бороды, это обычно, собрали на <...> рынке 45 евреев, отвели в помещение скотобойни, истязания, резали языки, вопли на всю площадь. Подожгли 6 домов, дом Конюховского на Кафедральной — осматриваю, кто спасал — из пулеметов, дворнику<,> на руки которому мать сбросила из горящего окна младенца, — прикололи, ксендз приставил к задней стене — лестницу, таким способом спасались» (с. 122–123).

Бабель описывает погром, о котором он узнал, приехав в Житомир спустя какое-то время после события.

Когда городом окончательно овладела Первая конная, была создана «Комиссия по расследованию зверств, произведенных белополяками в Житомире». Сопоставим приведенную запись в дневнике Бабеля с документами комиссии, а именно с «Актом по расследованию зверств, произведенных польскими войсками в г. Житомир» от 11 августа 1920 года:

«7 июня 1920 г. под натиском Красной Армии польские войска принуждены были оставить г. Житомир, и в тот день отряд Красной кавалерии, сделав налет, покинул город. 8-го июня город находился без власти. Городская управа организовала милицию для поддержания порядка <...> День 8/VI в городе прошел спокойно, никаких эксцессов не было зарегистрировано <...>

9-го июня часов в 10 в город стали вступать опять польские войска. Они въезжали на грузовиках, причем вид их не предвещал ничего хорошего. Хотя в городе никакого неприятеля не было, они держали ружья наперевес, готовые убить первого встречного. Почти тотчас же стали раздаваться выстрелы, польские солдаты стали распространять слухи, что при отступлении их из города 7/VI, также и при вступлении обратно 9/VI евреи стреляли в них. Но не только слухи поляки распространяли, но и пытались спровоцировать

население, производя стрельбу и говоря, что евреи в них стреляют из домов <...> По вступлении в город небольшие кучки польских солдат по 5–10 человек стали врывать в квартиры евреев и, под видом розыска оружия или награбленного казенного имущества, забирали все ценные вещи и имущество. В то же время группы солдат стали производить аресты граждан, главным образом евреев, случайно попадавшихся навстречу, также захватывали и на квартирах. При этих арестах, как и вообще, когда поляки врвались в квартиры, они избивали мужчин и женщин. Мотив во всех этих случаях был один: “евреи коммунисты”, “евреи стреляли в них”.

Так начался погром, продолжавшийся с 9-го по 12 июня, когда в город опять вступили Советские войска. Более подробная картина погрома заключалась, согласно произведенному расследованию, в следующем:

“Весь день в среду 9-го июня не прекращалась стрельба, производимая польскими солдатами. В этот же день и начались первые убийства. Терроризированное еврейское население упряталось по своим квартирам и не смело выходить на улицу.

В четверг 10-го и в пятницу 11-го в городе царил произвол, и погром принял более крупные размеры. Польские солдаты обходили еврейские квартиры, грабили, убивали самым зверским образом евреев, многих уводили с собою, частью в здание комендатуры, где в эти дни содержались арестованные, главным образом уводили на место расправы на Сенную площадь, где в течение двух дней, четверга и пятницы было убито большинство жертв <...> Жертвы уводились большей частью группами и там, после истязаний и издевательств, с ними кончали, частью застреливали, некоторых зарубали шашками. В материалах комиссии имеется много указаний относительно того, как производились эти насилия и в чем состояли. На Петроградской улице была забрана из квартир целая группа евреев <...> которые были сначала доставлены в 11-й милицейский район, но немедленно же, без всяких следствий и расспросов, они были забраны оттуда и увезены на Сенную площадь, где всех зверским образом убили.

Доставляемых на Сенную площадь отправляли в казарму, где помещалась польская воинская часть. Там над ними проделывались самые гнусные издевательства и зверские истязания. Некоторых из убиваемых держали в течение одного-двух часов в казармах, заставляли их танцевать, петь, избивали прикладами и саблями.

Вакханалия на Сенной пл<ощади> прекратилась лишь вечером. Общее число убитых там составляло 30 человек <...>

По отношению к арестованным проявлялись насилия и истязания самые варварские и бесчеловечные. Все евреи и один русский молодой парень — полоумный, принятый за “буденновского казака”, подверглись избиениям прикладами и нагайками. Били до потери сознания. В отношении одного Гилеля Таненбаума, сторожа Талмуд-Торы¹³⁴, еврея лет 50-ти, применялись утонченные мучения. Рвали бороду, заставляли есть вырванные клочья волос бороды, поджигали спичками. Все три дня 9–11 арестованным не давали ни есть, ни пить. Наиболее изощрялись в этом “благородные офицеры”»¹³⁵.

В акте подводятся итоги расследования комиссии:

«Резюмируя вышеизложенное, по данным материалам расследования Комиссия пришла к следующим выводам:

1. Погром был заранее подготовленный и организованный польскими военными частями, вступившими в город Житомир 9-го июня.

2. Погром был произведен исключительно польскими воинскими частями под руководством начальствующих лиц.

3. Главными виновниками и попустителями являются: комендант капитан Шуйский, начальник гарнизона полковник Седльницкий и комендант майор Ганич, в руках которых была вся власть в эти дни.

4. Никаких выступлений местного населения еврейского против польских солдат не было, и все обвинения подобного рода, которыми

---

¹³⁴ Талмуд-Тора — религиозное учебное заведение для мальчиков.

¹³⁵ РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 1–8.

пытались “польские рыцари”¹³⁶ оправдать свои действия, являются сплошной провокацией.

5. Безусловно являются доказанными факты провокации польских воинских частей, как то: провокационная стрельба, легенда о ранении польского офицера и др.

6. Погром этот по своему характеру сопровождался мучениями и зверствами над убиваемыми жертвами»¹³⁷.

Факты и реалии, записанные в дневнике Бабеля, несколько отличаются от зафиксированных в акте комиссии. Однако совершенно ясно, что речь идет об одних и тех же событиях в Житомире, которые произошли 7-го и с 9 по 11 июня 1920 года.

Обратим внимание на одно сходство: в акте говорится, что у Гилеля Таненбаума рвали бороду, заставляя есть клочья волос; у Бабеля в дневнике записано: «...резали бороды, это обычно...» (с. 123). Данная подробность перешла в рассказ «Гедали»: «Поляк закрыл мне глаза, — шепчет старик чуть слышно — поляк, злая собака. Он берет еврея и вырывает ему бороду, ах, пес!» (с. 26).

Видимо, Бабель, узнав об июньском погроме в Житомире, провел собственное расследование. Но ни сведения комиссии, ни те, что приведены в дневнике Бабеля (за исключением одной детали: «по<том>, конечно, казаками»), не противоречат воспоминаниям Буденного, который вместе с К.Е. Ворошиловым и Особым кавполком 12 июня в 18 часов прибыл в Житомир: «В последние два дня перед оставлением Житомира, — пишет Буденный, — озверевшие шляхтичи врывались в квартиры, забирали все ценное, арестовывали жителей и особенно евреев. На Сенной площади задержанных мучили, затем расстреливали или рубили шашками. Зверски расправились белополяки с населением трехэтажного дома № 12 по Б.

---

¹³⁶ Вспомним, что напечатанный 14 августа 1920 года в газете «Красный кавалерист» очерк Бабеля об издевательствах поляков над аптекарем-евреем и разгроме аптеки в Берестечке, озаглавлен «Рыцари цивилизации».

¹³⁷ РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 1–8.

Бердичевской улице. Закрыв все выходы из дома, они облили его керосином и подожгли. Жители, за исключением выбросившихся из окон, сгорели живыми»¹³⁸.

С упоминания погрома в Житомире начинается и следующая дневниковая запись Бабеля, сделанная 4 числа: «Утром — пакеты в Югоста, сообщение о жит<омирском> погроме...» (с. 123). Было ли опубликовано это сообщение, неизвестно.

Последний фрагмент первой дневниковой записи является одним из главных доказательств того, что эта запись, как отметил Зихер, не могла быть сделана 3 июня: «Заходит суббота, от тестя идем к цадику¹³⁹» (с. 123).

Речь идет о начале субботы, которая, по еврейскому Закону, наступает в пятницу вечером, с заходом солнца. Этот фрагмент Бабель использовал впоследствии в рассказах «Рабби» и «Сын рабби». В рассказе «Гедали» также говорится именно о начале субботы. В «Гедали» есть практически цитата из дневника: «Заходит суббота, — с важностью произнес Гедали, — евреям надо в синагогу...» (с. 26).

Следовательно, Бабель приехал на поезде в Житомир в пятницу утром, 2 июля 1920 года. И описал он в дневнике все, что с ним произошло, что он наблюдал, о чем он узнал именно 2 июля¹⁴⁰. Сделал же он эту запись 3 июля, после полуночи или ранним утром, с наступлением уже не только религиозной, но и календарной субботы.

Поздно вечером Бабель возвращался от цадика в поезд, он шел по Житомиру, вспоминая «чудесный вечер»: «Иду, думаю обо всем, тихие, чужие улицы» (с. 123). Помета «в поезде» над первой сохранившейся записью и приведенное выше окончание этой записи подтверждают нашу мысль.

---

¹³⁸ Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 2-я. С. 130.

¹³⁹ В иудаизме (особенно в хасидизме) благочестивый, безгрешный человек (святой), духовный лидер хасидской общины.

¹⁴⁰ Кстати, показания сторожа Талмуд-Торы, о которых говорится в акте обследования, также сделаны 2 июля (см.: РГВА. Ф. 245. Оп. 1 Ед. хр. 59. Л. 65).

Таким образом, исходя из уточненной даты первой дневниковой записи Бабеля — 3 июля, действие рассказов «Гедали» и «Рабби» можно точно отнести ко 2 июля 1920 года, пятнице, второй половине дня.

Дневник, как было сказано, позволяет более четко определить временные границы повествования в «Конармии». В первой и/или повторной публикациях 27 из 34 рассказов были датированы (в книге Бабель часть датировок снял и оставил даты только 12 рассказов). Еще в 1964 году, как отмечалось во Введении, Л.Я. Лившиц показал, что даты, стоящие под рассказами, обозначают не время работы над ними, а время действия в них¹⁴¹. В публикациях в одесских «Известиях» рассказы «Гедали» и «Рабби» помечены: «Житомир, июнь 1920»¹⁴². Как можно объяснить датировку июнем? Новеллы «Гедали» и «Рабби» основаны на приведенной записи в дневнике, которой Бабель пользовался во время их написания. Через несколько лет он, вероятно, не мог помнить точной даты тех относительно мирных событий (там есть только отголоски войны), которые описал в этих двух рассказах. В дневнике же он увидел свою помету: «Житомир. 3.6.20». К тому же события в Житомире, о которых рассказал герою-повествователю Гедали, произошли как раз в июне.

Относительно спокойные картины обрисованы и в следующей записи, от 4 числа: «Читаю Гамсуна. Собельман рассказывает мне сюжет своего романа. — Новая рукопись Юва, старик, живший в столетиях, отсюда унесли ученики, чтобы симулировать вознесение, пресыщенный иностранец, русс<кая> революция...» (с. 123).

В описаниях двух следующих дней динамика нарастает. Вот отрывок из записи, помеченной «Житомир. 5.6.20»: «На грузовике снабженец в белой папахе, еврей и сутуловатый Морган <...> Машина идет из-под Фастова. Два толстых шофера. Летим, настоящий русский шофер, вытрясло все

---

¹⁴¹ См.: Лившиц Л.Я. Материалы к творческой биографии И. Бабеля // Вопросы литературы. 1964. № 4. С. 118–124.

¹⁴² Известия Одесского губисполкома, КП(б)У и Губрофсовета. 1924. 9 марта. С. 4 («Рабби»); Там же. 1924. 29 июня. С. 3 («Гедали»).

внутренности. Поспевает рожь, скачут ординарцы, несчастные, огромные запыленные грузовики, раздетые польские пухлые беловолосые мальчики, пленные, польские носы. — Корец, описать, евреи у большого дома, ешиве бохер¹⁴³ в очках, о чем они говорят. Старики с желтыми бородами, сутуловатые коммерсанты, хилые, одинокие. Хочу остаться, но телеграфисты сворачивают провода. Конечно — штаб уехал. Рвем яблоки и вишни. С бешен<ой> скоростью дальше <...> Вечер. Ночь. Парк в Гоще. Мчится Зотов с штабом, скачут обозы, штаб уехал на Ровно...» (с. 124).

В этом описании особенно важно упоминание города Корец и начальника полевого штаба Первой конной армии С.А. Зотова. Орловский отметил в дневнике 3 июля 1920 года: «Полевой штаб перешел в Корец»¹⁴⁴, затем, из-за осложнения обстановки, «обозы полештарма выдвинуты в направлении Гоща». 8 июля он записал: «Полевой штаб армии, стоявший в Ровно, на всякий случай отправил свои обозы ночью и продолжал работу»¹⁴⁵.

Если не учитывать стилистическую разницу дневников и задачи, которые ставили перед собой их авторы, а принять во внимание только фактическую сторону и даты, то становится совершенно ясно, что Бабель в своем дневнике пишет о событиях, относящихся не к началу июня, а к началу июля 1920 года. В последней житомирской записи мы читаем: «Горынь, сеть озер и притоков, вечерний свет, здесь был бой перед Ровно» (с. 125).

Следующая запись сделана уже в самом Ровно, она помечена: «Ровно. 6.6.20»: «В 1 час едем из Гощи на Ровно <...> В Ровно пыль, пыльное золото расплавленное течет над скучными домишками. — Проходит бригада, Зотов в окне (вспомним: полевой штаб в это время в Ровно. — *Е.П.*), ровенцы, вид казаков, изумительное спокойное, уверенное войско. Евр<ейские> девицы и юноши следят с восхищением, старые евреи смотрят равнодушно. Дать воздух

---

¹⁴³ Ешиве бохер — учащийся ешивы, высшего учебного религиозного заведения для иудеев; бохер — парень, юноша (*ивр.*).

¹⁴⁴ 2 июля 1920 года, в 23 часа 50 минут, в Новограде был издан приказ начальника Полевого штаба Конармии С.А. Зотова, предписывавший «Полевому штабу со всеми его учреждениями и обозами завтра 3 июля перейти и расположиться <в> Корец, для чего к 9 часам построиться на западной окраине Новоград-Волинск<а> у шоссе, откуда следовать за полком Особого назначения...» (РГВА. Ф. 7946. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 92).

¹⁴⁵ Орловский С. Великий год. С. 69–70, 72.

Ровно, что-то раздерганное, неустойчивое, и есть быт и польские вывески» (с. 126).

В рассказе «Аргамак» так описан ровненский эпизод: «Конная армия атаковала Ровно. Город был взят. Мы пробыли в нем двое суток. На следующую ночь поляки оттеснили нас. Они дали бой для того, чтобы провести отступающие свои части. Маневр удался. Прикрытием для поляков послужили ураган, секущий дождь, летняя тяжелая гроза, опрокинувшаяся на мир в потоках черной воды. Мы очистили город на сутки. В ночном этом бою пал серб Дундич, храбрейший из людей» (с. 110).

Сравним этот отрывок с данными о боях за Ровно из дневника Орловского.

4 июля 1920 года: «В 23 часа пал г. Ровно». (Бабель там оказался 6 июля после часа дня.)

6 июля: «...части Конармии ведут наступление от Ровно, значительно выдвинулись вперед».

7 июля: «Ровно занят при обходе его с тыла. Взято около 1000 пленных и значительное трофейное имущество...»

8 июля: «Противник, действуя большими силами в районе М. и Б. Житин против 6-й кавдивизии, оттеснил ее части к г. Ровно. В то же время 11-я кавдивизия заняла г. Дубно. 6-я дивизия вела до вечера бой в 5 км от Ровно <...> К ночи поднялась страшная гроза и ливень. 6-я дивизия не могла далее вести боя и начала отходить в город <...> Гроза не утихала <...> 7 июля в боях под Ровно был убит “Красный Дундич”».

9–10 июля: «Под утро 9 июля около 5 час. утра на краю города, где были выставлены заставы от эскадрона связи, послышался треск пулеметов. Приехавшие два конноармейца <sic!> донесли, что поляки входят в город. Быстро свернули аппараты, и полештарм в 6 часов отошел в направлении ст. Коростово к юго-зап<аду> от Ровно. В 16 час. он расположился в Коростове.

Вечером 9 июля части 6-й кавдивизии выбили противника из Ровно, и 10-го полевой штаб вернулся обратно. Здесь хоронили Дундича»¹⁴⁶.

Совершенно очевидно, что в приведенном выше отрывке из рассказа «Аргамак» Бабель описал события именно этих июльских дней 1920 года. Отметим также, что бои за Житомир и бои за Ровно разделяет примерно месяц.

Итак, сопоставив первые четыре записи в дневнике с реальными фактами и событиями периода советско-польской войны 1920 года, можно утверждать, что эти записи сделаны не 3, 4, 5 и 6 июня, а в те же числа, но на месяц позднее, то есть 3, 4, 5 и 6 июля. Самое правдоподобное и единственно верное, на наш взгляд, объяснение обозначения месяца в этих записях — цифрой «6» — обычная механическая ошибка Бабеля. Мы, к сожалению, никогда не узнаем, какие именно записи были на первых 54 страницах дневника. Можно только предположить, что 1 и 2 июля он ничего в дневник не записывал (день 2 июля, как было показано, подробно описан в первой сохранившейся записи). Делая первую запись в июле, он «автоматически» ставит цифру, обозначающую предыдущий месяц, а эта ошибка потянула за собой три последующие. Явление психологически вполне объяснимое, тем более что речь идет о необычных и даже экстремальных условиях.

Можно с уверенностью говорить о том, что середина дневника не утеряна, а пропуск в записях составил только четыре дня, а именно 7, 8, 9 и 10 июля. Это тоже легко объяснить той чрезвычайной ситуацией вокруг Ровно, о которой говорилось выше. Возможно, Бабель оставил чистую страницу, чтобы сделать короткие записи за четыре дня, наподобие записей от 14–17 августа, или одну сводную запись. Что касается разрыва авторской пагинации (после страницы 68 идет 89-я), то, скорее всего, и в данном случае имеет место простая механическая ошибка автора дневника (следов вырванных листов между этими страницами, как уже говорилось, в тетради нет).

---

¹⁴⁶ Орловский С. Великий год. С. 71–73.

В самом дневнике содержится еще одно доказательство того, что большого пропуска в нем не было и середина его не утеряна. В записи, сделанной 11 июля в Белеве, причем в самом начале, есть такой отрывок: «Думаю о Хастах, гниды, вспоминаю все <—> и эти вонючие души, и бараньи глаза, и высокие скрипучие неожиданные голоса, и улыбающийся отец. Главное — улыбка<,> и он, вспылчивый, и много тайн, смердящих воспоминаний о скандалах. Огромная фигура — мать, она зла, труслива <...> обжорлива, отвратительна, остановившийся, ожидающий взор. Гнусная и подробная ложь дочери, смеющиеся глаза сына из-под очков» (с. 127).

Семью Хастов Бабель встретил в Ровно 6 июля и дал им подробную характеристику в дневнике: «Хасты, черноволосая и хитрая девица, приехавшая из Варшавы, ведет, фельдшер, злое словесное зловоние, кокетство <...> Описать тот Хаст, сложная фурия, невыносимый голос, думают, что я не понимаю по-еврейски, ссорятся непрерывно, животный страх, отец — не простая вещь, улыбающийся фельдшер, лечит от трипперов (?), улыбается, невидим, но, кажется, вспылчив, мать — мы интеллигенты, у нас ничего нет, он же фельдшер, работник, пусть будут эти, но тихо, мы измучены, явление ошеломляющее — круглый сын с хитрой и идиотской улыбкой за стеклами круглых очков, вкрадчивая беседа, за мной ухаживают, масса сестер, все сволочи (?). Зубной врач, какой-то внук, с которым все разговаривают так же визгливо и истерически, как со стариками <...> Пью чай непрерывно и потею зверски, и всматриваюсь в Хастов внимательно, пристально» (с. 126–127).

Описанием семьи Хастов практически заканчивается одна дневниковая запись и начинается следующая. Какое бы сильное и неприятное впечатление ни произвело это семейство на Бабеля, через четыре дня (а возможно, что он провел у них не только вечер 6 июля, но и вечера 7 и 8 июля) он мог о них думать и вспоминать, но через месяц с лишним, да еще при столь напряженной жизни, — нет.

Итак, первые записи сохранившейся части дневника сделаны 3, 4, 5 и 6 июля. С 11 июля по 18 августа включительно не был пропущен ни один день.

Нет записей за 19 и 20 августа, точнее Бабель их не выделил, а отображенные за эти дни события помещаются внутри записи, помеченной 18 августа. С 21 августа по 15 сентября также нет пропусков. Есть в дневнике одна сдвоенная запись — за 23 и 24 августа, и одна запись, объединяющая три дня — 3, 4 и 5 сентября. Последняя запись сделана 15 сентября.

Таким образом, в течение двух с половиной месяцев 1920 года Бабель регулярно вел дневник, и мы располагаем почти непрерывными дневниковыми записями писателя за этот период. Другое дело, что характер и объем этих записей, а порой и сама возможность сесть и что-то записать, нередко зависели от обстановки — походной или бытовой. Например, 5 июля Бабель пометил: «Пишу дневник. Есть лампа» (с. 125). Или, наоборот, 13 августа: «...прервал писанье, в 100 шагах разорвались две бомбы, брошенные с аэроплана» (с. 162).

С 3 июля Бабель писал дневник практически ежедневно, пропуска в месяц, как когда-то считалось¹⁴⁷, не было, а пропущено только четыре дня — с 7 по 10 июля. После 15 сентября дневник, скорее всего, не велся, однако прямых доказательств этого пока не существует.

1.5. Конармейский дневник как источник биографических сведений о писателе

Конармейский дневник Бабеля дает почти исчерпывающее представление о молодом писателе, о его жизни, его интересах и чувствованиях.

Л.Я. Лившиц назвал дневник Бабеля «исповедью и самоанализом»¹⁴⁸. С.Н. Поварцов, полагая, что дневниковые записи являются «драгоценным

---

¹⁴⁷ См., например, предисловие Г.А. Белой к публикации: «Ненавижу войну»: из дневника 1920 года Исаака Бабеля // Дружба народов. 1989. № 4. С. 238. В книге Р. Крумма есть такой пассаж: «...утеряна 21 страница с датами от 7 июня до 11 июля (правильно — до 10 июля: за 11 июля запись есть. — Е. П.). Может быть, Бабель вырвал их из страха перед возможной проверкой, возможно, Овруцкая сама устранила особо избобличающие места» (Крумм Р. Исаак Бабель: Биография. М.: РОССПЭН, 2008. С. 54). Такое предположение в любом случае выглядит безосновательно, так как «изобличающих мест» в имеющейся части дневника более чем достаточно.

¹⁴⁸ Лившиц Л.Я. Материалы к творческой биографии И. Бабеля. С. 114.

человеческим документом, где нашли отражение мучительные, зачастую противоречивые раздумья о революции, войне и собственной судьбе», в то же время отказывает им в «характере исповеди»¹⁴⁹.

В процитированной выше статье Н.В. Корниенко заметила: «Для кого пишется дневник — “для себя” или для всех? Этот вопрос вопросов остается актуальным и для изучения писательских дневников XX в. В первое советское десятилетие эго-документы находились в поле активных дискуссий не только у историков и теоретиков литературы, но и в писательском сообществе»¹⁵⁰.

В дневниках Олеси есть относящаяся к началу 1930-х годов запись: «...нет абсолютно честных дневников. Щадят друзей. Стыдятся. Всегда есть опасение, что дневник может быть прочитан кем-либо. Ловчатся. Шифруют. Мало ли что, ведь и обыск может быть. И от жены тайны бывают. Жена вдруг найдет и будет весь вечер, красная и запыхавшаяся глотать страницу за страницей. Следовательно, и в дневнике применяют беллетристические штучки. Просто — лгут, сочиняют. Поэтому — и дневник есть произведение беллетристическое...»¹⁵¹

Довольно точное в целом замечание Олеси к дневнику Бабеля 1920 года, как нам кажется, мало применимо. По всей видимости, Бабель о таких вещах в напряженной и опасной военной обстановке просто не задумывался. Ему важно было зафиксировать как можно больше фактов и наблюдений для будущей книги. Беллетристики и сочинительства в дневнике нет, но образные моменты, как будет показано дальше, присутствуют. Дневник Бабеля, по нашему убеждению, писался не для посторонних глаз и для печати не предназначался, поэтому в нем встречаются если не исповедальные, то очень откровенные записи. Вот несколько примеров. Житомир, 4 июля: «Я устал. И вдруг одиночество, течет передо мною жизнь, а что она обозначает» (с. 124); Лешнюв, 26 июля: «Жизнь нашей дивизии <...> Я чужой...» (с. 144);

---

¹⁴⁹ *Поварцов С.Н.* Конармейский дневник 1920 года. [Предисловие]. С. 124.

¹⁵⁰ *Корниенко Н.В.* Дневники в русском литературном процессе XX века // Эго-документы XX века: Литература, культура, история (Фединские чтения. Вып. 7). С. 76.

¹⁵¹ *Олеша Ю.К.* Книга прощания / Сост. и примеч. В.В. Гудковой. М.: Вагриус, 1999. С. 32.

Гржималовка, Лешнюв, 1 августа: «Боже, Август, скоро умрем, неистребима людская жестокость» (с. 149); Хотин, 6 августа: «Почему у меня непроходящая тоска? П<отому> что далек от дома, п<отому> ч<то> разрушаем, идем к<a>к вихрь, как лава, всеми ненавидимые, разлетается жизнь, я на большой непрекращающейся панихиде» (с. 155); Терebin—Метелин, 2 сентября: «Тяжело жить в атмосфере армии, давшей трещину»; Будятичи, 6 сентября: «Мысль о доме все настойчивее. Впереди нет исхода» (с. 179).

Подобные настроения автора дневника перейдут в «Конармию». В рассказе «Вечер» герой-повествователь говорит о себе:

«А против луны, на откосе, у заснувшего пруда сидел я в очках, с чирьями на шее и забинтованными ногами. Смутными поэтическими мозгами переваривал я борьбу классов, когда ко мне подошел Галин в блистающих бельмах.

— Галин, — сказал я, пораженный жалостью и одиночеством, — я болен, мне, видно, конец пришел, Галин, и я устал жить в нашей Конармии...» (с. 64).

Из дневника мы узнаем о том, что действительно несколько раз за время пребывания в Конармии Бабель болел, но при этом вынужден был передвигаться вместе с остальными. «Ночь спал плохо. Рези в желудке. Вчера ели зеленые груши. Чувствую себя скверно» (с. 135), — записывает он в дневнике 19 июля, и далее: «Мне все хуже. У меня 39 и 8 <...> Лежу в саду у бабушки <...> Сплю у церковной <...> ограды <...> Вспотел, полегчало. Еду в Береж<цы>, там <...> канцелярия, разоренный дом, пью вишневый чай, ложусь в хозяйкину постель, потею, порошок аспирина. Хорошо бы поспать. Вспоминаю — у меня жар, зной, томит <...> Береж<цы>, Сенкевич, пью вишневый чай, лег на пружинный матрац, ребенок какой-то задыхается рядом. Забылся часа на два. Будят. Я пропотел. Едем ночью обратно в <...> Сморгду, оттуда дальше, опушка леса. Поездка ночью, луна, где-то впереди эскадрон. — Избушка в лесу. Мужики и бабы спят вдоль стен <...> Картина редкая — вокруг спит эскадрон, все во тьме, ничего не видно, из лесу тянет холодом,

натыкаюсь на лошадей, в штабе — едят, больной ложусь у тачанки на землю, сплю 3 часа, укрытый шалью и шинелью <...> хорошо» (с. 136). Затем, 21 июля помечает о пребывании в Боратине: «...молчаливый, но богатый крестьянин, яичница на масле, молоко, белый хлеб, чревоугодие, солнце, чистота, отхожу от болезни» (с. 137–138).

Первоначально эпизод о своей болезни в июле 1920 года писатель собирался включить в «Конармию». В наброске «<1> Белев—Боратин» читаем: «Бой под Смордвой. — Моя болезнь. Ночь в Смордве. — Привал в Жабокриках» (с. 183).

21 августа Бабель делает запись о возвращении болезни: «Я болен. Отдых. Днем все в клуне, сплю, к вечеру лучше, ломит голова, болит» (с. 168). В начале сентября он вновь заболевает: «Я болен, ангина, жар, едва передвигаюсь, страшные ночи в задымленных чадных избах на соломе, все тело растерзано, искусано, чешется, в крови, ничего не могу делать» (с. 178).

На страницах дневника Бабель предельно откровенен. Например, не раз он подчеркивает, что рассказывает местному населению «небылицы о большевизме» (с. 142), в которые сам не очень верит. Характерный пример — дневниковая запись от 23 июля 1920 года: «Дубно переходило неск<олько> раз из рук в руки. Наши, кажется, не грабили. И опять все трепещут, и опять унижение без конца, и ненависть к полякам<, > рвавшим бороды. Муж — будет ли свобода торговли, немножко купить и сейчас же продать, не спекулировать. Я говорю — будет, все идет к лучшему, моя обычная система, в России чудесные дела — экспрессы, бесплатное питание детей, театры, интернационал. Они слушают с наслаждением и недоверием. Я думаю — будет вам небо в алмазах, все перевернет, всех вывернет, в который раз и жалко» (с. 141–142).

Нередко в дневнике Бабель дает себе неллицеприятные характеристики. Гржималовка, Лешнюв, 1 августа: «Я жаден и жалок» (с. 150); Адамы, 21 августа: «Прихлебательствую» (с. 169); Малице, 3–5 сентября: «Пресмыкательствую, зато ем» (с. 178).

Эти негативные характеристики, данные себе Бабелем в дневнике, усилены в образе Лютова в ряде рассказов «Конармии». В рассказе «Мой первый гусь» герой-повествователь нагрубил хозяйке и убил гуся, чтобы расположить к себе бойцов. Однако подобным же неприглядным образом он действует, когда надо просто добыть пищу. В рассказе «Замостье», чтобы заставить хозяйку накормить себя, он поджигает в доме на полу солому, угрожая: «Я спалю тебя, старая <...> тебя спалю и твою краденую телку» (с. 89). Описание похожей ситуации есть в рассказе «Песня»: «...однажды, вернувшись домой рано, до сумерек, я увидел, как хозяйка приставляла заслонку к неостывшей печи. В хате пахло щами, и, может быть, в этих щах было мясо. Я услышал мясо в ее щах и положил револьвер на стол, но старуха отпиралась, у нее показались судороги в лице и в черных пальцах, она темнела и смотрела на меня с испугом и удивительной ненавистью. Но ничто не спасло бы ее, я донял бы ее револьвером...» (с. 99).

«Поразительнее всего в дневнике те записи, — отмечает в этой связи Ж. Хетени, — которые показывают процесс внутреннего самоопределения. В тексте “Конармии” почти дословно могут повторяться самые непосредственные фразы дневника — именно те, которые высвечивают эмоциональную и рациональную основу бабелевского видения мира. Кто я? — этот вопрос ставится в дневнике резко, прямо и с удивительной невинностью. А вопрос решается не разумом или, по крайней мере, не одним разумом. Ощущение всех пяти чувств и даже биотоки участвуют в борьбе за самоопределение, результат которой скажется в фигуре Лютова, рассказчика “Конармии”, во многом напоминающего Бабеля 1920 г. Перед нами двадцатилетний человек, плотью и кровью принадлежащий еврейству, и молодой русский интеллигент, сознательно готовящий себя к писательской деятельности в Советской России. Очевидно, это и есть две главные силовые

линии, вдоль которых расположено все остальное: колебания, убеждения, оценки»¹⁵².

Однако необходимо учитывать, что герой дневника и герой «Конармии» — разные люди: в дневнике — это сам Бабель, а в «Конармии» между автором и героем-повествователем Лютовым существует значительная дистанция.

Благодаря дневнику мы буквально день за днем узнаем о передвижениях и местах пребывания Бабеля в июле — первой половине сентября 1920 года. Здесь напрашивается параллель с другими более поздними эго-документами писателя, а именно с его письмами второй половины 1920-х и 1930-х годов, так как он практически всегда пунктуально проставлял на письме дату и место, откуда оно отправлено. В первую очередь речь идет о письмах Бабеля матери и сестре, живших в Бельгии, потому что им он писал часто, обычно раз в несколько дней (известно около 800 адресованных родным писем). Также надо назвать письма Бабеля к Т.В. Кашириной (Ивановой), охватывающие период с апреля 1925 по декабрь 1928 года. Благодаря письмам мы знаем о местопребываниях часто находившегося в разъездах писателя. Но в 1920–1930-е годы перемещения его, в отличие от лета 1920-го, не были ежедневными и не насчитывали столько мест.

Топография же дневника весьма обширна. Через него проходит целая вереница городов и местечек Волыни и Галиции, где побывал Бабель в это время: Житомир, Новоград-Волынский, Гоща, Корец, Ровно, Белев, Новоселки, Малый Дорогостай, Сморгва, Бережцы, Пелча, Боратин, Верба, Лешнюв, Козин, Дубно, Хотин, Демидовка, Радзивиллов, Броды, Гржималовка, Белавцы, Берестечко, Лашков, Топоров, Адамы, Витков, Сокаль, Комаров, Лабуне, Пневск, Чесники, Малице, Будятичи, Владимир-Волынский, Ковель, Киверцы, Клевань и др. В каких-то из этих мест разворачивается действие конармейских рассказов, например, в Житомире —

---

¹⁵² Хетени Ж. «Главное — внутренние перемены...» О дневнике 1920 г. Исаака Бабеля // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1991–1992. No 37. P. 406.

рассказов «Гедали» и «Рабби», в Новограде-Волынском — «Переход через Збруч», «Костел в Новограде», «Солнце Италии» и «Пан Аполек», в Берестечке — «Берестечко», «Афонька Бида» (окончание рассказа) и «У святого Валента», в Сокале — «Эскадронный Трунов», в Будятичах — «Песня». Некоторые топонимы из дневника перешли в названия рассказов «Конармии»: «Костел в Новограде», «Путь в Броды», «Кладбище в Козине», «Берестечко», «Замостье», «Чесники».

Неистребимое писательское любопытство влекло Бабеля в самую гущу событий. Так, 2 августа в Белавцах он записал: «...куда ехать, Радзивиллов или Броды? — В Радзив<илове> должен быть админ<истративный> штаб и все обозы, по моему мнению, в Броды ехать интереснее, бой идет за Броды» (с. 151). Но в итоге, подчинившись чужому решению, поехал в Радзивиллов.

Бабель разделял с красноармейцами тяготы походной жизни и напряжение боевой обстановки. 18 августа он записал в дневнике: «Ночь снова в Нивице, сплю где-то на соломе, п<отому> ч<то> ничего не помню, все на мне порвано, тело болит, СТО верст на лошади» (с. 163); «...бесперывные бои, я веду боевой образ жизни, совершенно измучен, мы стоим в лесах, кушать целый день нечего...» (с. 166). И здесь же: «Раненые ползут на тачанках. Т<a>к мы берем Львов, донесения командарму пишутся на траве, бригады скачут, артогонь, тоскливая боязнь <...> аэропланов, спеша тебя, будет разрыв, во рту скверное ощущение и бежишь» (с. 167). Об этом же свидетельствует запись от 31 августа: «Наш эскадрон идет в атаку. Скачем версты четыре <...> Я под пулями» (с. 176).

Несколько раз Бабель отмечает в дневнике события, которые с ним происходят впервые. Например, 12 июля в Белеве он сделал запись о своей первой поездке верхом: «После обеда еду верхом на лошади ординарца Соколова <...> лошадь ленивая, хлещу — бежит. Первая моя поездка верхом. В Милостове — беру подводку, Шпаково — еду за тачанкой и лошадьми с предписанием от штаба дивизии» (с. 128–129). А накануне, 11 июля, пометил: «Моя первая реквизиция — записная книга» (с. 127). Наиболее важной в этом

смысле является запись от 18 августа: «Рассвет, выезжаем <...> Мой первый бой, видел атаку...» (с. 165–166).

Из дневника мы узнаем о круге общения писателя в Первой конной армии. Среди тех, с кем он сталкивался часто, начдивы шесть С.К. Тимошенко и сменивший его И.Р. Апанасенко, начальники штаба 6-й кавалерийской дивизии К.К. Жолнеркевич и Я.В. Шеко, комиссары дивизии П.В. Бахтуров и Винокуров, заместители начальника штаба дивизии по оперативной работе Лепин и Соколов, начальник политотдела 6-й дивизии Яковлев, командир артиллерийского дивизиона Максимов, красноармейцы Матяш и Прищепя, повозочные Грищук и Говинский, ординарец Апанасенко Левка, делопроизводитель Политотдела армии Хелемская. И еще множество имен участников Первой конной упомянуты в дневнике. Бабель мог близко наблюдать С.М. Буденного и К.Е. Ворошилова.

Кто-то из этих людей попал на страницы «Конармии», кто-то остался только в дневнике¹⁵³. Называет Бабель в дневнике и тех лиц, с которыми жизнь его столкнула лишь однажды, во время передвижений с частями армии, или с теми, кто был взят в плен.

Особый интерес представляет встреча Бабеля с пленным американским военным летчиком, назвавшимся Франком Мошером. Его настоящее имя Мериан Колдуэлл Купер, впоследствии он стал известным кинорежиссером, продюсером и сценаристом¹⁵⁴. Ему посвящен фрагмент дневниковой записи от 14 июля 1920 года, сделанной в Белеве: «Франк Мошер. Сбитый летчик американец, босой, но элегантен, шея, к<a>к колонна, ослепителен, белые зубы, костюм в масле и грязи. С тревогой спрашивает меня, неужели я совершил преступление, воюя с Сов<етской> Россией. Сильно наше дело. Ах, как запахло Европой, кафе, цивилизацией, силой, старой культурой, много

---

¹⁵³ На страницах дневника упомянуты люди, с которыми Бабель контактировал в Первой конной и которых собирался сделать, но так и не сделал, персонажами своих рассказов. Например, 21 августа 1920 года он упоминает двух одесситов, пришедших служить в Конармию, — Мануйлова и Богуславского, и даже дает характеристику последнего. Им посвящен предварительный набросок (см. с. 198). Однако героем рассказов ни один из них не стал.

¹⁵⁴ Наибольшую известность Куперу принес фильм 1933 года «Кинг-Конг».

мыслей, смотрю, не отпускаю. Письмо майора Фонт-Ле-Ро — в Польше плохо, нет конституции, большевики сильны, социалисты в центре внимания, но не у власти. Надо учиться новым способам войны. Что говорят з<ападно>евр<опейским> солдатам? Русский империализм, хотят уничтожить национальности, обычаи — вот главное, захватить все славянские земли, какие старые слова. Нескончаемый разговор с Мошером, погружаюсь в старое, растрясут тебя, Мошер, эх, Конан Дойль, письма в Нью-Йорк. Лукавит Мошер или нет — судорожно добивается, что такое большевизм. Грустное и сладостное впечатление» (с. 131).

Особенно важно, что дневник дает представление о том, что делал Бабель в Первой конной армии, какие обязанности он там выполнял. Он был военным корреспондентом армейской газеты «Красный кавалерист», помогал оформлять штабную документацию¹⁵⁵; сопровождал начдива, вызванного 21 июля 1920 года командармом на совещание в Козин, а 22 июля делал доклад в Полевом штабе армии; вел учет пленных поляков и переводил при допросах.

В этом плане особое внимание привлекают несколько июльских дневниковых помет — о важнейшей обязанности, которую выполнял Бабель в Конармии. В работах, посвященных дневнику, об этом или не упоминалось вовсе, или упоминалось мимоходом.

Белев, 12 июля: «Утром — начал журнал воен<ных> дейст<вий>. Разбираю оперсводки. Журнал — будет интересная штука» (с. 128);

Белев, 13 июля: «Веду свой журнал, будет интересная вещь <...> Об операциях. — Где стоят наши части. — Операция на Луцк. — Состав дивизии, комбриги. — К<a>к протекает работа штаба — директива, потом приказ, потом о<пер>св<одка>, пот<ом> разведсв<одка>, тащим политотдел, ревтрибунал, конский запас» (с. 130);

Белев, 15 июля: «Надо брать оперативные сводки у Лепина...» (с. 132);

---

¹⁵⁵ Заметим, кстати, что в штате политотдела Упраформа (Управления по формированию) Первой конной была должность «журналист», в обязанности которого входила «запись входящих и исходящих бумаг» (РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 158).

Новоселки 17 июля: «Начинаю военный журнал с 16/VII <...> Новая страница — изучаю оперативную науку» (с. 134);

Новоселки—Мал. Дорогостай, 18 июля: «...пишу журнал, дают картошку с маслом» (с. 135).

К ведению журнала военных действий, вероятно, относится и помета, сделанная в Лешнюве 26 июля: «Много работы, восстанавливаю прошлое» (с. 144).

Журнал военных действий является отчетным документом, который ведется во время военных кампаний в войсковых подразделениях действующей регулярной армии и служит важным источником для военной истории. В царской армии это «перечень в последовательном порядке всех военных событий, относящихся до данных войсковых частей военных учреждений или управлений. Он содержит лишь фактическую сторону описания, без суждений и оценки действий отдельных лиц и событий. Запись в журнале начинается с первого дня мобилизации и ведется, до приведения части на мирное положение, начальником части или, под его непосредственным руководством и ответственностью, адъютантом или другим офицером»¹⁵⁶. В Красной, позднее Советской армии, журнал стал называться журналом боевых действий и представлял собой «отчетно-информационный документ, в котором отражаются подготовка и ход боевых действий. Используется для изучения и обобщения боевого опыта, составления отчетов и справок о действиях войск (сил), при заполнении исторических формуляров (журналов), а также для последующей военной научно-исследовательской работы. Ведется в части, соединении и объединении, а также на кораблях 1–3 ранга одним из назначенных офицеров штаба (корабля) в течение всего времени в составе действующих армии и флота»¹⁵⁷.

---

¹⁵⁶ Военная энциклопедия: [В 18 т.]. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1911–1915. Т. X. С. 409.

¹⁵⁷ Советская военная энциклопедия. В 8 т. М.: Воениздат, 1976–1980. Т. 3. С. 349.

Ответ на вопрос о том, когда в Первой конной армии во время Гражданской войны начали вести такой журнал, вытекает из сопоставления дневниковых записей, приведенных выше, с уникальным документом, обнаруженным среди бумаг 3-й кавалерийской бригады 6-й дивизии. Это машинописная копия инструкции по ведению журнала военных действий в Первой конной, оригинал которой был подписан и, видимо, в основном составлен начальником полевого штаба армии С.А. Зотовым.

Документ отпечатан на одной стороне листа. Уникальность этой копии заключается в том, что она заверена Бабелем-Лютовым, на обороте также содержится его автограф. Скорее всего, именно ему и принадлежала данная копия.

Вот этот документ:

«И Н С Т Р У К Ц И Я

Чтобы создать историю Военного Искусства Красной Конницы, которая явится ценным источником знаний, форм, способов и приемов конницы для целых поколений, необходимо вести в каждом штабе, начиная от полкового, журналы военных действий по следующему плану.

ПЛАН ВЕДЕНИЯ ЖУРНАЛА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ШТАБАХ ЧАСТЕЙ КОННОЙ АРМИИ

- 1) Выписка из директив.
- 2) Выписка из разведсводок.
- 3) Выписка из оперсводок с кратким описанием боев по следующей форме:
  - а) О месте боя с обозначением рубежей.
  - б) Статистическое описание местности хода боя с критикой для противника и для нас.
  - в) Кто правее или левее нас.
  - г) Время начала и конца боя.
  - д) Силы наших частей подробно.
  - е) Какие части противника участвовали в бою и сколько их было.

ж) Сколько было потерь с нашей стороны и противника (обязательно точно).

з) Какие взяты трофеи.

и) Результат боя.

к) Стратегический и тактический разбор хода дела.

4) Разведка охранение и связи.

5) Выписка из приказа по части.

6) О работе и настроении реввоенсовета.

7) О деятельности Штаба.

8) Об организации и формировании части.

9) О революционной дисциплине.

10) Об агитации и работе в тылу противника.

11) О жизни фронта конармии и населения.

12) Об отношении кавалеристов к пленным, лошадям и военному имуществу.

13) О работе ком'ячеек, комиссаров, Политработников, командиров и красноармейцев-агитаторов.

14) О красных курсантах и генштабистах.

15) О Политуправлении, просвещении, театрах и спортивных играх.

16) О продовольствии людей и лошадей.

17) Об интендантском снабжении.

18) О работе артиллерии и артиллерийском снабжении.

19) О санитарном снабжении, работе лазаретов и госпиталей.

20) Об инженерном снабжении и деятельности Инженерных частей.

21) О воздухоплавании.

22) О работе революционного трибунала.

ПРИМЕЧАНИЕ: <1> Писать ответы на все вопросы инструкции следует логично, кратко, просто и понятно, чтобы легко было разобраться при составлении очерка ИСТОРИИ ПЕРВОЙ КОННОЙ АРМИИ.

2) Для ведения журнала военных действий назначить людей толковых.

3) Начиная с пункта 10 и до конца можно, запросив сведения от <час>тей (утрата текста, восстановлено по смыслу. — *Е. П.*) и учреждений, записывать периодически через каждую неделю.

4) Присылать копии журнала военных действий дивизии к 5-му числу каждого месяца за истекший месяц.

5) Инструкцию ввести в жизнь НЕМЕДЛЕННО.

Подпис<ано> Начполештарм ЗОТОВ, Военком (подпись неразборчиво),
Военкорреспондент (неразборчиво).

В е р н о: *К. Лютов*»

На обороте вверху сильно выцветшими черными чернилами рукой Бабеля написано:

«1) Указывать политнастроение

2) В бою отличия частей

3) " " бойцов»¹⁵⁸.

Как видно, приведенный выше план ведения журнала военных действий в частях Первой конной армии гораздо шире, чем «перечень в последовательном порядке всех военных событий» или документ, отражающий подготовку и ход боевых действий. Многие пункты плана кажутся избыточными и не имеющими прямого отношения к военным операциям. Кроме того, сделанные Бабелем на обороте листа пометы о политнастроении и отличиях в бою частей и бойцов прямо противоположны указаниям по ведению журнала в дореволюционной армии — записывать только фактическую сторону, «без суждений и оценки действий отдельных лиц и событий».

Абсолютно ясно, что план этот носил переходный характер. Сохранилась выписка из подобного журнала 45-й Советской стрелковой дивизии как раз за период с 16 июля по 1 августа 1920 года, графы и пункты которого гораздо более лаконичны, нежели в приведенной инструкции.

---

¹⁵⁸ РГВА. Ф. 7675. Оп. 1. Д. 42. Л. 10.

Выписка содержала только дату, перечень важнейших событий, предусматривавший описание общей обстановки, обстановки на участке и на фронте дивизии, и основание, то есть приказы и приказания по армии и дивизии¹⁵⁹.

Если в царской армии журнал военных действий вел начальник части или, под его руководством, адъютант или кто-либо еще из офицеров, в Советской армии — офицер штаба, то во времена Гражданской войны для ведения журнала в Первой конной из числа служивших в этой армии привлекались «люди толковые».

К разряду «толковых людей» принадлежал Бабель-Лютов, которому поручили вести военный журнал. Но к моменту появления в Конармии Бабель не обладал необходимым военным опытом. «Оперативную науку», как явствует из дневника, он изучал уже здесь, в Первой конной, и это была для него, «новая страница».

По дальнейшим записям сложно определить, как долго писатель вел журнал военных действий. Но даже если он вел его непродолжительное время, он сумел накопить бесценный опыт, так или иначе пригодившийся при создании конармейских рассказов. Неясно также, журнал какого именно подразделения ему поручено было вести — дивизии, бригады или полка. Можно предположить, что он вел журнал 3-й кавалерийской бригады, среди документов которой сохранилась заверенная К. Лютовым копия инструкции, или всей 6-й дивизии, при штабе которой он находился.

Машинописная копия инструкции не датирована и подшита в архивном деле между документами от 11 и 12 декабря 1920 года. Однако конармейский дневник Бабеля позволяет практически точно определить дату выхода инструкции — до 12 июля 1920 года. Сопоставив приведенный документ, а именно пункт пятый примечаний: «Инструкцию ввести в жизнь **НЕМЕДЛЕННО**», — и заверительную подпись К. Лютова с записями в

---

¹⁵⁹ См.: РГВА. Ф. 7941. Оп. 1. Д. 14.

конармейском дневнике от 12 и 17 июля, мы можем с большой долей уверенности говорить о том, что именно в эти июльские дни 1920 года и началось ведение журнала военных действий в Первой конной армии. Данное обстоятельство подтверждает историческую и биографическую ценность дневника Бабеля.

К моменту появления в Первой конной армии в 1920 году Бабель обладал определенным опытом писателя и журналиста. В его ранних литературных и публицистических произведениях формировались гуманистическая позиция и некоторые стилистические приемы, отразившиеся затем в конармейских рассказах. В Первую конную он пошел, движимый писательским любопытством и желанием в недалеком будущем создать художественное произведение о Гражданской войне. Задаче накопления фактов для создания такого произведения подчинен конармейский дневник Бабеля.

Четыре начальные записи сохранившейся части дневника, сделанные в Житомире и в Ровно, датированы 3, 4, 5 и 6 июня 1920 года (месяц обозначен арабской цифрой «6») ошибочно, так как описанные события с участием автора дневника не могли произойти в указанные числа ни в Житомире, ни в Ровно. Эти записи сделаны в те же числа, но на месяц позднее, а именно 3, 4, 5 и 6 июля 1920 года, и пропуска больше чем в месяц, как когда-то считалось, в дневнике нет.

Из-за отсутствия начала дневника и записей после 15 сентября 1920 года нам не известно, когда точно Бабель вступил в армию Буденного и когда оттуда выбыл. Однако ни о каком другом периоде жизни Бабеля мы не знаем настолько подробно, как о двух с половиной месяцах, отраженных в дневнике: о его передвижениях, круге общения, обязанностях, выполняемых в Конармии, размышлениях, переживаниях, духовных поисках.

ГЛАВА 2. Дневник Бабеля как исторический и литературный документ

2.1. События советско-польской войны в дневнике Бабеля

В дневнике Бабеля содержатся записи о конкретных событиях советско-польской войны 1920 года, передвижениях буденновской армии, главным образом 6-й кавалерийской дивизии, и ее боевых действиях. Среди «разрозненных записей, “потока впечатлений”» (И. Смирин) немало подробностей военного характера.

Бабель стал свидетелем нескольких крупных военных операций Первой конной армии в ходе польской кампании, которые так или иначе нашли отражение в его дневнике: Ровненской операции, боев в районе Дубно—Луцк—Броды, сражений на подступах к Львову, рейда на Замостье. Разумеется, писатель фиксировал в дневнике то, что попадало, как отмечал Смирин, в его поле зрения, те факты исторического характера, о которых он знал. Но в поле зрения Бабеля попадало не так уж мало: для ведения журнала военных действий, он должен был прочитать и проанализировать немалое число оперативных сводок. К тому же сам он непрерывно находился в движении, мог наблюдать боевые операции 6-й кавалерийской дивизии. Вот для примера несколько записей, сделанных в июле 1920 года.

14 июля: «2<-я> бригада атакует Луцк, к вечеру отошла, пр<отив>н<ик> контратакует, большие силы, хочет пробиться на Дубно. Дубно занято нами» (с. 132);

15 июля: «Наши части в 1½ верстах от Луцка. Арм<ия> готовится к к<авалерийскому> наступлению — сосредоточивает силы во Львове, подвозит к Луцку» (с. 132);

16 июля: «Получен приказ армии — захватить переправы на р. Стыри на участке Рожище<—>Яловичи. — Штаб переходит в Новоселки, 25 верст. Еду с начдивом, штабной эскадрон <...> Приказ по <...> дивизии выполняется, сильная колонна движется из Луцка на Дубно, эвакуация Луцка, очевидно, отменяется, туда прибывают войска и техника» (с. 133);

26 июля: «Сегодня утром взяты Броды, опять окруженный противник ушел, резкий приказ Буденного, 4 раза выпустили, умеем раскачать, но нет сил задержать» (с. 144).

Особенно богаты описаниями походной и боевой обстановки августовские страницы дневника. Например, запись от 13 августа: «Ночью приказ — двигаться на Буск — 35 верст восточнее Львова. — Утром выступаем. Все три бригады сосредоточены в одном месте <...> Целый день на коне с Начдивом. Хутор Порады. В лесу 4 неприятельск<их> аэроплана, пальба залпами. 3 комбрига — Колесников, Корочаев (правильно: Коротчаев. — *Е. П.*), Книга. Василий Ив<анович> хитрит, пошел на Топоров в обход (Чаныз), нигде не встретил неприятеля <...> Вместе с наблюдателем на батарее. Наша атака у леска. — Беда — болото, каналы, негде развернуться кавалерии, атаки в <...> пешем строю, вялость, падает ли мораль? Упорный бой и все же легкий (по сравнению с империал<истической> бойней) под Топоровым, берут с трех сторон, не могут взять, ураганный огонь (?) нашей артиллерии из двух батарей. — Ночь. Все атаки не удались. На ночь — штаб переезжает в Нивица. Густой туман, пронзительный холод, лошадь — дорога лесами, костры и свечи, сестры на тачанках, тяжелый путь после дня тревог и конечной неудачи. — Целый день по полям и лесам. Интереснее всех — начдив (И.Р. Апанасенко. — *Е. П.*), усмешка, ругань, короткие возгласы, хмыканья, пожимает плечами, нервничает, ответственность за все, страстность, если бы он там был, все <...> было бы хорошо <...> Мы у опушки леса с<еверо->зап<аднее> Майданы ст<арые> <...> наша атака, что-то невидное, нестрашное издали, какие цепочки, всадники ездят по лугу, издали все это совершается неизвестно для чего, все это не страшно. — Когда вплотную подошли к местечку, началась горячка, момент атаки, момент, когда берут город, тревожная, лихорадочная, возрастающая, доводящая до отчаяния безнадежности трескотня пулеметов, непрерывные разрывы и над всем этим — тишина сверху и ничего не видно» (с. 161–162).

Приведем выдержки из самой пространной записи в дневнике — от 18 августа 1920 года, которая, как было сказано, вбирает в себя события нескольких предыдущих и нескольких последующих дней:

«Не имел времени писать. Выступили. Выступили 13/8. С тех пор передвижения, бесконечные дороги, флажок эскадрона, лошади Апанасенки, бои, фермы, трупы. Атака на Топоров в лоб, Колесников в атаку, болото, я на наблюдательном пункте, к вечеру ураганный огонь из двух батарей. Польская пехота сидит в окопах, наши идут, возвращаются, коноводы ведут раненых, не любят казаки в лоб, проклятый окоп дымится <...> Это было 13<-го>. День 14<-го> — дивизия движется к Буску, должна достигнуть его во что бы то ни стало, к вечеру подошли верст на десять. Там надо произвести главную операцию — переправиться через Буг. Одновременно ищут брода <...> Мы на опушке леса, кони жуют, герои дня аэропланы, авдеятельность все усиливается, атака аэропланов, непрерывно курсируют по 5–6 шт<ук>, бомбы в 100 шагах <...>

За ночь 2<-я> бриг<ада> ночным налетом взяла Топоров. Незабываемое утро. Мы мчимся на рысях <...> Из Топорова — леса, дороги, штаб у дороги, ординарцы, комбриги, мы влетаем на рысях в Буск <...> в его восточную половину <...> Бой в Буске. Он на той сторон<е> моста <...> Еду к переправе — острое ощущение боя, надо пробегать кусок дороги, п<отому> ч<то> он обстреливает, ночь, пожар сияет¹⁶⁰, лошади стоят под хатами, идет совещание с Буденным, выходит Реввоенсовет, чувство опасности. Буск в лоб не взяли <...> 1<-я> бриг<ада> нашла брод и переправилась через Буг у Поборжаны. Утром с Винокуровым на переправу <...>

Рассвет <...> выезжаем, должны прорвать ж<елезную> д<орогу> (все это происходит 17/VIII), ж<елезную> д<орогу> Броды<—>Львов. — Мой первый бой, видел атаку <...> Настроение перед боем, голод, жара, скачут в атаку, сестры. — Гремит ура, поляки раздавлены, едем на поле битвы <...>

---

¹⁶⁰ Этот образ Бабель использовал в рассказе «Прищепка»: «Пожар сиял, как воскресенье» (с. 51).

Мы перешли ж<елезную> д<орогу> у Задвурдзе. Поляки пробиваются по линии ж<елезной> д<ороги> к Львову. Атака вечером у фермы <...> Побоище. Ездим с военкомом по линии <...> Ночуем в Задвурдзе <...> непрерывные бои, я веду боевой образ жизни, совершенно измучен, мы стоим в лесах <...> Часто на наблюдательном пункте, работа батарей, опушки, лощины, пулеметы косят, поляки, гл<авным> обр<азом>, защищаются аэропланами, они становятся грозными, описать воздушную атаку, отдаленный и к<a>к будто медленный стук пулемета, паника в обозах, нервирует, непрерывно планируют, скрываемся от них. Новое применение авиации <...> наши странствия по бригадам, Книга только в обход, Колесников в лоб, едем с Ш<еко> в разведку, непрерывные леса, смертельная опасность, на горках, перед атакой пули жужжат вокруг <...> Бои за Баршовице. После дня колебаний к вечеру поляки колоннами пробиваются к Львову. Ап<анасенко> увидел и сошел с ума, он трепещет, бригады действуют всем, хотя имеют дело с отступающими, и бригады вытягиваются нескончаемыми лентами, в атаку бросают 3 кавбригады <...> думали повторить историю под Задвурдзе, не вышло. Болото с одной стороны, губительный огонь с другой. Движение на Остров, 6<-я> кавдив<изия> должна взять Львов с ю<го->в<осточной> стороны <...>

Продвижение к Львову. Батареи тянутся все ближе. Малоудачный бой под Островом, но все же поляки уходят <...>

Прошла неделя боев — 21 августа наши части в 4 верст<ах> у Львова. Приказ — всей Конармии перейти в распоряжение запфронта. Нас двигают на север — к Люблину. Там наступление. Снимают армию, стоящую в 4 верстах от города, которого добивались столько времени. Нас заменит 14<-я> армия. Что это — безумие или невозможность взять город кавалерией? 45<->верстный переход из Баршовице в Адамы будет мне памятен всю жизнь» (с. 163–168).

Следует сразу пояснить (подробнее об этом речь пойдет по втором параграфе), что 12 августа 1920 года Первая конная армия приказом главкома

вооруженных сил Республики С.С. Каменева была выведена из состава Юго-Западного фронта и переведена в распоряжение Западного фронта для участия в Варшавской операции.

Как видно из окончания приведенного отрывка, Бабель не просто фиксирует через запятую какие-то факты, но задумывается над стратегией и тактикой ведения войны, над судьбой кавалерии. Да и многие ««стенографические» значки» (И. Смирин), если собрать их воедино, рисуют, как можно было убедиться, вполне законченные картины походной и боевой обстановки за определенный период.

Последующие события, связанные с рейдом на Замостье, также получили в дневнике подробное отражение.

Комаров, Лабуне, Пневск, 29 августа:

«Операция на Замостье. Мы в 10 в<ерстах> от З<амостья> <...> Операция, к<a>к всегда, несложна, обойти с запада и с севера и взять <...>

Подходим к Замостью. Страшный день. Дождь-победитель не затихает <ни> на минуту. Лошади едва вытягивают. Описать этот непереносимый дождь. Мотаемся до глубокой ночи. Промокли, устали до жути, красный башлык Апанасенки. Обходим Замостье, части в 3–4 верстах от него. Не подпускают бронепоезда, кроют нас артогнем. Мы сидим на полях, ждем донесений, несутся мутные потоки <...> Ничего не можем сделать с бронепоездами. Выяснилось, что мы не знали, что здесь есть ж<елезная> дорога, на карте не отмечена, конфуз, вот наша разведка. — Мотаемся, все ждем, что возьмут Замостье. Черта с два. Поляки дерутся все лучше. Лошади и люди дрожат. Ночуем в Пневске» (с. 173–174).

30 августа читаем продолжение: «Утром выезжаем из Пневска. Операция на Замостье продолжается <...> Опять мотня. Едем с Шеко к 3<-й> бригаде. Он с револьвером в руках идет в наступление на ст<анцию> Завады <...> Бой у станции <...> Описать “частую перестрелку”. Взяли станцию. Едем к полотну ж<елезной> д<ороги> <...> Едем к начдиву, он при 1<-й> и 2<-й> бригадах. Все время находимся в виду Замостья, видны его трубы; дома,

пытаемся взять его со всех сторон. Подготавливается ночная атака. Мы в 3 верстах от Замостья, ждем взятия города, будем там ночевать. Поле, ночь, дождь, пронизывающий холод, лежим на мокрой земле, лошадям нечего дать¹⁶¹, темно, едут с донесениями. Наступление будет вести 1<-я> и 3<-я> бригады. Обычный приезд Книги и Левды, комбрига 3 <...> В темноте идет цепь, спешена целая бригада. Возле нас — пушка. Через час — пошла потеха. Наша пушка стреляет непрерывно, мягкий, лопающийся звук, огни в ночи, поляки пускают ракеты, ожесточеннейшая стрельба, ружейная и пулеметная, ад, мы ждем, 3 часа ночи. Бой затихает. Ничего не вышло. Все чаще и чаще у нас ничего не выходит. Что это? Армия поддается? — Едем на ночлег верст за 10 в Ситанец» (с. 174–175).

Как видим, Бабель вновь и вновь задумывается над ходом войны и судьбой Первой конной.

Приведенные фрагменты дневника 1920 года наглядно демонстрируют его историко-документальное значение.

Конармейский дневник писателя изобилует целым рядом деталей, так или иначе связанных с военной историей, которых мы не найдем ни в опубликованных свидетельствах участников событий, ни в официальных документах и хронике. Например, об отношении к пленным полякам. Кроме того, в дневнике не раз встречаются весьма откровенные характеристики участников Первой конной: командующего армией С.М. Буденного, члена Реввоенсовета армии К.Е. Ворошилова, начдивов С.К. Тимошенко и И.Р. Апанасенко, комиссара П.В. Бахтурова, начальника штаба 6-й дивизии К.К. Жолнеркевича и сменившего его на этом посту Я.В. Шеко, командира первой кавалерийской бригады 6-й дивизии В.И. Книги и др.

---

¹⁶¹ Эту ситуацию Бабель описал в рассказе «Замостье»: «Шел дождь. Над залитой землей летели ветер и тьма. Все звезды были задушены раздувшимися чернилами туч. Изнеможенные лошади вздыхали и переминались во мраке. Им нечего было дать. Я привязал повод коня к моей ноге, завернулся в плащ и лег в яму, полную воды. Размокшая земля открыла мне успокоительные объятия могилы» (с. 87).

Большой интерес, в частности, представляют фрагменты дневника, описывающие смену руководства 6-й дивизии. 3 августа 1920 года Бабель отметил в дневнике: «Я двигаюсь, слухи об отозвании начдива?» (с. 152).

Дальнейшие события отражены в записях за 4, 5 и 6 августа.

4 августа Бабель писал в дневнике: «Новости — новый начдив — Апанасенко, новый наштадив — Шеко. Чудеса. — Приезжает Жолнеркевич с эскадром, он жалок. Зотов объявляет, что он смещен, пойду торговать на Сухаревку лепешками, что же новая школа, вы, говорит, войска расставлять умеете, в старину умел, теперь без резервов не умею <...> У него жар, он говорит то, чего говорить не следовало, перебранка с Шеко, тот сразу поднял тон, нач<альник> штаба приказал вам явиться в штаб, мне сдавать нечего, я не мальчик, чтобы шляться по штабам, оставил эскадрон и уехал. Уезжает старая гвардия, все ломается, вот и нет Константина Карловича. — Еще впечатление — и тяжкое и незабываемое — приезд на белой лошади Начдива (имеется в виду Тимошенко. — *Е. П.*) с ординарцами. Вся штабная сволочь, бегущая с курицами для командарма, относятся покровительственно, хамски, Шеко — высокомерен, спрашивает об операциях, тот объясняет, улыбается, великолепная, статная фигура и отчаяние. Вчерашний бой — блестящий успех 6-й дивизии — 1000 лошадей, 3 полка загнаны в окопы, пр<отивни>к разгромлен, отброшен, штаб дивизии в Хотине. Чей это успех — Тимошенки или Апанасенки» (с. 153).

5 августа в Хотине делает следующую запись: «Начдива жалко до боли, казачество волнуется, разговоры из-под угла, интересное явление, собираются, шепчутся, Бахтуров подавлен, герой был начдив, теперь командир в комнату не пускает <...> тяжкое унижение, в лицо бросили — вы предатель, Т<имошенко> засмеялся...» (с. 154).

6 августа продолжает на ту же тему: «Изредка мелькает фигура Апанасенки, в отличие от замкнутого Тимошенки, он — свой, он — отец-командир. — Утром уезжает Бахтуров, за ним свита <...>

В штабе новые веяния — Шеко пишет особенные приказы, высокопарные и трескучие, но короткие и энергичные, подает свои мнения Реввоенсовету, действует по собственной инициативе. — Все грустят о Тимошенко, бунта не будет» (с. 155).

Слухи «об отозвании начдива» Тимошенко отразились в реплике Афоньки Биды в начале рассказа «Смерть Долгушова»: «Есть думка за начдива, смещают. Сомневаются бойцы...» (с. 37).

В рассказе «История одной лошади» начдив Тимошенко (в книге — Савицкий) находится в резерве армии. В действительности Тимошенко был в резерве с 5 по 22 августа 1920 года, 23 августа он возглавил 4-ю кавалерийскую дивизию (оставался начдивом четыре до 1 ноября 1920-го). Описывая 1 сентября 1920 года в дневнике отступление из Чесников, Бабель отметил: «Армию спасает 4<-я> дивизия. Вот и предатель — Тимошенко» (с. 177).

Целый ряд событий, зафиксированных в дневнике Бабеля, совпадает (речь идет только о фактической стороне, а не об оценках) со свидетельствами его главных оппонентов — С.М. Буденного и секретаря Реввоенсовета Первой конной С.Н. Орловского. Например, вот как Буденный вспоминал об окончании рейда на Замостье: Реввоенсовет Первой конной «отдал приказ с утра 1 сентября начать отход в общем направлении на Грубешов <...> в авангарде предстояло наступать 4-й дивизии, получившей задачу овладеть районом Терebinь—Грубешов и захватить переправы через Хучву»¹⁶², этой дивизии «отводилась самая ответственная роль»¹⁶³. Далее Буденный пишет о том, что 4-я дивизия во главе с Тимошенко полностью поставленную задачу выполнила: «4-я кавдивизия вновь доказала свою высокую боеспособность, а С.К. Тимошенко подтвердил репутацию толкового военачальника»¹⁶⁴.

---

¹⁶² Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 2. М.: Воениздат, 1965. С. 370.

¹⁶³ Там же. С. 371.

¹⁶⁴ Там же. С. 376.

Об этой операции писал и Л.Л. Ключев: «В голове Конармии двигалась 4-я кавдивизия. После ряда атак она сбила с позиций по линии Молодятаче—Гостинное (в 15 км к западу от Грубешова) и пробилась к р. Гучве у Вержбковице; противник, оправившись, перешел в наступление и сбил ее с переправы. В 12 часов дивизия вновь перешла в наступление и в комбинированном бою уничтожила части 30-го пехполка 10-й польской дивизии <...> К ночи 4-я кавдивизия достигла линии Монатаче—Неледов (в 5–8 км к северу от Грубешова). Под прикрытием 4-й кавдивизии были выведены из-под удара противника все армейские обозы»¹⁶⁵.

2.2. Источники реального комментария к дневнику

Источниками реального комментария к дневнику Бабеля служат документы Первой конной армии, хранящиеся в Российском государственном военном архиве (РГВА), а также оперсводки по Юго-Западному фронту, напечатанные в газетах «Правда» и «Известия»; директивы командования фронта; мемуары С.М. Буденного «Пройденный путь», документальный очерк Л.Л. Ключева «Первая конная красная армия на польском фронте в 1920 году», дневник С.Н. Орловского «Великий год». Именно сопоставление, пользуясь определением И.А. Смириня, «разрозненных записей», «потока впечатлений» с военными документами и свидетельствами участников событий дает возможность расшифровать хотя бы некоторые ««стенографические» значки» и приоткрыть «неведомую нам реальность», отображенную в дневнике Бабеля.

Выше уже приводились документы и свидетельства очевидцев, которые послужили комментарием к дневниковым записям Бабеля. Приведем еще несколько примеров, касающихся военных эпизодов.

В записи от 11 июля 1920 года, сделанной в Белеве (вероятно, реально запись делалась все же позднее, так как в ней упомянуто 12 число), говорится

---

¹⁶⁵ Ключев Л.Л. Первая конная красная армия на польском фронте в 1920 году. С. 128–129.

об одном из этапов Ровненской операции Конармии: «Еду в Клевань, местечко взято вчера 3<-й> кавбригадой 6<-й> дивизии. Наши разъезды появились на линии — шоссе Ровно<—>Луцк <...> Луцк эвакуируется. — 8–12<-го> тяжелые бои, убит Дундич, убит Щадилов, команд<ир> 36<-го> полка, пало много лошадей, завтра будем знать точно. — Приказы Буденного об отобрании у нас Ровно, о невероятной усталости частей, о том, что яростные атаки наших бригад не дают прежних результатов, непрерывные бои с 27/V, если не дадут передышки — армия делается небоеспособной. — Не рано ли издавать такой приказ? Разумно, будят тыл — Клевань. Похороны 6 или 7 красноармейцев» (с. 127).

В оперсводке 3-й бригады 6-й дивизии от 10 июля 1920 года, направленной как раз из местечка Клевань, которое упоминается в дневниковой записи Бабеля, начальнику штаба дивизии и командирам 1-й и 2-й бригад, сообщалось: «В 4 часа 10–7 части 3-й кавбригады, выбив противника из окопов, заняли гор. Ровно. В час бригада сосредоточилась в Ровно<,> на шоссе Ровно—Луцк, начала преследовать отступающего противника»¹⁶⁶. Буденный позднее вспоминал об этих событиях:

«...ставя задачи дивизиям на 8 июля, мы стремились выполнить требования директивы (командующего Юго-Западным фронтом. — *Е. П.*) и в то же время уделить внимание удержанию Ровно. В боях за него необходимо было разгромить 2-ю польскую армию вместе с пришедшими ей на помощь 1-й дивизией легионеров и 18-й пехотной дивизией <...> Тимошенко должен был частью сил удерживать занимаемый район, не допуская прорыва противника со стороны Луцка. Две его бригады получили задачу прикрывать Ровно с севера в готовности отбросить за Горынь рвавшиеся к Луцкому шоссе части 2-й польской армии <...>

Весь день 6-я дивизия вела кровопролитный бой в 10–15 километрах севернее Ровно. Смелыми контратаками в конном строю конармейцы

---

¹⁶⁶ РГВА. Ф. 7675. Оп. 1. Д. 14. Л. 417.

неоднократно отбрасывали пытавшегося наступать противника. И все же наведенные на Горыни переправы белополяки удержали и даже несколько расширили плацдарм <...>

В целом день 9 июля закончился неудачно <...> Ровно удержать не удалось. Сказывалось распыление сил <...>

Мы полагали, что вражеские войска задержатся в Ровно, и решили на следующий день атаковать город с разных направлений <...>

Однако к утру наша разведка обнаружила, что крупные колонны противника стали отходить по шоссе на Луцк. Части С.К. Тимошенко сразу же перешли в наступление и захватили большое число пленных, обозы. Днем при содействии бригады 4-й дивизии они овладели Ровно»¹⁶⁷.

В дневниковой записи от 12 июля 1920 года в связи с описанием помощника начальника штаба 6-й дивизии Соколова, возникает одна деталь: «После обеда еду верхом на лошади ординарца Соколова (больного возвратным тифом, он лежит рядом на земле в кожаной куртке, худой и породистый, с плетью в исхудавшей руке, ушел из госпиталя, не кормили и было скучно, лежал больной в эту страшную ночь оставления Ровно, весь был залит водой <...>)...» (с. 128). Речь в этом отрывке шла о ночи с 8 на 9 июля 1920 года, когда погодные условия сильно повлияли на военную обстановку. Например, Л.Л. Клюев писал о том, что 8 июля «полки 6-й кавдивизии несколько раз переходили в контратаки, но к ночи с 8 на 9 июля вынуждены были отойти на северо-западную окраину г. Ровно, ведя бой с наседавшим противником»¹⁶⁸. И далее: «Около 21 часа 8 июля разразилась сильная буря с ливнем и градом. Наступившая темнота была настолько сильной, что на близком расстоянии ничего нельзя было различать. Невзирая на бурную погоду, бой продолжался всю ночь с 8 на 9 июля»¹⁶⁹. Об оставлении и

---

¹⁶⁷ Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 2-я. С. 193–194, 199.

¹⁶⁸ Клюев Л.Л. Первая конная красная армия на польском фронте в 1920 году. С. 74.

¹⁶⁹ Там же.

возвращении Конармией Ровно есть запись в дневнике Орловского от 9–10 июля 1920 года (см. четвертый параграф первой главы).

«Получен приказ армии — захватить переправы на р. Стыри на участке Рожище<—>Яловичи» (с. 133), — это начало дневниковой записи Бабеля от 16 июля 1920 года цитировалось выше. Под приказом армии в данном случае имеется в виду директива командующего Юго-Западным фронтом от 15 июля 1920 года. Об этом писал Буденный: «Отмечая, что противник производит перегруппировку для перехода в общее наступление, А.И. Егоров приказывал армиям решительно продвигаться на запад и этим сорвать его намерение. Нашей конной ставилась задача к 20 июля выйти в район Грубешов—Сокаль <...> 6-я дивизия получила задачу удерживать рубеж на Стыри от Рожище до Торговица и прикрыть наступавшие соединения от ударов с северо-запада»¹⁷⁰. Ключев свидетельствовал, что «на решающем луцком направлении оставлялась одна 6-я кавдивизия с задачей захвата переправ через реку Стырь на 30-км участке Рожище—Яловичи (ее II бригада располагалась в районе Поддубцы—Копче, а остальные переходили в район Новоселки—Малин—Острожец); разведка ее должна была переброситься на левый берег Стыри до м. Торчин»¹⁷¹.

В записи Бабеля от 16 июля читаем: «Приказ по <...> дивизии выполняется, сильная колонна двигается из Луцка на Дубно, эвакуация Луцка, очевидно, отменяется, туда прибывают войска и техника» (с. 133).

Такой оперативный приказ, но не по дивизии, а по Первой конной армии за № 87 был издан 16 июля 1920 года. Согласно этому приказу, надлежало «начдиву 6-й кавалерийской, оставив вторую кавбригаду в районе Поддубцы—Кропче—Томашевка, остальными бригадами с рассветом 16/7 перейти и расположиться в районе Новоселки <...> Передовыми частями захватить в свои руки переправы через реку Стырь на участке Рожище—

---

¹⁷⁰ Буденный С.М. *Пройденный путь*. Кн. 2-я. С. 213, 215.

¹⁷¹ Ключев Л.Л. *Первая Конная красная армия на польском фронте в 1920 году*. С. 85.

Яловичи. Разведку вести в направлении Чолки—Сакуль и направить разъезды на левый берег реки Стырь, которым проникнуть в район Торчин»¹⁷².

В оперативной сводке по Юго-Западному фронту от 17 июля 1920 года сообщалось, что «наши части, оставившие Дубно, вновь заняли этот город, отбросив противника с большими потерями к юго-западу и выдвинулись на линию селений в 10–8 верстах северо-восточнее и западнее города Дубно»¹⁷³. В сводке от 18 июля говорилось: «В Дубно-Ровненском районе наши части продолжают выдвижение на линию селений восточнее и южнее Луцка. Под городом Дубной <sic!> противник крупными силами пытался овладеть городом, нашей контратакой был отброшен с большими для него потерями»¹⁷⁴.

Буденный вспоминал о том, что с утра 16 июля «на всем фронте Конармии развернулись встречные бои. На луцком направлении войска 2-й польской армии, стремясь прорваться на юго-восток, переправились через Стырь и атаковали 4-ю и 6-ю кавдивизии. До глубокой ночи конармейцы сдерживали яростный натиск врага. Противник понес огромные потери, особенно от нашего артиллерийского и пулеметного огня, и вынужден был отступить на западный берег Стыри»¹⁷⁵.

Следующий пример — из дневниковой записи от 20 июля 1920 года — продолжение заметок о ходе операции: «Пр<о>т<ивник> атакует на уч<астке> Млынов—Дубно. Мы ворвались в Радзивилов. — Сегодня на рассвете решительное наступление всех дивизий — от Луцка до Кременца <...> 5-ая, 6<-я> див<изии> — сосредоточены в Сморгде <...> достигнуто Козино. — Берем, значит, на юг.

Выступаем из М. Дорогостай. Начдив здоровается с эскадронами, лошадь трепещет. Музыка. Вытягиваемся по дороге <...> Идем через Млынов—Береж<цы> <...> Подъезжаем к Береж<цам>, канонада,

---

¹⁷² РГВА. Ф. 7946. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

¹⁷³ Правда. 1920. 18 июля. С. 1.

¹⁷⁴ Правда. 1920. 20 июля. С. 1.

¹⁷⁵ Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 2-я. С. 214.

канцелярия поворачивает назад, пахнет мазутом, по откосам ползут отряды кавалерии» (с. 135).

«5-ая» дивизия — здесь, видимо, описка: в составе Первой конной армии не было дивизии с таким номером, и речь, скорее всего, идет о 4-й кавалерийской дивизии.

Запись от 20 июля подтверждается фрагментом книги Клюева, писавшего, в частности, о 6-й дивизии, которой надлежало: «временно оставить II бригаду против г. Луцка; остальными силами на рассвете сосредоточиться в районе Сморгды, откуда совместно с 14-й дивизией перейти в решительное наступление на Пелча и далее на Козин, уничтожая живую силу противника, захватывая технику и действуя в связи с 4-й и 14-й кавдивизиями»¹⁷⁶. 20 июля 1920 года было выпущено приказание по 6-й кавалерийской дивизии за № 100, в котором говорилось: «1-й кавбригаде к рассвету сосредоточиться в балке, что у леса юго-восточнее дер. Сморгды. По сосредоточении всей бригады комбригу лично явиться с докладом <к> начальнику дивизии о сосредоточении бригады в указанном месте, откуда бригада двинется на Пелча для сосредоточения <sic!> с 3-й кавбригадой»¹⁷⁷. Об этом же говорится в воспоминаниях Буденного:

«По разработанному нами плану разгром противника предполагалось осуществить путем концентрического наступления трех кавдивизий с севера, востока и юго-востока. При этом двум бригадам 4-й дивизии предстояло захватить Радзивиллов и отрезать пути отхода неприятелю на запад, а одной бригаде прикрыть переправу через Стырь на участке Красное—Берестечко. 11-я и 14-я кавалерийские наносили удар из района Дубно—Хорупань <...>

Чуть свет загрохотала артиллерия. И тут же на фронте 11-й и 14-й кавдивизий начались яростные атаки противника, переходившие в рукопашные схватки.

---

¹⁷⁶ Клюев Л.Л. Первая конная красная армия на польском фронте в 1920 году. С. 89.

¹⁷⁷ РГВА. Ф 7675. Оп. 1. Д. 3. Л. 187.

Та и другая стороны дрались с большим ожесточением. 18-я польская пехотная дивизия стремилась во что бы то ни стало прорваться к Млинову (у Бабеля — Млынов. — *Е. П.*), куда, как показывали пленные, навстречу им должна была выдвинуться 3-я пехотная дивизия легионеров 2-й армии. Соединения же Конармии рвались к югу, на Козин <...> дивизия Ф.М. Литунова внезапным налетом овладела городом Радзивиллов в тылу противника, разрушила железную дорогу и связь, захватила пленных и обозы. Этот успех мог сыграть решающую роль в операции, удержи 4-я дивизия Радзивиллов. Но, к сожалению, в тылу у нее противник форсировал Стырь, и Литунов был вынужден двинуться назад в район Берестечко.

К исходу дня противник сохранил за собой выгодные рубежи обороны и отступил лишь на некоторых участках. Стало очевидным, что после ухода бригад Литунова из Радзивиллова наши ослабленные боем 11-я и 14-я дивизии не смогут сломить сопротивления неприятельской пехоты. Требовались новые усилия и маневр, подобный проведенному 4-й дивизией. Я принял решение на следующий день использовать для этого 6-ю кавдивизию, которую на луцком направлении сменяла подходившая 24-я стрелковая дивизия. С.К. Тимошенко получил задачу к утру сосредоточить две бригады в районе Сморгды, за правым флангом 14-й дивизии. Одну бригаду приходилось оставить у Луцка до полного сосредоточения там стрелковой дивизии»¹⁷⁸.

21 июля 1920 года Бабель в дневнике как бы подводит итог одного из этапов операции: «Нами взят Дубно. Сопротивление<, > несмотря на то<, > что мы говорим<, > — ничтожное» (с. 137).

Комментарием к этой короткой фразе служат сразу несколько источников. В оперативной сводке по Юго-Западному фронту от 21 июля сообщалось: «В Дубненском районе наши войска после упорных боев под гор. Дубной <sic!> вынудили противника к отходу от этого города»¹⁷⁹. В сводке от 24 июля говорилось: «В Дубненском районе вновь завязались упорные бои с

---

¹⁷⁸ Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 2-я. С. 215–216.

¹⁷⁹ Известия. 1920. 22 июля. С. 1.

переходящими в наступление поляками в 40 верстах западнее и 25 верстах юго-западнее Дубны <sic!>. 22 июля в этом районе нами занят гор. Кременец»¹⁸⁰. О том же событии свидетельствуют запись в дневнике Орловского от 19–20 июля: «Идут упорные бои у Дубно. 20 июля взят Дубно и форт Тараканов, что в 4 км от Дубно»¹⁸¹ и воспоминания Буденного: «К исходу 21 июля Дубно-Кременецкий район был полностью очищен от противника»¹⁸².

Документально подтверждаются два фрагмента дневниковой записи от 26 июля 1920 года. Первый из этих фрагментов цитировался в предыдущем параграфе: «Сегодня утром взяты Броды...» (с. 144). Эта фраза продолжает запись предыдущего дня, 25 июля: «Идет бой под Бродами и у переправы — Чуровице» (с. 144). Сам бой довольно подробно описан в мемуарах Буденного¹⁸³, результат зафиксирован в оперативной сводке по Юго-Западному фронту от 26 июля 1920 года: «В Дубно-Бродском районе наши войска в результате упорных 3-дневных боев с противником, переходившим в настойчивые контратаки для охвата нашей выдвинувшейся вперед конницы, разбили поляков под городом Броды, захватив 1000 пленных, 19 орудий, 43 пулемета и другие трофеи. Город Броды и местечко Радзивиллов взяты нами»¹⁸⁴.

Однако в тот же день ситуация изменилась: «Вечером паника, пр<отивни>к потеснил нас из Чуровице, был 1½ в верстах от Лешнюва» (с. 144). В этой связи интерес представляет депеша начальника штаба 6-й дивизии К.К. Жолнеркевича:

«Комбригу 3 кавалерийской 6-й кавдивизии

Село Лешнюв 26 июля 1920 года 20 час. 15 мин. (Карта 10 верст)

Начдив приказал Вам принять все меры к тому, чтобы ликвидировать противника до наступления темноты, иначе ночью он Вам не даст покою. Еще

---

¹⁸⁰ Правда. 1920. 25 июля. С. 1.

¹⁸¹ Орловский С.Н. Великий год. С. 75.

¹⁸² Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 2-я. С. 221.

¹⁸³ См.: Там же. С. 229–230.

¹⁸⁴ Правда. 1920. 27 июля. С. 1.

раз по приказанию Начдива подтверждаю об удержании переправы у ЧУРОВИЦЫ в своих руках. Имеете ли связь с эскадронами 4 дивизии БЕРЕСТЕЧКО, и кем это местечко занято противником или нашими частями»¹⁸⁵.

Примеры июльских дневниковых записей, отражающих ту или иную конкретную военную ситуацию, которые совпадают с документами или свидетельствами участников событий, можно было бы продолжить. Однако обратимся к записям, сделанным в августе 1920 года.

2 августа Бабель записал в Белавцах: «Приезжают Буденный, Ворошилов, будет решит<ельный> бой, ни шагу дальше. Дальше разворачиваются все три бригады, говорю с комендантом штаба. Атмосфера начала боя, большое поле, аэропланы, маневры кавалерии на поле, наша конница вдали, разрывы, начался бой, пулеметы, солнце, где-то сходятся, заглушенное “ура”» (с. 150–151).

В этот же день, 2 августа 1920 года, в Белавцах был издан оперативный приказ № 127 начальника 6-й кавалерийской дивизии, в котором ставились задачи всем трем бригадам:

«Противник занимает на левом берегу реки Стырь на участке 6-й кавдивизии район Лопатин—Чуровицы, на правом берегу Чуровицы—Мытница—Лешнюв—Гаевцы—Теслугов и окопался на высотах, что севернее Лешнюва <...> Задача дивизии: 2–8 в тесной связи с 47 стрелдивизией, выступая двумя бригадами по правому берегу реки Стырь, действуя на левом фланге с 47 стрелдивизией, во что бы то ни стало забрать в плен всю живую силу противника, а в случае со стороны последнего будет сопротивление, то вырубить все части противника, не дав ни одному польскому солдату ускользнуть на левый берег реки Стырь. После чего переброситься на левый берег реки Стырь, разгромить резервные части противника <...> Одной же бригадой вести энергичное наступление по левому берегу реки Стырь в общем

---

¹⁸⁵ РГВА. Ф. 7675. Оп. 1. Д. 3. Л. 225.

направлении Берестечко—Узень и к вечеру 2-8 выйти на линию реки Судиловка.

Для выполнения задачи приказываю:

1-й кавбригаде совместными действиями с 3-й кавбригадой и 47 стрелдивизией с 418 ее полком, действуя на левом фланге, решительным и энергичным ударом уничтожить противника, нажимая <sic!> его к реке Стырь, на участке Лешнюв—Берестечко. Разведку вести Редьков—Мытница—Королевка. Держать связь с 1-й сводной пехдивизией и 47 стрелдивизией. Разделавшись с противником на правой стороне реки, переброситься на левый, где уничтожить резервы противника <...>

3-й кавбригаде, выступив с получением сего, сосредоточиться <в> Пяски, откуда совместными действиями с 1-й кавбригадой и 47 стрелдивизией уничтожить противника на правом берегу реки Стырь, после чего переброситься на левый берег и уничтожить резервы противника. Разведку вести на Королевка—Сучко—Мерва. Иметь тесную связь с 1-й кавбригадой, с 47 стрелдивизией и со 2-й кавбригадой нашей дивизии.

2-й кавбригаде решительным и энергичным наступлением по левому берегу реки Стырь в направлении Берестечко—Узень, находясь в тесной связи и сообразуясь с действиями 1 и 3-й кавбригад и 47 стрелдивизии, к вечеру 2–8 выйти на линию реки Судиловка, оставив на переправе у Станиславчик два эскадрона при пулеметах и одном орудии <...>

Штабу дивизии расположиться в Белавцы <...> Всем учреждениям дивизии расположиться частью в Белавцы, частью у Белавцы бивуаком <...> Я буду находиться во время операции при действующих частях 1-й и 3-й кавбригад, во время стоянки — при штабе дивизии»¹⁸⁶.

Буденный, в свою очередь, вспоминал:

«2 августа на всем фронте армии бои разгорелись с новой силой. Особенно напряженными они были в центре.

---

¹⁸⁶ РГВА. Ф. 7675. Оп. 1. Д. 3. Л. 248–248 об.

Части С.К. Тимошенко с утра перешли в наступление, но были контратакованы 6-й польской пехотной и 1-й кавалерийской дивизиями. Под натиском превосходящих сил они попятнулись на юго-восток, к Бродам. Их отход создал угрозу тылу 4-й кавалерийской, а отступление последней в свою очередь поставило в трудное положение 11-ю дивизию, оголив ее правый фланг <...>

К полудню инициатива полностью перешла к противнику. Только 45-я стрелковая дивизия еще отражала неприятельские атаки и удерживала свои позиции, а правифланговые части 14-й дивизии даже немного продвинулись на запад. Но в центре противник теснил наши войска и уже овладел районом Козин—Жабокрики—Лешнев. Остановить и разбить его главную ударную группировку должны были <...> 24-я и 47-я стрелковые, 14-я и 6-я кавалерийские дивизии.

Из полештарма помчались мотоциклисты, поскакали конные связные с распоряжениями начдивам <...> С.К. Тимошенко получил приказание одну бригаду двинуть для помощи 14-й дивизии, чтобы нанести удар противнику в направлении Жабокрики, Глубокая Долина, Демидовка и отрезать неприятельские части, прорвавшиеся к Радзивиллову <...>

Вскоре после отъезда связных мы с К.Е. Ворошиловым и адъютантом П.П. Зеленским в сопровождении эскадрона Реввоенсовета поскакали по шоссе на север в 6-ю дивизию, где сложилась наиболее тяжелая обстановка. Не успели отъехать и двух километров от Бродов, как над городом появились неприятельские аэропланы. Тут же послышались взрывы бомб, треск пулеметов.

Вражеские летчики действовали нахально, снижались так, что летали чуть выше крыш, обстреливали из пулеметов улицы города. Обидно было за нашу беспомощность. В последнее время налеты авиации противника участились, а мы, к сожалению, не могли с этим эффективно бороться. Зенитной артиллерии у нас не было, а большая часть аэропланов авиагруппы

Конармии пришла в негодность. Лишь несколько машин использовались для разведывательных полетов»¹⁸⁷.

Прокомментируем несколько фрагментов самой объемной и насыщенной записи от 18 августа 1920 года, которые цитировались выше.

«Атака на Топоров в лоб, Колесников в атаку, болото, я на наблюдательном пункте, к вечеру ураганный огонь из двух батарей» (с. 163). Это событие относится к 13 августа. В оперативной сводке 3-й кавалерийской бригады 6-й дивизии от 14 августа 1920 года, составленной в Нивице, сообщалось: «В 7 часов 13 августа части бригады, согласно оперативного приказа по 6-й дивизии № 136, выступили с мест своих стоянок и в 8 часов 30 мин. сосредоточились на южной окраине сел. Лопатин, откуда двинулись на сборный пункт дивизии в сел. Троица. По прибытии в Троица в 11 час. 30 мин. была выслана бригадная разведка при 2-х пулеметах по дороге на Топоров; не доходя двух верст до Топоров разведка встретила с противником, который стал ее обстреливать ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем <...> В 14 часов 30 мин. был выслан заслон влево против Лясове, который обнаружил разъезды противника в Лясове—Базаны. В 15 часов 30 мин. было пущено в цепь еще два эскадрона пеших, которые совместно с двумя ранее посланными эскадронами перешли в решительное наступление при поддержке ураганного артиллерийского огня нашей 2-й батареи. Противник, подпустив наши цепи до северо-восточной окраины болота (что возле Топоров), открыл ураганный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь из 6-ти орудий, принудил наши части отойти в исходное положение. В 18 часов был спешен весь 33-й кавполк при всех имеющихся в этом полку батареях, а также один эскадрон 34-го кавполка и снова при поддержке огня нашей батареи, была попытка занять Топоров, но и эта попытка, как и прежняя, не имела успеха, ввиду неблагоприятной для нас местности и удобной позиции для противника»¹⁸⁸. Буденный вспоминал, что 13 августа Первая конная «начала наступление

---

¹⁸⁷ Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 2-я. С. 260–262.

¹⁸⁸ РГВА. Ф. 7675. Оп. 1. Д. 14. Л. 619.

лишь утром. 14-я и 6-я кавдивизии находились восточнее Радехова—Топорова и только завязали бой с арьергардами противника, отходившего за Буг»¹⁸⁹.

В дневниковой записи, помеченной 18 августа, Бабель отмечает важнейший момент военного положения Первой конной. Эта запись приводилась в предыдущем параграфе, процитируем ее еще раз без сокращений: «Прошла неделя боев — 21 Августа наши части в 4 верст<ах> у Львова. Приказ — всей Конармии перейти в распоряжение запфронта. Нас двигают на север — к Люблину. Там наступление. Снимают армию, стоящую в 4 верстах от города, которого добивались столько времени. Нас заменит 14<я> армия. Что это — безумие или невозможность взять город кавалерией?» (с. 168).

Данный фрагмент требует довольно объемного комментария по разным источникам. 12 августа 1920 года командующий Юго-Западным фронтом А.И. Егоров направил главкому С.С. Каменеву докладную записку, в которой говорилось:

«Складывающаяся боевая и военно-политическая обстановка вызывает необходимость рассмотреть вопрос о дальнейшем использовании 1 Конармии. Считаю вполне возможным:

1. Боевой участок, занимаемый ныне 1 Конармией, передать 14 армии вместе с частями 45, 47 стрелковых и 8 кавалерийской дивизий.

2. 1 Конармию без одной кавдивизии сосредоточить немедленно в районе Проскурова, где она, оставаясь в резерве фронта, составит маневренную группу для действий на случай выступления Румынии. Наиболее вероятным районом первоначальных действий румын можно считать участок Днестра Хотин—Сороки.

3. С другой стороны, сосредоточение 1 Конармии в резерв фронта позволяет базироваться на ней как на ближайшем источнике для усиления конницей Крымского участка.

---

¹⁸⁹ Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 2-я. С. 310.

4. Одну из кавдивизий (желательно 6-ю) нахожу необходимым начать перебрасывать по железной дороге в район Каховки безотлагательно»¹⁹⁰.

В записке речь шла пока не о переподчинении Первой конной, а об изменении ее боевого участка. И тем не менее 13 августа директивой главкома Каменева армия передавалась в распоряжение командующего Западным фронтом М.Н. Тухачевского, который рассчитывал направить ее для разгрома люблинской группировки противника, угрожавшей его левому флангу. В тот же день, 13 августа, была издана директива по Юго-Западному фронту о передаче 12-й и Первой конной армий в подчинение командованию Западного фронта¹⁹¹.

Однако на деле Первая конная продолжала находиться в составе Юго-Западного фронта. Против переподчинения Первой конной Западному фронту выступали И.В. Сталин и А.И. Егоров.

Еще 8 августа С.Н. Орловский записал в дневнике: «Ночью прибыли в Бердичев. Из переговоров с т. Сталиным выяснилось, что нашу армию сначала хотели подчинить Запфронту, но затем решили оставить в распоряжении главкома, не давая ей определенного боевого участка»¹⁹². В докладной записке командования Юго-Западного фронта от 13 августа 1920 года, подписанной в г. Александровске командующим фронтом Егоровым и членом Реввоенсовета Республики Сталиным, говорилось: «Армии Югзапфронта выполняют основную задачу овладения районов Львов—Рава Русская и втянуты уже в дело»¹⁹³. Командованию Первой конной стало известно о распоряжении главкома только 14 августа¹⁹⁴. Ср. также с более поздними записями в дневнике Орловского:

«17 августа. Сегодня по Конармии издан приказ 101/оп., в котором частям ставилась задача овладеть Львовом. Для выполнения этой задачи

---

¹⁹⁰ Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922): Сборник документов. В 4 т. Т. 3: Апрель 1920 г. — 1922 г. М.: Воениздат, 1974. С. 251–252.

¹⁹¹ См.: Там же. С. 254.

¹⁹² Орловский С.Н. Великий год. С. 85.

¹⁹³ Директивы командования фронтов Красной армии... Т. 3. С. 253.

¹⁹⁴ См.: Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 2-я. С. 303.; Директивы командования фронтов Красной армии... Т. 3. С. 255–256.

Конармия разделена на две группы, действующие в разных направлениях: с северной и северо-западной стороны противника должна преследовать на Яворов 4-я кавдивизия, а с юго-восточной стороны на Городок — 6-я дивизия. 14-й кавдивизии приказано переправиться через р. Буг, прикрывая с севера операции 4-й кавдивизии. 11-я кавдивизия должна идти уступом за 6-й дивизией, двигаясь на Ушки-Виннички, что в 10 км юго-восточнее Львова. Кавбригада т. Степного — сосредоточиться в Поборжаны и ожидать там распоряжений о движении на Львов по шоссе. Комгруппы Львовского направления т. Якиру — решительным наступлением в направлении Бобрка в кратчайший срок приказывалось овладеть линией Львов—Бобрка—Стржелиска, где, закрепившись, войти в подчинение командарму 14.

Сегодня получена директива от командующего Запфронтом т. Тухачевского, в силу которой армия, не доходя до Львова, должна произвести перегруппировку и идти в направлении Владимир-Волынский. Это обстоятельство вызывается тем, что в районе Люблина появилась вновь сформированная армия противника <...> потеснившая части 12-й армии, оставившей г. Грубешов. РВС Конармии, поставленный в полную невозможность произвести перегруппировку, решил закончить Львовскую операцию и тогда начать движение в указанном директивой фронта направлении <...>

Противник потеснил 2 бригады 4-й кавдивизии и накопил довольно значительные силы на нашем левом фланге, задавшись целью отрезать Конармию от переправ на Буг. Львов и Варшава, по-видимому, падут одновременно <...>

18 августа. Все дивизии заняты проведением операции по взятию Львова. 4-я кавдивизия сбила противника и находится в 8–10 км от Львова. Противник усиленно обороняется на подступах к нему, пытаясь вернуть себе инициативу <...> Лозунг “даешь Львов” стал за последние дни самым популярным в армии <...>

19 августа. Передовые части Конармии находятся от Львова в 5 км. Подробных сведений об операции нет. К.Е. Ворошилов и С.М. Буденный все еще на фронте. Сегодня поступило сообщение фронта, что Троцкий требует ускорения выполнения директивы фронта о движении Конармии на Владимир-Волинский, даже если бы и не удалось взять Львов. Сегодня издан предварительный приказ по Конармии об отходе ее с позиции с рассветом 20-го. В этом же приказе объявлялась благодарность РВС Конармии 45-й стр<елковой> дивизии, отходящей к 14-й армии.

Благополучно ли пройдет обнажение львовского направления Конармией? Противник непрерывно гвоздит по наступающим частям Конармии артиллерийским и пулеметным огнем и бомбами с аэропланов. Потери от огня значительные. РВС Конармии стоит на той точке зрения, что нет никакого смысла не брать теперь Львов, когда затрачено так много усилий и жертв на подготовку и начало этой операции. Кроме того ясно, что директива фронта явно запоздала и теперь ее несомненно трудно выполнить. РВС опасается, что отвод частей из-под Львова подорвет политико-моральное состояние армии. Но с другой стороны РВС сознает необходимость спешного движения навстречу Люблинской группе, зная, что последствия промедления Конармии будут возложены на нее.

20 августа. Наша армия все еще стоит у Львова. После безуспешных попыток взять его с северной и южной сторон командармом была направлена 11-я кавдивизия в обход, чтобы взять Львов с западной стороны. К вечеру дивизия достигла передовыми разъездами д. Зарневка, что в 3 км к юго-зап. от Львова.

С фронта приехали К.Е. Ворошилов и С.М. Буденный <...> Издан приказ по Конармии о движении частей за р. Буг, в район Владимира-Волинского с таким расчетом, чтобы в 3–4 перехода сосредоточиться там»¹⁹⁵.

---

¹⁹⁵ Орловский С.Н. Великий год. С. 91–93.

Наконец, Буденный писал об этом так: «В сложившейся к 19 августа обстановке, по нашему твердому убеждению, единственно правильным решением было продолжать наступление на Львов и какой угодно ценой овладеть им. Это привело бы к разгрому львовской группировки неприятеля и укреплению Юго-Западного фронта. Больше того, захват Львова создавал угрозу правому флангу и глубокому тылу противника, оперировавшего против наших армий на варшавском направлении. В этом случае белопольское командование неизбежно вынуждалось на переброску значительных сил в Львовский район с севера, что, безусловно, должно было облегчить положение отступавших соединений Западного фронта»¹⁹⁶.

В РГВА хранятся документы, которые позволяют уточнить сведения о не самых известных или совсем не известных участниках Первой конной, упоминаемых в дневнике Бабея.

Лишь однажды в «Конармии» выведен образ начальника штаба 6-й кавалерийской дивизии — в рассказе «Начальник конзапаса», где он обозначен первой буквой фамилии — «Ж.». А в дневнике К.К. Жолнеркевич в июле и в первых числах августа упоминается неоднократно. Вот несколько записей о работе начальника штаба, которые свидетельствуют об искренней симпатии к нему автора дневника. 11 июля 1920 года: «Ночь, работа штаба в Белеве. Что такое Жолнеркевич? Поляк? Его чувства? Трогательная дружба двух братьев. Константин и Михайло. — Ж. — старый служака, точный, работоспособный без надрыва, энергичный без шума, польские усы, польские тонкие ноги. Штаб — это Ж.<,> еще 3 писаря, заматывающихся к ночи. — Колоссальное дело, расположение бригад, нет припасов, самое главное — операционные направления, делается незаметно <...> Горят тонкие свечки, наштадив в шапке отирает лоб и диктует, диктует беспрерывно — оперсводки, приказанья, Артдивизиону, Плетарму¹⁹⁷, держим направление на Луцк» (с. 128); 13 июля: «Работа шт<аба> в Белеве. Хорошо налаженная машина,

---

¹⁹⁶ Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 2-я. С. 335–336.

¹⁹⁷ Расшифровка данной аббревиатуры не выявлена.

прекрасный нач<альник> штаба, машинная работа и живой человек. Открытие — поляк <...> убрали его, по требованию начдива вернули, любим всеми, хорошо живет с начдивом, что он чувствует. И не коммунист, и поляк, и служит верно, как цепная собака, разбери <...> К<a>к протекает работа штаба — директива, потом приказ, по<том> о<пер>св<одка>, пот<ом> разведсв<одка>, тащим политотдел, ревтрибунал, конск<ий> запас» (с. 130); 18 июля: «Огоньки в штабе. Всегда огоньки в штабе. Ко<н>ст<антин> Карлович диктует приказание наизусть, никогда ничего не забывает, понурился головы, сидят телефонисты. К.К. служил в Варшаве» (с. 135).

Буденный писал о Жолнеркевиче: «Мне нравился этот трудолюбивый и честный поляк. Бывший полковник царской армии, он с первых дней революции перешел на сторону Советской власти. Кстати сказать, таких поляков, сражавшихся плечо к плечу с русскими, было у нас немало»¹⁹⁸.

Сохранилось несколько личных учетных карточек Жолнеркевича¹⁹⁹, из которых мы узнаем, что он родился 20 февраля 1879 года в Хабаровске (то есть на момент описываемых в дневнике событий ему был 41 год). Окончил шесть классов гимназии, затем Тверское военное юнкерское кавалерийское училище, в 1912 году — офицерскую кавалерийскую школу. В сентябре 1898-го поступил на военную службу рядовым, в апреле 1902-го произведен в офицеры. 1 июня 1918 года добровольно поступил на службу в Красную армию. Награжден орденом Красного знамени за № 3320 и золотыми часами ВЦИК с надписью «Честному воину РККА». Штаб 6-й кавалерийской дивизии Жолнеркевич возглавлял почти полгода — с 12 февраля по 5 августа 1920 года. В графе «социальное положение» указано «дворянин». Подтверждается замечание Бабеля о том, что наштадив «не коммунист» — в графе «партийность» значится: «беспартийный», ни в каких других партиях тоже никогда не состоял. Но вот в графе «национальность» в одной из карточек

---

¹⁹⁸ Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 2-я. С. 152.

¹⁹⁹ См.: РГВА. Ф. 40895.

указано: «Великоросс», в другой стоит вопросительный знак. Сведений о службе Жолнеркевича в Варшаве не найдено.

Многократно упоминается в дневнике и помощник начальника штаба 6-й дивизии по оперативной части Лепин. Сюжет о Лепине разрабатывался и в «Планах и набросках к “Конармии”»:

«<38> Лепин.

Бунт души. Захотел к латышам. — Его прошения» (с. 195).

Этот набросок имеет документальное подтверждение. Среди бумаг Первой конной сохранился рапорт Рейнгольда Лепина от 7 сентября 1920 года в Реввоенсовет и начальнику штаба Первой конной армии: «Так как я по происхождению латыш, нравы и быт которых резко отличаются от свойственных составу 1-й конной, то мне многое является не под силу понять в жизни ея, вследствие чего не раз приходится бывать в положении, когда над тобой издеваются, или ты должен делать поневоле то же самое, что больно оскорбляет мое сознание, мешая также прямо или косвенно делу службы. Поэтому <...> прошу ВАШЕГО распоряжения о переводе меня в ЛАТЫШСКУЮ СОВЕТСКУЮ дивизию, где служат как рядовыми бойцами, так и ответственными работниками мои бывшие товарищи по службе, соотечественники, а также и родной брат»²⁰⁰.

В начале сентября 1920 года в окружении писателя появляется новое лицо — помощник начальника штаба 6-й дивизии Орлов. Бабель записывает в дневнике: «Новый помнаштадив — Орлов. Гоголевская фигура. Патологический враль, язык без костей, еврейское лицо, главное — ужасная, если в нее вдуматься, легкость разговора, болтовни, вранья, боль (хромает), партизан, махновец, окончил реальное училище, командовал полком. От легкости этой страшно, что там внутри?» (запись за 3, 4 и 5 сентября; с. 177). 6 сентября в дневнике Бабель вновь упоминает нового помнаштадива: «Будятичи занято 44<-й> див<изией>²⁰¹. Столкновения. Они поражены дикой

---

²⁰⁰ РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 77. Л. 108.

²⁰¹ Речь идет о 44-й дивизии 12-й армии.

ордой, накинувшейся на них. Орлов — даешь, катись. — Сестра гордая, туповатая, красивая сестра плачет, доктор возмущен тем, что кричат — бей жидов, спасай Россию. Они ошеломлены, начхоза избили нагайкой, лазарет выбрасывают <...> Гордая сестра, каких мы никогда не видали...» (с. 178–179)

Последние предложения должны были перерасти в сюжет рассказа, который разрабатывался в наброске «<30> Будятичи»: «Встреча с 44<-й> див<изией>. Доктор, сестра, бей жидов, спасай Россию. — Гордая <...> сестра, хорошая организация медиц<инской> помощи, в бригаде порядок. Орлов... Катись, дальше... В это время — элегантный Шеко. — Скандал с Орловым. Сестра, к<a>к привет из России, там что-то новое, если такие женщины идут в армию. — Новая армия, настоящая. — Характеристика Орлова. Он выбрасывает вещи. — Они пакуют вещи — культура — термос, плед, складные кровати» (с. 193). Орлов упоминается еще в одном наброске — «<50> Мануйлов и Богусл<авский>»: «Орлов. Его разговоры».

Нового помощника начштаба дивизии Орлова звали Леонид Александрович. 17 сентября 1920 года Реввоенсоветом Коноармии он был направлен на Дон, Кубань и в Старобельский уезд Харьковской губ. для вербовки добровольцев в ряды Первой конной²⁰².

В «Коноармии» сюжет о помощнике начальника штаба 6-й дивизии Орлове реализован не был, но фамилия Орлов использована в рассказе «Афонька Бида» — там ее носит помощник эскадронного.

В предыдущем параграфе приводились фрагменты из дневниковых записей от 3, 4, 5 и 6 августа 1920 года о смене руководства 6-й кавалерийской дивизии. Подтверждение фактических сведений о смещении Тимошенко и Жолнеркевича находим в протоколе № 75/а заседания Реввоенсовета Первой конной армии:

«...Слушали: О Наштадиве 6-й Кавдивизии.

---

²⁰² См.: РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 77. Л. 154.

Постановили: состоящий для поручений при командарме Генштаба т. ШЕКО назначается с 4 августа Наштадивом 6 Кавалерийской. Наштарму означенное перемещение провести приказом по армии <...>

Слушали: о начдиве и наштадиве 6 т.т. ТИМОШЕНКО и ЖОЛНАРКЕВИЧЕ.

Постановили Начдива 6-й т. ТИМОШЕНКО и Наштадива той же дивизии ЖОЛНАРКЕВИЧА отстранить от занимаемых должностей за неоднократное упущение в командовании дивизией и временно до результатов расследования прикомандировать к резерву чинов Полештарма (полевой штаб армии. — *Е. П.*) с 5 августа 1920 г. Наштарму (начальник Штаба армии. — *Е. П.*) провести приказом перемещение»²⁰³.

О последнем «упущении» Тимошенко писал Буденный. Дело в том, что в начале августа, в период боев за Броды, Тимошенко не выполнил распоряжения командарма и Реввоенсовета армии двигаться в обход леса по болотистым местам, несмотря ни на какие трудности, а свернул на шоссе. «На моих глазах, — отмечал Буденный, — он (Тимошенко. — *Е. П.*) рос как хороший командир, дисциплинированный и умелый организатор боя. В сложных условиях Тимошенко отлично управлял дивизией, мог сплотить бойцов, направить их волю к единой цели. Не раз и не два видел я, как, воодушевляя конармейцев, он водил их в атаку и проявлял храбрость, достойную восхищения. Но в последнее время он, видно, очень устал и допускал ошибки»²⁰⁴. И далее, задним числом упрощая и смягчая ситуацию, Буденный так описывает обстоятельства смены руководства 6-й дивизии:

«Посоветовавшись, мы с К.Е. Ворошиловым решили отстранить С.К. Тимошенко от командования дивизией.

Для нас это был непростой шаг. Тяжело сознавать, что подвергаешь наказанию боевого заслуженного командира. Но мы считали, что наше решение пойдет на пользу и самому Семену Константиновичу, и другим

---

²⁰³ РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 16. Л. 30.

²⁰⁴ Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 2-я. С. 269–270.

командирам. Пусть каждый знает, что никакие прежние заслуги не оправдывают малейшего уклонения от выполнения приказов и распоряжений Реввоенсовета. А Тимошенко мы убереем от бесшабашного, рискованного личного участия в атаках, в чем иногда по молодости замечались командиры и комиссары, огорченные строгим разговором с начальниками. К тому же, зачисляя его в резерв, дадим возможность отдохнуть после серьезного физического и морального напряжения»²⁰⁵.

Таким образом, сопоставление архивных документов Первой конной и свидетельств ее участников с дневником Бабеля говорит об исторической достоверности последнего. Вместе с тем комментирование дневниковых записей этими документами и свидетельствами расширяет представление о событиях, лаконично зафиксированных писателем.

2.3. Дневник как самостоятельное произведение документальной прозы

Конармейский дневник Бабеля, как уже отмечалось, является важной частью литературного наследия писателя, самостоятельным произведением, имеющим как документальную, так художественную и ценность.

Основной вектор художественных поисков Бабель наметил еще тогда, в период пребывания в Первой конной. В примыкающем к дневнику неоконченном и неотправленном письме, предназначавшемся, скорее всего, первой жене, Евгении Борисовне, и предположительно датированном 13 августа 1920 года, он писал: «Я пережил здесь две недели полного отчаяния, это произошло от свирепой жестокости, не утихающей здесь ни на минуту, и от того, что я ясно понял, к<a>к непригоден я для дела разрушения, к<a>к трудно отрываться мне от старины, от стародавнего; от того, что было м<ожет> б<ыть> худо, но дышало для меня поэзией, как улей медом, я отхожу теперь, ну что же — одни будут делать революцию, а я буду, я буду петь то, что

---

²⁰⁵ Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 2-я. С. 270.

находится сбоку, то, что находится поглубже, и место будет для этого, и время»²⁰⁶.

2.3.1. Основные темы и мотивы дневниковых записей Бабеля

Темы и мотивы дневниковых записей Бабеля, ставших во многом основой для книги «Конармия», весьма разнообразны. Это «буденновцы, кони, передвижения и война» (с. 150), разрушенный войной быт городов и местечек Волыни и Галиции, местная архитектура и пейзаж; это волновавшая автора судьба еврейства, размышления о революции и войне, о своем месте в мире, другими словами, «о времени и о себе». В дневнике происходит целенаправленное накопление фактов, с тем чтобы в будущем максимально конкретно воссоздать «биографию войны» (выражение Як. Бенни²⁰⁷) — польский поход Первой конной армии.

О некоторых событиях советско-польской войны, отраженных на страницах дневника Бабеля, речь шла выше. Многие эпизоды дневника, связанные с войной, посвящены не только боевым операциям и передвижениям буденновцев. Таковы, например, описания расправ с пленными поляками, одно из самых тяжелых впечатлений писателя от пребывания в Первой конной. Через четыре года, 17 декабря 1924-го, во время встречи с Д.А. Фурмановым, будущим редактором книги «Конармия», Бабель говорил: «Что я видел у Буденного — то и дал. А видал много страшного: рубку пленных. Она так часто практиковалась, что с глаз у меня нейдет. Вижу, что не дал я там вовсе политработника, не дал вообще многого о Красной армии — дам, если сумею, дальше. Но уж не так оно у меня выходит солоно, как то, что дал. Каждому, видно, свое»²⁰⁸.

Выше цитировались фрагменты дневника о пленниках, которые были использованы Бабелем в рассказах «Эскадронный Трунов» и «Их было

---

²⁰⁶ Цит. по: *Лившиц Л. Я.* Материалы к творческой биографии И. Бабеля. С. 123.

²⁰⁷ *Бенни Як. И.* Бабель // Печать и революция. 1924. № 3. С. 139.

²⁰⁸ ОР ИМЛИ. Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 674. Л. 2.

девять». Приведем еще один характерный эпизод из дневниковой записи от 18 августа 1920 года: «Настроение перед боем, голод, жара <...> Гремит ура, поляки раздавлены, едем на поле битвы, маленький полячок с полированными ногтями трет себе розовую голову с редкими волосами, отвечает уклончиво, виляя, “мекая” ну, да, Ш<еко> воодушевленный и бледный, отвечай, кто ты — я, мнется — вроде прапорщика, мы отъезжаем, его ведут дальше, парень с хорошим лицом за его спиной заряжает, я кричу — Яков Васильевич, он делает вид, что не слышит, едет дальше, выстрел, полячок в кальсонах падает на лицо и дергается. Жить противно, убийцы, невыносимо, подлость и преступление <...> Гонят пленных, их раздевают, странная картина — они раздеваются страшно быстро, мотают головой, все это на солнце, маленькая неловкость, тут же — командный состав, неловкость, но пустяки, сквозь пальцы. Не забуду я этого “вроде” прапорщика, предательски убитого. — Впереди — вещи ужасные <...> Ездим с военкомом по линии, умоляем не рубить пленных, Ап<анасенко> умывает руки. Ш<еко> обмолвился — рубить, это сыграло ужасную роль. Я не смотрел на лица <...> прикалывали, пристреливали, трупы покрыты телами, одного раздевают, другого пристреливают, стоны, крики, хрипы, атаку произвел наш эскадрон, Ап<анасенко> в стороне, эскадрон оделся, к<a>к следует <...> Ад. К<a>к мы несем свободу, ужасно <...> Ап<анасенко> — не трать патронов, зарежь. Апанасенко говорит всегда — сестру зарезать, поляков зарезать» (с. 166)²⁰⁹.

---

²⁰⁹ Здесь стоит отметить, что дивизия под командованием Апанасенко проявила себя с лучшей стороны в целом ряде боев, в том числе под Бродами и Львовом. Однако в последний период пребывания Апанасенко начдивом шесть в дивизии имели место случаи мародерства, насилия над мирным населением, еврейские погромы. 12 октября 1920 года был издан приказ Реввоенсовета Первой конной армии № 90-а, в котором говорилось: «Врид. (временно исполняющий должность. — Е. П.) начдива 6 Кавалерийской Апанасенко за преступное систематическое попустительство и бездействие власти, выразившееся в том, что, как выяснилось дознанием Чрезвычайной следственной комиссии РВС и доклада целого ряда ответственных работников, а также личным впечатлением Реввоенсовета, частями вверенной ему дивизии в течение почти 3-х недель производились грабежи, убийства, насилия и др. преступные действия — им, Апанасенко, не было принято никаких серьезных мер к предупреждению и пресечению указанных тягчайших преступлений. Отстранить от должности, немедленно арестовать и предать суду революционного военного трибунала» (РГВА. Ф. 245. Оп. 8. Ед. хр. 1. Л. 87). Стал ли Бабель свидетелем этого события, мы не знаем, можно предположить, что его в этот момент в Конармии уже не было.

На страницах дневника отчетливо выражено противоречивое отношение его автора и к происходящим событиям, и к их участникам. Не приходится сомневаться в том, что он желал победы Красной армии и верил в правильность идей, за которые она воевала, с другой стороны, не мог оправдать средства, которыми действовала армия и ее командиры («К<a>к мы несем свободу, ужасно...»), ему трудно было смириться с неистребимой «людской жестокостью» (с. 149).

Поводом для подобных раздумий и выводов могли послужить не только факты и события, попадавшие в поле зрения Бабея, но и его беседы с участниками Первой конной. Вот примечательный фрагмент из дневниковой записи от 21 августа 1920 года, сделанной в Адамах: «Разговор с комартидивизионом Максимовым, наша армия идет зарабатывать, не революция, а восстание дикой вольницы. — Это просто средство, которым не брезгует партия» (с. 169). По всей видимости, разговор с Максимовым трансформировался в реплику Галина в рассказе «Вечер»: «Конармия есть социальный фокус, производимый ЦК нашей партии. Кривая революции бросила в первый ряд казачью вольницу, пропитанную многими предрассудками, но ЦК, маневрируя, продерет их железною щеткою...» (с. 64).

Один из главных мотивов дневниковых записей — движение и дорога. В дневнике возникает образ кажущейся нескончаемой во времени, но ограниченной пространством Волыни и Галиции дороги, которым пронизана и книга «Конармия». Само слово «дорога» и производные от него встречаются в дневнике более 50 раз: «Клевань, его дороги, улицы...» (Белев, 11 июля; с. 128); «Богатые деревни, жаркий полдень, пыльные дороги...» (Белев, 12 июля; с. 128); «Пашни, дороги, солнце, созревает пшеница, топчем поля...» (Новоселки—Мал. Дорогостай, 18 июля; с. 134); «...дождь в лесу, размытые дороги в лесу...» (Высоты у Сморгды. Пелча, 20 июля; с. 137); «Обоз нас оставляет, дороги тяжелы, черная грязь...» (Боратин, 22 июля; с. 139); «Ждем на дороге из Вербы <...> Дорога на Дубно» (В Вербе, 23 июля; с. 140); «Белая совсем дорога, вырубленные леса, все исковеркано, галичане на дорогах <...>

разбитые дороги...» (Лешнюв, 26 июля; с. 144–145); «...взрытые дороги, низкие хлеба, нет солнца...» (Лешнюв, 29 июля; с. 146); «...обоз стоит по дороге к Белавцам, потом мы по дороге, окаймленной лесом <...> Прошел день, видел смерть, белые дороги...» (Гржималовка, Лешнюв, 1 августа; с. 150); «Бесконечное путешествие, пыльные дороги, я пересаживаюсь на телегу...» (3 августа; с. 152); «Двигаюсь один к Радзивилову. Тяжкая дорога. Никого по пути...» (4 августа; с. 153); «Густой туман, пронзительный холод, лошадь — дорога лесами...» (Нивица, 13 августа; с. 162); «С тех пор передвижения, бесконечные дороги...» (18 августа; с. 163) и т. д.

Описание передвижений и боевых действий Первой конной армии перемежается в дневнике с описанием мирных жителей и самих городов и местечек Волыни и Галиции, в которых побывал Бабель во время польского похода, в первую очередь еврейского населения этих мест. Вот, к примеру, запись от 18 июля 1920 года:

«Польская армия сосредоточивается в районе Дубно—Кременец для решит<ельного> наступления. Мы парализуем маневр, предупредим. Армия переходит в наступл<ение> на южном участке, наша дивизия в арм<ейском> резерве. Наша задача — захватывать переправы через Стырь в районе Луцка. — Выступаем утром в М. Дорогостай (сев<ернее> Млынова), обоз оставляем, больных и административный штаб тоже, очевидно, предстоит операция. — Получен приказ из югзапфронта, когда будем идти в Галицию — в 1<-й> раз Сов<етские> войска переступают рубеж, — обращаться с населением хорошо. Мы идем не в завоеванную страну, страна принадлежит галицийским рабочим и крестьянам, и только им, мы идем им помогать установить Сов<етскую> власть. Приказ важный и разумный, выполнят ли его барахольщики? Нет.

Выступаем. Трубачи. Сверкает фуражка начдива <...> Едем<,> леса, пашни жнут, но мало, убого, кое-где по две бабы и 2 старика. Волынские столетние леса — величественные зеленые дубы и грабы, понятно, почему дуб — царит. — Едем тропинками с двумя штабными эскадронами, они всегда с начдивом, это отборные войска. Описать — убранство их коней, сабли в

красном бархате, кривые сабли, жилетки, ковры на седлах. Одеты убого, хотя у каждого по 10 френчей, такой шик, вероятно. — Пашни, дороги, солнце, созревает пшеница, топчем поля, урожай слабый, хлеба низкорослые, здесь много чешских, немецких и польских колоний. Другие люди, благосостояние, чистота, великолепные сады, объедаем несозревшие яблоки и груши, все хотят на постройку к иностранцам, ловлю и себя на этом желании, иностранцы запуганы. — Еврейское кладбище за Малиным, сотни лет, камни повалились, почти все одной формы, овальные сверху, кладбище заросло травой, оно видело Хмельницкого, теперь Буденного, несчастное еврейское население, все повторяется, теперь эта история — поляки — казаки — евреи — с поразительной точностью повторяется, новое — коммунизм» (с. 134).

В этой записи говорится о конкретной военной ситуации и задачах, стоящих перед дивизией, но в то же время здесь содержатся описания убранства коней и одежды конармейцев, окрестного пейзажа и еврейского кладбища. А еще взгляд на сегодняшнюю войну через ретроспективу исторического прошлого времен Богдана Хмельницкого.

На страницах дневника немало записей о разрушениях в городах и местечках, произошедших из-за войны, как, например, в записи от 30 июля — о Бродах:

«Город разрушен, ограблен. Город огромного интереса. Польская культура. Старинное, богатое, своеобразное еврейское поселение. Эти ужасные базары, карлики в капотах, капоты и пейсы, древние старики. Школьная улица, 9 синагог, все полуразрушено, осматриваю новую синагогу <...> шамес²¹⁰, бородатый и говорливый еврей — хоть бы мир, как будет торговля, рассказывает о разграблении города козаками, об унижениях, чинимых поляками. Прекрасная синагога, какое счастье, что у нас есть хотя бы старые камни. Это еврейский город²¹¹ — это Галиция, описать. Окопы, разбитые фабрики, Бристоль, кельнерши, “западноевропейская” культура и как

---

²¹⁰ Служитель в синагоге.

²¹¹ По контексту не до конца ясно, европейский или еврейский город имел в виду Бабель, скорее первое.

жадно на это бросаешься. Эти жалкие зеркала, бледные австрийские евреи — хозяева. И рассказы — здесь были амер<иканские> доллары, апельсины, сукно. — Шоссе, проволока, вырубленные леса, и уныние, уныние без конца. Есть нечего, надеяться не на что, война, все одинаково плохи, одинаково чужие, враждебные, дикие, была тихая и главное исполненная традиций жизнь.

Буденновцы на улицах. В магазинах — только ситро, открыты еще парикмахерские. На базаре у мегер — морковь, все время идет дождь, непрерывный, пронзительный, удушающий. Нестерпимая тоска, люди и души убиты» (с. 147–148).

Разрушены не только города, но и уклад жизни, традиции. Вот о чем не мог не думать Бабель.

Самые разные вещи попадают в поле зрения автора дневника. В продолжении записи от 30 июля о Бродах читаем: «Нельзя забыть Броды и эти жалкие фигуры, и парикмахеров, и евреев, пришедших с того света, и козачков на улицах <...> Одесская гостиница Гальперина²¹², в городе голод, есть нечего, вечером хороший чай, утешаю хозяина, бледного и растревоженного, к<a>к мышь <...>

Ночь в гостинице, рядом супруги и разговоры, и слова и... в устах женщины, о русские люди, к<a>к отвратительно вы проводите ваши ночи и какие голоса стали у ваших женщин. Я слушаю<,> затаив дыхание, и мне тяжело. — Ужасная ночь в этих замученных Бродах» (с. 148).

Куда бы ни попадал Бабель во время польского похода летом 1920 года, он стремился посетить местные синагоги. Дневник сохранил немало описаний синагог. К примеру, 23 июля он записал: «Дубенские синагоги. Все разгромлено. Осталось два маленьких притвора, столетия, две маленькие комнатки, все полно воспоминаний, рядом четыре синагоги, а там выгон, поля и заходящее солнце. Синагоги <—> приземистые старинные зеленые и

---

²¹² Вероятно, имеются в виду гостиница и магазины в «Пассаже» на Преображенской улице в Одессе, среди которых была галантерея Я. Гальперина.

синие домишки, хасидская внутри — архитектуры никакой. Иду в хасидскую. Пятница. Какие изуродованные фигурки, какие изможденные лица, все воскресло для меня, что было 300 лет, старики бегают по синагоге — воя нет, почему-то все ходят из угла в угол, молитва самая непринужденная. Вероятно, здесь скопились самые отвратительные на вид евреи Дубно <...> Тихий вечер в синагоге, это всегда неотразимо на меня действует, четыре синагожки рядом. Религия? Никаких украшений в здании, все бело и гладко до аскетизма, все бесплотно, бескровно, до чудовищных размеров, для того, чтобы уловить, нужно иметь душу еврея. А в чем душа заключается? Неужто именно в наше столетие они погибают. — Уголок Дубно, четыре синагоги, вечер пятницы, евреи и еврейки у разрушенных камней — все памятно» (с. 141).

Автор дневника проявляет интерес и к христианским храмам и священнослужителям. Например, 10 августа Бабель описывает дом священника в Лашкове и поведение буденновцев по отношению к этому священнику: «Пожар в селе. Горит клуня священника. Две лошади, бившиеся что есть мочи, сгорели. Лошадь из огня не выведешь. Две коровы удрали, у одной потрескалась кожа, из трещин — кровь, трогательно и жалко. — Дым обволакивает все село, яркое пламя, черные пухлые клубы дыма, масса дерева, жарко лицу, все вещи из поповского дома, из церкви выбрасывают в палисадник <...> Наши козаки, тяжкое зрелище, тащат с заднего крыльца, глаза горят, у всех неловкость, стеснение, неискоренима эта т<ак> наз<ываемая> привычка. Все хоругви, старинные Четьи-Минеи, иконы вынесены, странные раскрашенные бело-розовые, бело-голубые фигурки, уродливые, плосколицые, китайские или буддийские, масса бумажных цветов, загорится ли церковь, крестьянки в молчании ломают руки, население, испуганное и молчаливое, бегают босичком, каждый садится у своей хаты с ведром. Они апатичны, прибиты, нечувствительны — необычайно, они бросились бы даже тушить. С <...> воровством удалось совладать — солдаты, к<a>к хищные, затрудненные звери, ходят вокруг батюшкиных чемоданов,

говорят, там золото, у попа можно взять <...> У старого священника<,> 35 лет прослужившего в Лашкове<,> трепещет все время нижняя губа <...> Хороший интеллигентный батюшка, припасший мучку, курицу, хочет поговорить об университетах, о русинах, несчастный, у него живет Апанасенко в красном казакине» (с. 159–160).

Если синагоги лишь упоминаются в рассказах «Гедали», «Рабби», «Учение о тачанке», «Эскадронный Трунов», то подробные описания костелов (основанные на реальных впечатлениях или вымышленные) можно найти в нескольких конармейских рассказах — «Костел в Новограде», «Пан Аполек», «Афонька Бида», «У святого Валента» (описание в дневнике католического храма в Берестечке, послужившее основой для этого рассказа, будет приведено ниже).

Дневниковые заметки Бабеля о красноармейцах перемежаются с записями о его взаимодействии с евреями Волыни и Галиции. Пример — запись от 21 июля 1920 года: «Прекрасный день. Мое интервью с Конст<антином> Карл<овичем>. Что такое наш козак? Пласты: барахольство, удальство, профессионализм, революционность, звериная жестокость. Мы авангард, но чего? Население ждет избавителей, евреи свободы — приезжают кубанцы. — Командарм вызывает начдива на совещание в Козин. 7 верст. Еду. Пески. Каждый дом остался в сердце. Кучки евреев. Лица, вот гетто, и мы старый народ, измученные <...> есть еще силы, лавка, пью кофе великолепный, лью бальзам на душу лавочника, прислушивающегося к шуму в лавке. Козаки кричат, ругаются, лезут на полки, несчастная лавка, потный рыжебородый еврей... Брожу без конца, не могу оторваться, местечко было разрушено, строится, сущ<ествует> 400 лет, остатки синагоги, великолепн<ый> разруш<енный> стар<ый> храм<,> бывш<ий> костел, теперь церковь, очаровательной белизны в три створки, видный издалека <...> Старый еврей — я люблю говорить с нашими — они меня понимают <...> замученный еврей — мой проводник, какая-то семья тупых толстоногих евреев, живущих в деревянном сарае при кладбище, три гроба евреев солдат,

убитых в русско-герм<анскую> войну <...> Новое и старое кладбище <...> Вечер, хожу между строениями, евреи и еврейки читают афиши и прокламации <...> Высокие старики, шатающиеся без дела» (с. 138).

Данная особенность дневника отразилась в «Конармии». В статье С.Х. Левина «“Чужой” среди своих: К проблеме самоидентификации Лютова» показано, что эта самоидентификация осуществляется по отношению к двум величинам — конармейской массе и еврейскому населению тех городов и местечек, по которым шла Первая Конная армия во время польского похода²¹³. Иными словами, в «Конармии» можно выделить две основные сюжетные линии: Лютов и красноармейцы, Лютов и евреи. Эти сюжетные линии не только взаимодействуют между собой, дополняя друг друга, но и образуют главный конфликт конармейского цикла. По мнению исследователя, «важнейшим сюжетобразующим фактором всей книги» является «история “невхождения” Лютова в конармейскую массу»²¹⁴.

Среди главных тем дневника — комсостав Первой конной и рядовые красноармейцы. Бабель внимательно присматривается к ним, в записи от 16 июля 1920 года дает конармейским вожакам общую характеристику: «О буденновских начальниках — кондотьеры или будущие узурпаторы? Вышли из среды козаков, вот главное — описать происхождение этих отрядов, все эти Тимошенки, Буденные сами набирали отряды, главным образом — соседи из станицы, теперь отряды получили организацию от Соввласти» (с. 133). Или, например, в записи от 19 июля подметил черты командира 1-й бригады 6-й дивизии В.И. Книги: «Прискакали Колесов и Книга (знаменитый Книга, чем он знаменит) <...> у Книги лицо хлебн<ого> приказчика, деловитый хохол» (с. 135).

Примечательно описание поведения высших командиров Конармии после вступления в местечко Комаров 28 августа 1920 года: «Приезд

---

²¹³ См.: *Левин С.Х.* «Чужой» среди своих: К проблеме самоидентификации Лютова // *Левин С.Х.* С еврейской точки зрения: Избранные статьи и очерки. Иерусалим: Филобиблон, 2010. С. 17.

²¹⁴ Там же. С. 30.

Ворошилова и Буденного. Ворошилов разносит при всех, недостаток энергии, горячится, горячий человек, бродило всей армии, ездит и кричит, Буденный молчит, улыбается, белые зубы. Ап<анасенко> защищается, зайдём в квартиру, почему кричит, выпускаем противника, нет соприкосновения, нет удара. — Ап<анасенко> не годится?» (с. 172).

Подобное этому поведение военачальников — нервность и страстность Ворошилова, молчание и улыбку Буденного — Бабель описал и 31 августа (об этом речь пойдет в третьей главе). Назовем только одну подмеченную писателем деталь — «белые зубы» командарма (в записи от 31 августа — «ослепительные белые зубы»; с. 176), которая будет использована в рассказе «Комбриг 2»: «...сказал командарм с ослепительной своей усмешкой» (с. 40).

Сменивший С.К. Тимошенко на посту начдива шесть И.Р. Апанасенко не раз упоминается в дневнике. Первое впечатление — в записи от 5 августа 1920 года: «Апанасенко, новая и яркая фигура, некрасив, коряв, страстен, самолюбив, честолюбив, написал воззвание в Ставрополь и на Дон о беспорядках тыла, для того, чтобы сообщить в родные места, что он начдив. Т<имошенко> был легче, веселее, шире и, м<ожет> б<ыть>, хуже. Два человека, не любили они, верно, друг друга <...> Апанасенко ищет популярности» (с. 154).

«Апанасенко пишет послания Ставропольск<ому> Исполкому, будем рубить головы в тылу, он восхищен. Бой у Радзихова, Апанасенко ведет себя молодцом — мгновенная распланировка войск, чуть не расстрелял отступившую 14<-ю> дивизию. Надо приглядеться к Апанасенко. Атаман» (с. 158), — записывает Бабель в дневнике 8 августа. И вновь 10 августа: «...гладко выбритое лицо — страшное явление, атаман» (с. 159). 11 августа Бабель описывает свое интервью с Апанасенко: «Это очень интересно. Это надо запомнить. Его тупое, страшное лицо, крепкая сбитая фигура, как у Уточкина²¹⁵ <...> Апанасенко — жаден к славе, вот он — новый класс.

---

²¹⁵ Уточкин Сергей Исаевич (1876–1916) — один из первых русских авиаторов, футболист, вело-, авто- и мотогощик; уроженец Одессы; владелец одного из первых автомобилей в Одессе. Выступал с

Несмотря на все оперативные дела — отрывается и каждый раз возвращается снова, организатор отрядов, просто против офицерства, 4 Георгия, службист, унт<ер>офицер, прап<орщик> при Керенском, председатель полков<ого> комитета, срывал погоны у офицеров, длинные месяцы в Астраханских степях, непререкаемый авторитет, профессионал военный <...> Ненависть Апанасенки к богатым, к интеллигентам, неугасимая ненависть» (с. 160–161). «Нервность Апанасенки, его ругня, есть ли это сила воли?» — помечает Бабель 18 августа (с. 163).

Несколько раз в дневнике Бабель дает описание одежды Апанасенко, особо подчеркивая его «красный казакин» и «красный башлык»: «Апанасенко в красном казакине, в черной бурке <...> у него (священника. — Е. П.) живет Апанасенко в красном казакине» (Лашков, 10 августа; с. 159–160); «Вступаем с начдивом, красный башлык, в Комаров» (Комаров, 28 августа; с. 172); «Промокли, устали до жути, красный башлык Апанасенки» (Комаров, Лабуне, Пневск, 29 августа; с. 174).

В рассказе «Чесники» найдет место и красный казакин начдива, и его неприятная внешность, возможно, утрированная по отношению к реальному Апанасенко: «Красный казакин начдива был оборван, мясистое, омерзительное его лицо искажено» (с. 94).

Можно сделать вывод о том, что писатель испытывал к Апанасенко противоречивые чувства, но больше негативные.

По дневнику видно пристальное внимание Бабеля к еврейскому населению Волыни и Галиции. Например, 5 июля в Житомире он записал: «Разговоры с евреями, мое родное, они думают, что я русский, и у меня душа раскрывается. Сидим на высоком берегу. Покой и тихие <...> вздохи за

демонстрационными полетами во многих российских городах. Уточкин упомянут Бабелем в очерке «Одесса» (1916), в рассказах «Справедливость в скобках» (1921) и «Ди Грассо» (1937). Похожесть Апанасенко на Уточкина Бабель отмечает в наброске «<18> Пожар в Лашкове»: «Апанасенко на пожаре. Похож на Уточкина» (с. 189).

спиной. Иду защищать Ученика. Я им сказал, что у меня мать еврейка, история, Б<елая> Церковь, раввин» (с. 125).

По мнению С.Х. Левина, в книге «еврейская тема подчинена теме конармейской», а в дневнике «она более отчетлива и имеет самостоятельное значение»²¹⁶. Исследователь выделяет здесь «мысль семейную»²¹⁷. Действительно, эта мысль звучит в дневнике как лейтмотив: несколько раз возникает фамилия делопроизводителя Политотдела Первой конной Хелемской, и Бабель строит предположения о ее будущей семейной жизни; подробно описано семейство Дувида Ученика, неприятные ему Хасты из Ровно; судьба сталкивает его с семейством Мудрика; не однажды он ночует в доме безногого Фроима в Бродах и т. д. Особое значение в этом плане приобретает дневниковая запись от 24 июля 1920 года, о которой подробнее речь пойдет ниже, — о еврейской семье в местечке Демидовка и траурном дне Девятое ава.

Одним из мотивов дневника, связанным в том числе с еврейством Бабеля, является мотив чужака: «Жизнь нашей дивизии <...> Я чужой...» (26 июля; с. 144); «Пасека, обыскиваем ульи, четыре хаты в лесу — ничего нет, все обобрано, я прошу хлеба у красноармейца, он мне отвечает — с евреями не имею дело, я чужой, в длинных штанах, не свой, я одинок, едем дальше, от усталости едва сижу на лошади...» (3 августа; с. 152). Последний эпизод найдет отражение в наброске «<15> Бой под Бр<одами>. II»: «Плутания. Я с евреем не разговариваю. Т<a>к далеко от городов» (с. 188).

Ощущение себя как чужого совпадает в дневнике с мотивом одиночества и «непроходящей тоски» (см. в пятом параграфе первой главы). Эти мотивы перешли из дневника в «Конармию», трансформировавшись там прежде всего в историю взаимоотношений Лютова с конармейской массой. В книге эти мотивы связаны не только и не столько с еврейством героя-

---

²¹⁶ Левин С.Х. «Чужой» среди своих: К проблеме самоидентификации Лютова // Левин С.Х. С еврейской точки зрения. С. 8.

²¹⁷ См.: Там же. С. 20.

повествователя, сколько с его положением интеллигента: «Шлют вас, не спросясь, а тут режут за очки»; «Канитель тута у нас с очками и унять нельзя. Человек высшего отличия — из него здесь душа вон» («Мой первый гусь»; с. 28, 29).

В рассказе «Мой первый гусь» красноармейцы вначале издеваются над Лютовым, особенно «молодой парень с льяным висячим волосом и с прекрасным рязанским лицом» (с. 29). Однако, убив гуся и нагрубив хозяйке, Лютов сумел заслужить расположение бойцов. В плане развития сюжетной линии «Лютов и красноармейцы» — это история со счастливым концом: «...потом мы пошли спать на сеновал. Мы спали шестеро там, согреваясь друг от друга, с перепутанными ногами, под дырявой крышей, пропускавшей звезды» (с. 30). Но следующая, заключительная, фраза новеллы свидетельствует о мнимости благополучного финала: «Я видел сны и женщин во сне, и только сердце мое, обогрешное убийством, скрипело и текло» (с. 30). Но в целом в «Конармии» развитие отношений Лютова с казаками идет то по восходящей, то по нисходящей линии. Вначале Лютов «побеждает», то есть входит в среду красноармейцев («Парень нам подходящий», — сказал о Лютове один из них в рассказе «Мой первый гусь»; с. 30), а получив тачанку и повозочного, он «перестал быть парией среди казаков» («Учение о тачанке»; с. 33). Но уже в рассказе «Смерть Долгушова» Лютов вновь становится чужим, не сумев выстрелить в умирающего Долгушова. В «После боя» вначале начподив шесть Виноградов поручает Лютову собрать разбегающихся бойцов («— Лютов, — крикнул он, завидев меня, — завори мне бойцов, душа из тебя вон...»; с. 96), что свидетельствует об определенном его статусе и положении в Конармии. Затем же Иван Акинфиев упрекает Лютова в том, что он «в драке путается, а патронов в наган не залаживает», а самому Лютову приходится вымаливать «у судьбы простейшее из умений — умение убить человека» (с. 98).

В свое время Ш. Маркиш высказал любопытное, хотя и не бесспорное, суждение о том, что лучшие произведения Бабеля 1930-х годов «сопряжены с

еврейской темой и лютовским мировосприятием». Среди этих произведений он называет рассказы «В подвале», «Пробуждение», «Дорога», «Гюи де Мопассан». «Я решился бы отнести сюда же, — пишет Маркиш, — еще один замечательный рассказ “Улица Данте” (1934), потому что эмоциональный ключ его — важнейший компонент рассказа — это безысходное одиночество (“Нет одиночества безвыходнее, чем одиночество в Париже”))»²¹⁸.

В самом деле, мотив чужака и одиночества, столь характерный для дневника, «Конармии» и других произведений Бабея, прослеживается и в «Улице Данте». Однако здесь нет указания на национальность лирического героя, нет указания на страну, откуда он приехал во Францию. Подобная конкретизация была бы в этом рассказе излишней, так как в центре его — темы Парижа и любви²¹⁹, а стилистика рассказа, как отметил А.К. Жолковский, «совершенно свободна от характерного для многих вещей Бабея еврейского налета»²²⁰.

2.3.2. Стилистические и композиционные особенности дневника

Как и написанная во многом на его основе «Конармия», дневник 1920 года стилистически неоднороден. Несмотря на фрагментарность и некоторую внешнюю хаотичность записей, они в то же время отличаются друг от друга не только развернутостью или сжатостью, но и стилистически, интонационно. Стилль обычно напрямую зависел от конкретной обстановки — он был динамичным, когда речь шла о походах и боевых действиях, или эпически-повествовательным, когда запись делалась в тылу, в относительно мирных условиях. Стилистические различия дневниковых записей связаны, вероятно, еще и с тем, что многие из них являются как бы заготовками к будущей книге, отдельные фрагменты дневника перешли в рассказы.

---

²¹⁸ Маркиш Ш. Бабель и другие. М.; Иерусалим: Михаил Щиголь, 1997. С. 25.

²¹⁹ Подробнее см.: Погорельская Е.И. «В дыму и золоте парижского вечера...» Исторический и литературный контекст рассказа И. Бабея // Вопросы литературы. 2010. № 1. С. 277–302.

²²⁰ Жолковский А.К. «Улица Данте». Топография, топонимика и топики парижской новеллы Бабея // Новое литературное обозрение. 2014. № 6 (130). С. 221.

Надо согласиться с И.Г. Эренбургом и И.А. Смириним в том, что многие записи делались «наспех», но тем не менее отдельные страницы дневника пронизаны образностью, писатель зачастую берет верх над обычным летописцем. Вот только некоторые примеры (что-то, возможно, процитируем не в первый раз): «В Ровно пыль, пыльное золото расплавленное течет над скучными домишками» (Ровно, 6 июля; с. 126); «...широкие поля, алое солнце, золотой туман, колышутся хлеба, в деревне гонят скот, розовые пыльные дороги, необычайной нежной формы, из краев жемчужных облаков — пламенные языки, оранжевое пламя, телеги поднимают пыль» (Белев, 12 июля; с. 129); «Еду с начдивом, штабной эскадрон, скачут кони, леса, дубы, тропинки, красная фуражка начдива, его мощная фигура, трубачи, красота, новое войско, начдив и эскадрон — одно тело» (Новоселки, 16 июля; с. 133); «...верба — величественное и кроткое дерево...» (Высоты у Сморгды. Пелча, 20 июля; с. 137); «Вот и начинается могущественный дождь, истинный победитель» (Лешнюв, 29 июля; с. 146); «Перед нами дорога, разбухшая от дождя, пулемет вспыхивает в разных местах, невидимое присутствие неприятеля в этом сером и легком небе» (Гржималовка—Лешнюв, 1 августа; с. 149); «Долго плушаем под огнем по полям, ничего не видать, эти равнодушные дороги...» (Белавцы, 2 августа; с. 151); «...момент атаки, момент, когда берут город, тревожная, лихорадочная, возрастающая, доводящая до отчаяния безнадежности трескотня пулеметов, непрерывные разрывы и над всем этим — тишина сверху и ничего не видно» (Нивица, 13 августа; с. 161–162); «Все таинственно и просто. Люди молчат и ничего не заметно к<a>к будто. О, русский человек. Все дышит тайной и грозой» (Комаров, Лабуне, Пневск, 29 августа; с. 173).

Конармейский дневник Бабеля (сохранившаяся его часть) обладает цельным внутренним действием, невольно (хотя, конечно, только отчасти) выстроенным по законам художественного произведения. Поначалу его автор действительно похож скорее на стороннего наблюдателя, постепенно он оказывается внутри перипетий, связанных с 6-й дивизией; с нарастанием боев

и передвижений растет напряжение самих дневниковых заметок. Пик приходится на последние числа июля и август. Но под конец, постепенно, напряжение спадает и в сентябрьских записях как бы сходит на нет: подспудно ощущается усталость автора дневника и его стремление покинуть армию: «Толки об ослаблении боеспособности армии все увеличиваются. Бегство из армии. Массовые рапорты об отпусках, болезнях. — Главная болячка дивизии — отсутствие комсостава, все командиры из бойцов <...> Эскадронные командуют полками. — Дни апатии <...> Тяжело жить в атмосфере армии, давшей трещину» (Теребин—Метелин, 2 сентября; с. 177).

Иными словами, можно наметить фабулу и сюжет конармейского дневника, пользуясь определением Б.В. Томашевского: «Совокупность событий в их взаимной внутренней связи <...> назовем *фабулой* <...> Художественно построенное распределение событий в произведении именуется *сюжетом* произведения»²²¹.

Фабула дневника — перипетии польского похода Первой конной, во время которого складывалась судьба Бабеля-Лютова; сюжет — фиксация, переживание, осмысление событий этого похода и — шире — судеб революции, а также собственной судьбы автора. В дневнике можно вычленить все элементы этого сюжета — завязку, кульминацию и развязку. Завязкой служат записи, сделанные в Житомире 3–5 июля 1920 года. Кульминация — бои за Броды, несколько раз переходившие из рук в руки (конец июля — начало августа); в середине августа напряжение нарастает, достигая высшей точки к концу месяца. Развязка подготавливается последней августовской и первыми сентябрьскими записями о признаках разложения армии и «начале конца» Первой конной (с. 177). Наконец, развязка — вывод о бессмысленности войны и осознание неудачи польского похода. В книге «Конармия» это выражено в коротком диалоге между Лютовым и квартирьером Волковым в рассказе «Замостье»:

---

²²¹ Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М.: ФЛИНТА, 2018. С. 180, 181–182.

«— Мы проиграли кампанию, — бормочет Волков и всхрапывает.

— Да, — говорю я» (с. 89).

И.А. Смирин, как мы помним, отметил такую особенность дневника Бабеля как сопряжение «самых разных, порой случайных впечатлений, идущих “подряд”». Действительно, очень часто внутри одной дневниковой записи можно найти куски, посвященные абсолютно разным вещам. К примеру, запись от 26 июля 1920 года, сделанная в Лешнюве. Вначале говорится об общей обстановке на фронтах Гражданской войны и о набегах махновцев: «Украина в огне. Врангель не ликвидирован. Махно делает набеги в Екатеринославской и Полтавск<ой> губ<ерниях>. Появились новые банды, под Херсоном — восстание. Почему они восстают, короток коммунистический пиджак?» И тут же: «Что с Одессой, тоска» (с. 144). Далее о взятии Брод и о содержании речи Буденного на совещании: «Совещание в Козине, речь Буденного, перестали маневрировать, лобовые удары, теряем связь с пр<отивни>ком, нет разведки, нет охранения, начдивы не имеют инициативы, мертвые действия» (с. 144). Далее о местных евреях и безногим еврее — хозяине квартиры (первая встреча с безногим Фроимом): «Разговариваю с евреями, в первый раз — неинтересные евреи. Сбоку разрушенная синагога, рыженький из Броды, земляки из Одессы <...> Переезжаю к безногую еврейку, благоденствие, чистота, тишина, великолепный кофе, чистые дети, отец потерял обе ноги на ит<альянском> фронте, новый дом, строятся, жена корыстолюбива, но прилична, вежлива, маленькая тенистая комнатка, отдыхаю от галичан» (с. 144). Затем о 6-й дивизии, панике из-за того, что неприятель потеснил их из Чуровице, описание Брод и галичан и, в конце, — о Радзивиллове: «Радзивиллов — хуже Брод, проволока на столбах, красивые здания, рассвет, жалкие фигуры, оборванные фрукты, обтрепанные зевающие евреи, разбитые дороги, снесенные распятия, бездарная земля, подбитые католические храмы, где ксендзы — а здесь были контрабандисты, и я вижу прежнюю жизнь» (с. 144–145).

Возможно, такая форма дневниковых записей в какой-то мере повлияла в дальнейшем на сюжетно-композиционную структуру «Конармии». Книга открывается рассказом «Переход через Збруч», с походно-боевым названием и началом, настраивающим читателя на военную тему: «Начдив шесть донес о том, что Новоград-Волынь взят сегодня на рассвете» (с. 7). Однако военный настрой быстро рассеивается, уступая место другим темам и другому настроению — это еврейская семья с беременной женщиной и ее отцом, убитым поляками, в том же «Переходе через Збруч»; «дыхание невиданного уклада» (с. 9) католического храма («Костел в Новограде»); последствия гражданской распри для одной крестьянской семьи («Письмо»). По словам Ж. Хетени, первые три рассказа «Конармии» «вводят читателя в еврейскую, католическую и казацкую среду на фоне военных действий, сразу же оттесняя военную тематику на второй или даже третий, задний план»²²².

Но дело в том, что в начале книги практически отсутствует военный фон, есть только его слабый отсвет: бои не возникают даже на периферии сюжета. Лишь в десятом рассказе книги — «Путь в Броды» — упомянуто сражение: «Вчера был день первого побоища под Бродами» (с. 33); и ближе к концу рассказа дается понять, что идет война: «...у Клекотова нам в лицо звучно лопнул выстрел. Из-за хаты выглянули два польских солдата. Их кони были привязаны к столбам. На пригорок деловито въезжала легкая батарея неприятеля. Пули нитями протянулись по дороге» (с. 34). В следующих новеллах военный фон проступает все отчетливее («Смерть Долгушова»), перерастая в картину боя («Комбриг 2»). Затем непосредственные события польского похода уступают место вставным эпизодам — нескольким жизнеописаниям (Сашки Христа, Павличенко, Прищепы) и изображению еврейского кладбища («Кладбище в Козине»). В «Истории одной лошади» война вновь проходит только фоном, а в «Конкине» ход битвы передан в изложении его участника. В дальнейшем повествовании события, показанные

---

²²² Хетени Ж. Блоки, параллели и концептуальные коды цикла Исаака Бабея «Конармия» // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век. С. 78.

на фоне военных действий (например, «Иваны», «Вдова»), чередуются с изображением или упоминанием боев.

В этой связи заслуживает внимания точка зрения Ж. Хетени из ее статьи о дневнике Бабеля: «Создается впечатление, что описания боев нужны были в дневнике исключительно для того, чтобы потом почти полностью уйти из материала, вылившегося в рассказы “Конармии”; в редких случаях, напротив, в них сохраняется стиль дневника, нагромождение скупых, целеустремленных фраз — одна из особенностей бабелевской манеры письма»²²³.

Но не только скупыми фразами переходит в конармейские рассказы стиль походного дневника писателя. Он отражается и в военной лексике, время от времени возникающей в «Конармии». Вот несколько примеров со словами «доносить», «донесение», с них, собственно, и начинается книга: «Начдив шесть *донес* о том, что Новоград-Волынск взят сегодня на рассвете» («Переход через Збруч»; с. 7). И далее: «Эту историю я узнал утром в штабе, где разбирали *донесение* обходной колонны нашей, ведущей разведку на Львов в районе Радзихова» («У святого Валента»; с. 70); «...вот *донесение* Пугачу от меня...» («Эскадронный Трунов»; с. 77); «Приказ по армии требовал, чтобы мы ночевали в Замостье, и начдив ждал *донесений* о победе» («Замостье»; с. 87) (курсив наш. — *Е. П.*)

Эти стилистические особенности придают рассказам форму достоверности и точности, к которой всегда стремился Бабель, несмотря на яркий вымысел и географические смещения. Продолжим цитату из «Перехода через Збруч»: «Штаб выступил из Крапивно, и наш обоз шумливым арьергардом растянулся по шоссе <...> идущему от Бреста до Варшавы...» (с. 7). С одной стороны, в Новоград-Волынском районе имеется село Крапивна²²⁴. С другой стороны, шоссе «от Бреста до Варшавы», подменившее собой в

²²³ Хетени Ж. «Главное — внутренние перемены...» О дневнике 1920 г. Исаака Бабеля // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1991–1992. No 37. P. 405.

²²⁴ Село Крапивна упоминается в девятой главе мемуаров Буденного «Даешь Новоград-Волынский!» (см.: Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 2-я. С. 140–167) и в ряде документов Первой конной. Например, в донесении К.К. Жолнеркевича, отправленном начдиву шесть Тимошенко в 22 часа 23 июня 1920 года, за несколько дней до овладения Новоградом, сообщается, что полевой штаб «переходит <в> Крапивна» (РГВА. Ф. 7675. Оп. 1. Д. 14. Л. 362).

рассказе освобожденную красными шоссеюную дорогу от Житомира до Новограда-Волынского (напомним, взятого частями Первой конной на рассвете 27 июня 1920 года) отдалено от места событий расстоянием более трехсот километров к западу. Однако ощущение подлинности у читателя возникает. «Ведь при известных обстоятельствах, — писал Ю.В. Манн, — для моего читательского восприятия *впечатление* документальности важнее ее *подлинности*» (курсив наш. — *Е. П.*)²²⁵.

С дневником связана еще одна композиционная особенность книги. Можно сказать, что «Конармия» выстроена по принципу монтажа, который в 1920-е годы в определенной степени был присущ романам, лишенным сквозного сюжета («Хулио Хуренито» И.Г. Эренбурга, «Голый год» Б.А. Пильняка, «Россия кровью умытая» А. Веселого)²²⁶. Монтажность свойственна не только «Конармии» в целом, но и отдельным рассказам, где она проявляется еще отчетливее (и в этом еще отчетливее видно стилистическое сходство рассказов с дневниковыми записями) — в сочетании на небольшом отрезке текста различных жанровых, стилевых и даже тематических элементов, сюжетная связь между которыми не вполне очевидна²²⁷. Эта монтажность, или дробность, была задана уже в предварительных набросках к «Конармии»: «Не соблюдать непрерывности в рассказе» («<20> Милятын 2»; с. 190). Так, в «Учении о тачанке» последовательно даны биография повозочного Грищука, исторический очерк о тачанке, повествование о «восторге первого обладания» (с. 36) тачанкой и улучшении состояния лошадей, перетекающее в описание окрестного пейзажа, вдруг прерываемого коллективным портретом галицийских и волыньских евреев и их сравнением с южными, «жовиальными» евреями²²⁸. В

---

²²⁵ Манн Ю.В. К спорам о художественном документе // Новый мир. 1968. № 8. С. 245.

²²⁶ См.: Хетени Ж. Блоки, параллели и концептуальные коды цикла Исаака Бабеля «Конармия» // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век. С. 74–75.

²²⁷ К композиции ряда конармейских рассказов Бабеля применим, на наш взгляд, принцип «монтажа аттракционов», разработанный для театра С.М. Эйзенштейном в 1923 году (см.: Леф. 1923. № 3. С. 70–75), где под аттракционом понимается определенный прием или элемент воздействия на зрителя (в нашем случае — на читателя).

²²⁸ Бабель воспользовался дневниковой записью от 21 июля 1920 года: «Евреи — портреты, длинные, молчаливые, длиннобородые, не наши толстые и jovial (веселые, жизнерадостные (*фр.*) — *Е. П.*)» (с. 138).

«Замостье» после «военного» зачина (отчасти напоминающего начало рассказа «Переход через Збруч») следуют сон Лютова, беседа с мужиком со «свалявшейся бородой» (с. 87), приезд в Ситанец, перипетии с хозяйкой, побег из деревни и, наконец, эпилог о проигранной кампании, контрастирующий с фразой зачина о том, что «начдив ждал донесений о победе» (с. 87). В новелле «Чесники» картина ожидания атаки, с подробным описанием главных действующих лиц (Ворошилова, Буденного, Павличенко), довольно резко (через небольшой мостик о стоянке питпункта) сменяется историей о вязке принадлежавшего начдиву племенного жеребца по кличке Ураган, за которым ухаживал Степка Дуплищев, с кобылой медсестры Сашки. И лишь последний короткий абзац возвращает нас к главному событию рассказа: «Ветер прыгал между ветвями, как обезумевший заяц, вторая бригада летела сквозь галицийские дубы, безмятежная пыль канонады восходила над землей, как над мирной хатой. И по знаку начдива мы пошли в атаку, незабываемую атаку при Чесниках» (с. 95).

Принцип монтажа обнаруживает себя в новелле «Эскадронный Трунов». Причем вначале дается событие позднее — похороны Трунова, которое является следствием финального эпизода рассказа — гибели эскадронного в неравном бою с вражеской авиацией. А в середине осмотр Лютовым Сокаля с участием его в религиозных спорах и загадочной фигурой галичанина в «белой холщовой рубахе до пят» (с. 74), и лишь затем ссора Лютова с Труновым из-за пленных. Примечательно, что переход от эпизода расстрела пленных и спора с Лютовым к эпизоду подвига Трунова во время нападения вражеской авиации происходит в пределах всего двух реплик Трунова:

«— В штабе через несчастную нашу жизнь посмотрят, — ответил Трунов и стал подвигаться ко мне, весь разодранный, охрипший и в дыму, но потом остановился, поднял к небесам окровавленную голову и сказал с горьким упреком: — Гуди, гуди, — сказал он, — эвон еще и другой гудит...

И эскадронный показал нам четыре точки в небе, четыре бомбовоза, заплывавшие за сияющие лебединые облака» (с. 76–77).

Поскольку конармейский дневник обладает сюжетом, то по отношению к нему уместно, вероятно, говорить о бахтинском понятии хронотопа как «существенной взаимосвязи временных и пространственных отношений», «слиянии пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом», когда время «сгущается, уплотняется, становится художественно зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем»²²⁹.

Основным в дневнике является хронотоп дороги, который, по М.М. Бахтину, предполагает мотивы встречи, расставания, обретения, потери, бегства и т. д. Все это в избытке есть в дневнике. Нередко — в прямом смысле слова, буквально. Например, по пути в Броды: «...встречаю начдива <...> потеряли Жолнаркевича» (3 августа; с. 152). Или: «Я потерял портфель, потом нашел его в штабе 14<-й> дивизии в Лишня» (25 июля; с. 143); «Я под пулями <...> Бегство» (Чесники, 31 августа; с. 176); «Утром — паника на вокзале. Артстрельба. Поляки в городе <...> Невообразимое жалкое бегство» (Киверцы, 12 сентября; с. 181).

Если следовать логике Бахтина, а согласно ей любое, даже незначительное движение времени влияет на хронотоп одного и того же места, то надо отметить, скажем, разницу между Бродами с «обгоревшими трубами» и «провоолокой», которые автор дневника увидел на рассвете 26 июля 1920 года, и «опустошенными, предчувствующими» Бродами, где он пробыл два часа 3 августа, хотя, разумеется, проволока и трубы за несколько дней никуда не делись.

Пространственно-временные границы в «Конармии» в основном те же, что и в походном дневнике Бабеля. Пространство — города и местечки Волыни и Галиции, по которым шла Первая конная армия в период польской

---

²²⁹ Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике* // Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет*. М.: Художественная литература, 1975. С. 234, 235. Хотя Бахтин разработал понятие хронотопа для романа, нам представляется возможным применить его и к конармейским рассказам, и к дневнику.

кампании; время — июль — первая половина сентября 1920 года²³⁰. А вот хронотопы дороги и тех же городов и местечек, где разворачивается действие, в дневнике и в рассказах различны. Дело в том, что в дневнике (мы говорим только о дневнике Бабеля) эти хронотопы заданы реальной жизнью, и автор почти не властен над ними. В отличие от художественного произведения, где «автор-создатель свободно движется в своем времени: он может начать свой рассказ с конца, с середины и с любого момента изображаемых событий, не разрушая при этом объективного хода времени в изображаемом событии. Здесь ярко проявляется различие изображаемого и изображенного времени»²³¹.

К примеру, в Новограде-Волынском, если судить по дневнику, Бабель пробыл всего несколько часов 5 июля 1920 года, и в записи за этот день о Новограде совсем лаконично: «Город живет, развалины кажутся обычными» (с. 124). Тем не менее в этом городе происходит действие четырех конармейских рассказов: «Переход через Збруч», «Костел в Новограде», «Пан Аполек» и «Солнце Италии».

В первых двух рассказах Новоград только упоминается, в двух других — даны, по воле автора, отличающиеся от дневникового описания. В «Пане Аполеке» коротко: «В Новоград-Волынске, в наспах смятом городе, среди скрюченных развалин, судьба бросила мне под ноги укрытое от мира евангелие» (с. 16). В «Солнце Италии» описание более развернутое. Город не назван, но по упоминанию пани Элизы, экономки бежавшего новоградского ксендза, ясно, что речь идет о Новограде: «Обгорелый город —

---

²³⁰ Основное действие в рассказах «Переход через Збруч» и «Конкин» относятся к июню 1920 года (однако герой «Конкина» рассказывает свою историю позднее, не уточняется, когда именно). Следует также учитывать ретроспективные картины в таких рассказах, как «Письмо», «Пан Аполек», «Сашка Христос», «Жизнеописание Павличенки, Матвей Родионыча» и «Прищепка».

²³¹ *Бахтин М.М.* *Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике* // Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет.* С. 404. Ср. также с рассуждением Д.С. Лихачева: «Когда время в произведении течет “открыто” и связано с историческим временем, тогда в произведении легко могут совмещаться несколько временных рядов и последовательность событий может переставляться (сперва может рассказываться более позднее событие, а потом более раннее). Ведь все перестановки и все временные ряды совершаются на фоне исторического времени <...> События имеют некоторую прикрепленность к реальному времени; за последовательностью событий в произведении стоит последовательность историческая. Эта-то последняя и “освобождает” первую» (*Лихачев Д.С.* *Поэтика древнерусской литературы.* 2-е изд., доп. Л.: Наука, 1967. С. 259).

переломленные колонны и врытые в землю крючки злых старушечьих мизинцев — казался мне поднятым на воздух, удобным и небывалым, как сновиденье. Голый блеск луны лился на него с неиссякаемой силой. Сырая плесень развалин цвела, как мрамор оперной скамьи» (с. 22).

В рассказе «Путь в Броды», где дорога задана самим названием, вообще нет никакого описания пути, ведущего в Броды, а вместо этого последовательно даны этюд о разрушении пчелиных ульев, апокриф об Иисусе и пчеле, песня Афоньки Биды о подъесауле и соловом жеребчике и их дороге на небо, лирический пейзаж на фоне картины приближающегося боя.

В «Смерти Долгушова» совмещены события, отраженные в дневниковых записях с разницей в 12 дней — 22 июля и 3 августа 1920 года. Вернее, Бабель описывает в рассказе события, относящиеся к 3 августа, но при этом использует дневниковую запись от 22 июля.

В дневнике можно выделить самые разные хронотопы, в том числе хронотоп замка и хронотоп католического храма.

В этом плане показательна запись, помеченная 7 августа, а на самом деле сделанная вечером 8 августа 1920 года в Берестечке. Для этой записи характерно сопряжение исторического времени и времени непосредственно происходящих событий. Здесь «исторические поля» под Берестечком с казачьими курганами, и «крытые длинные» дворы в самом местечке, возраст которых достигает 100–200 лет, и древний двухсотлетний костел со свежими могилами польских офицеров рядом с ним, и старинная квартира ксендза Тузинкевича, прослужившего в храме Берестечка 45 лет, и издания 1860 года, и столетний замок графов Рациборских с роялем Стейнвей и французскими письмами 1820 года, и парк замка, где проходит митинг и выборы Ревкома.

Все это, обрастая художественными деталями, перейдет в рассказы «Берестечко» и «У святого Валента» (подробнее см. во втором параграфе третьей главы).

Конармейский дневник Бабея содержит сведения о событиях советско-польской войны 1920 года, о командирах и малоизвестных или совсем неизвестных лицах, служивших в Конармии. Факты, зафиксированные в дневнике Бабея, могут быть прокомментированы документами Первой конной и свидетельствами ее участников. Вместе с тем дневник Бабея является самостоятельным произведением документальной прозы, обладающим внутренним действием, сюжетом, стилевым разнообразием и образностью.

ГЛАВА 3. Дневник 1920 года и книга Бабеля «Конармия»

3.1. Дневник и «Планы и наброски к “Конармии”» как подготовительные материалы к книге

Главной целью пребывания Бабеля в Первой конной армии было как можно больше увидеть и потом это увиденное описать. Свой дневник, судя по всему, он рассматривал в первую очередь как источник и подготовительный материал к будущему произведению. Именно поэтому в дневнике так часто повторяются слова «описать», «запомнить», «передать» (например, слово «описать» встречается в дневнике около 40 раз): «...*описать* солдат и баб, толстых, сытых, сонных» (3 июля; с. 57); «Сломанные мосты, автомобиль на мостках, все трещит, бесконечные обозы, скопления, ругань, *описать* обоз в полдень перед сломанным мостом, всадники, грузовики, двуколки со снарядами» (6 июля; с. 126); «*Описать* ординарцев — наштадива и прочих...» (13 июля; с. 130); «*Описать* — поездка с начдивом, небольшой эскадрон, свита начдива, Бахтуров, старые Буденновцы, при выступлении — марш <...> *описать* происхождение этих отрядов <...> *описать* наших солдат...» (16 июля; с. 133); «*Описать* — убранство их коней, сабли в красном бархате, кривые сабли, жилетки, ковры на седлах» (18 июля; с. 134); «*Запомнить* картину — обозы, всадники, полуразрушенные деревни, поля и леса, дубы, изредка раненые и моя тачанка» (24 июля; с. 142); «*Передать* дух разрушенного Лешнюва, худосочие и унылая полузаграничная грязь» (25 июля; с. 144); «*Описать* день — отражение боя, идущего в нескольких верстах от нас...» (28 июля; с. 146); «За этот день — главное — *описать* красноармейцев и воздух» (3 августа; с. 153); «*Запомнить* — фигура, лицо, радость Апанасенки, его любовь к лошадям...» (5 августа; с. 154); «Интервью с Апанасенком. Это очень интересно. Это надо *запомнить*» (11 августа; с. 160); «*Описать* чувство всадника» (18 августа; с. 164); «...*описать* воздушную атаку...» (18 августа; с. 166); «Невыносимое чувство, бежать от вандалов, а они ходят, ищут, *передать* их поступь, лица, шляпы, ругань <...>

Описать этот непереносимый дождь» (29 августа; с. 174) и т. д. (курсив наш. — Е.П.).

Обосновывая свою точку зрения о том, что даты, проставленные автором под рассказами «Конармии», являются датами событий, отображенных в произведениях, но не периодом работы над ними, Л.Я. Лившиц сравнивает ряд набросков с рассказами, в которых они использованы. Например, рассказ «Переход через Збруч», открывающий книгу, был впервые напечатан в газете «Правда» 3 августа 1924 года. В первой публикации он датирован: «Новоград-Волынь, 1.7.20». В повторной публикации в № 3 журнала «Красная новь» за 1925 год и в книге стоит дата: «Новоград-Волынь, июль 1920 г.». Однако один из мотивов этого рассказа отразился в наброске «<31> Владимир<->Вол<ынский>»: «Копошусь в теплой яме. Горячность еврейской семьи <...> Я сплю против беременной женщины» (с. 193). Набросок сделан на обороте выписок Бабея из стамбульской газеты от 2 октября 1921 года. Значит, работа над рассказом «Переход через Збруч» не могла начаться раньше этого срока. Кроме того, во Владимире-Волыньском писатель, судя по дневнику, находился 8 и 9 сентября 1920 года. В рассказе использованы видоизмененные детали из дневниковой записи от 8 сентября: «Евреи — лавочники. Папаша и мамаша — старики <...> Рыжая беременная еврейка моет ноги. У девочки — понос. Теснота, но электричество, тепло <...> Вот она — густота еврейская» (с. 179).

Рассказ «Эскадронный Трунов» впервые напечатан в № 2 журнала «Красная новь» за 1925 год. Авторской датировки под рассказом нет. В наброске к этому рассказу «< 26> Сокаль 2» есть фраза: «И военком произнес речь о власти советов, о конституции СССР и о блокаде». Л.Я. Лившиц считает, что «конституция СССР» — «явная описка Бабея. Вопрос о создании СССР решался на Пленуме ЦК РКП(б) 6 октября 1922 года, текст основных пунктов Конституции СССР был принят комиссией ЦК 28 ноября и начал обсуждаться в декабре. Сам же проект Конституции был завершён только к июню 1923 года. Летом 1923 года вопрос о Конституции СССР был самым

животрепещущим и популярным в общественной и политической жизни страны. Понятны истоки бабелевской описки...»²³² По мнению Э.И. Когана, набросок свидетельствует о том, что рассказ писался еще позднее: Советский Союз был создан в декабре 1922 года, а его Конституция принята в январе 1924-го. Исследователь относит набросок к тому времени, когда Конституция не просто уже была принята, но когда «событие утратило конкретный смысл и выродилось в голый идеологический знак, который автор ошибочно вкладывает в уста комиссара Гражданской войны»²³³.

Лившиц приводит еще один важный, с нашей точки зрения, аргумент в пользу того, что работа над «Эскадронным Труновым» началась не ранее августа 1923 года: «Одним из главных в “Эскадронном Трунове” стал эпизод с пленными, которого нет в подготовительных листках. Он появился позже — из ненапечатанного рассказа “Их было девять” (сохранился и начатый, но незавершенный вариант под названием “Их было десять”). Первоначально писатель хотел включить “Их было десять” в сюжет “Чесники” (позднейшая надпись на рукописи, затем зачеркнутая). Рукопись “Их было девять” датирована автором “Гликсталь, 4.8.23”. То есть “Эскадронного Трунова”, “Чесников” и “После боя”, связанного с “Чесниками” и датированного “Галиция, сентябрь 1920 г.”, не существовало и в начале августа 1923 года»²³⁴.

Заметим, однако, что если для рассказа «Эскадронный Трунов», в котором эпизод с пленными сюжетно совпадает с «Их было девять», это является вполне очевидным доказательством того, что работа над рассказом не велась ранее августа 1923 года, то для «Чесников» и «После боя» это свидетельство только косвенное.

В подтверждение более поздней работы над конармейскими рассказами, чем год 1920-й, Л.Я. Лившиц приводит и высказывание самого Бабеля. На встрече с молодыми сотрудниками журнала «Смена», которая произошла,

---

²³² Лившиц Л.Я. Материалы к творческой биографии И.Э. Бабеля // Вопросы литературы. 1964. № 4. С. 122.

²³³ Коган Э.И. Работа над «Конармией» в свете полной версии «Планов и набросков» // Литературное обозрение. 1995. № 1. С. 88.

²³⁴ Лившиц Л.Я. Материалы к творческой биографии И.Э. Бабеля // Вопросы литературы. 1964. № 4. С. 122.

скорее всего, в конце августа 1932 года, Бабель говорил: «...полученные от действительности впечатления, образы и краски я забываю. И потом возникает одна мысль, лишенная художественной плоти, одна голая тема. И тут начинается самый мучительный процесс. Я начинаю развивать эту тему, фантазировать, облекая ее в плоть и кровь, но не прибегая к помощи памяти. Если вспоминать голые факты, то берешь тему, как говорится, “в лоб”, а брать тему “в лоб” это значит лишить ее всякой художественной разработки. Но удивительное дело! То, что кажется мне фантазией, вымыслом, часто впоследствии оказывается действительностью, надолго забытою и сразу восстановленную этим неестественным и трудным путем. Так была создана “Конармия”, причем даже фамилии героев, которые, казалось мне, я придумывал, оказались подлинными именами людей»²³⁵.

Выше приводилось письмо К. Лютова В. Зданевичу, напечатанное в газете «Красный кавалерист» 11 сентября 1920 года. Прочитируем его еще раз: «За неделю бывало не урвешь получаса, чтобы написать несколько слов» (с. 121). И дневниковые записи Бабеля, свидетельствующие о постоянных передвижениях и чрезвычайно напряженной жизни, и его письмо в редакцию газеты, — все говорит о том, что в июле, августе, сентябре 1920 года никак не могли быть созданы рассказы, составившие одну из лучших книг о Гражданской войне.

Публично о конармейском дневнике Бабель высказался единственный раз: 30 декабря 1938 года он принял участие в конференции молодых писателей национальных республик. На вопрос из зала «Как вы работали над своим произведением “Конная армия”?» Бабель ответил: «Самым простейшим образом. Во время кампании я написал дневник, к сожалению, большая часть его погибла. В дальнейшем я писал, пользуясь этим дневником, — уже больше

---

²³⁵ *Оль. Ник.* «Я рад закрепить нашу дружбу». И. Бабель у комсомольцев // Литературная газета. 1932. 5 сентября. С. 3. Конечно, Бабель не мог забыть фамилий командиров или тех рядовых бойцов, фамилии которых упомянуты в дневнике. Возможно, он имеет в виду тот случай, когда начдив шесть Тимошенко в книге назван Савицким (в рассказе «Переход через Збруч» под этим именем он выведен, начиная с первой публикации), но люди с такой фамилией служили в Первой конной армии, например С. Савицкий, начальник штаба 14-й кавалерийской дивизии.

по воспоминаниям, и отсутствие, может быть, единства или сюжета объясняется отсутствием этого дневника»²³⁶.

С одной стороны, писатель здесь прямо указывает на связь своего походного дневника с книгой «Конармия», с другой — скрывает довольно тесный характер этой связи. Ведь многие записи — какие-то практически целиком, какие-то несколькими переосмысленными деталями, штрихами — послужили основой для рассказов конармейского цикла, и таких рассказов в «Конармии» большинство. Часть дневника осталась за пределами книги, и, наоборот, ряд конармейских рассказов с дневником не связан.

Некоторые отрывки дневниковых записей получили предварительное стилистическое и жанровое оформление в «Планах и набросках к “Конармии”»²³⁷: «Четырехдневный переход. Дневник. Простое длинное повествование. — Начать — прелестный переход?» («<1> Белев—Боратин», с. 183); «Просто. Коротко. — Описание сырого вечера. — Описание местечка» («<2> Демидовка», с. 184); «Главы: Прищепа. — Старуха, молитва, свинья» («<3> Демидовка, с. 184); «Начало — Описание местечка — синагога — Ламберты. — Прихожу — будем спать. Спор Прищепы с гимназистом. Кишат безмолвные убийства. — Сидят в ряд, — курят. Время действия — продолжение два часа. I. Неудавшееся изнасилование. II. В синагоге. Местечко. — III. Встречаю пулеметчиков, кухня, Грищук, дождь. — Грищук не хочет бежать» («<5> Демид<овка>», с. 185); «Главу о Бродах — отдельными отрывками <...> Стиль — “В Белеве”. — Короткие главы, насыщенные содержанием» («<10> 3 Августа. Бой под Бр<одами>», с. 187); «Никаких рассуждений — Тщательн<ый> выбор слов» («<12> Бой под Бр<одами>», с. 187); «Без сравнений и исторических параллелей. — Просто рассказ» («<17> Броды», с. 189); «Описать день. — Рассуждение после рассказа. — Две фазы войны. — Наши победы, бесплодие наших попыток, но

---

²³⁶ ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 924. Л. 36.

²³⁷ Подробно см.: Коган Э.И. Работа над «Конармией» в свете полной версии «Планов и набросков» // Литературное обозрение. 1995. № 1. С. 88–93.

неуспеха войны не видно» («<24> Польская авиация. Бой под Львовом», с. 192); «Очень просто, фактическое изложение, без излишних описаний» («<26> Сокаль 2», с. 192); «Просмотреть Лашков, Хотин» («<44> Порядок», с. 196) и т. д.

При этом видно, что Бабель постоянно обращался к своему дневнику, о чем свидетельствует, в частности, последний из приведенных набросков. Всего сохранилось 58 таких черновых набросков к будущим рассказам, которые Л.Я. Лившиц охарактеризовал следующим образом: «Подготовительные записи к “Конармии”, хотя и написаны разными чернилами и карандашом на различных клочках бумаги, весьма однотипны. Наметки будущих тем и сюжетов <...> возникающие при просмотре дневника <...> Размышления над композицией, стилем <...> Различные варианты соединения тем, случаев, персонажей»²³⁸.

Характерен рассказ «Эскадронный Трунов», в котором в качестве подготовительных материалов использованы и дневниковые записи, и предварительные наброски.

Приведем более развернуто дневниковую запись от 30 августа 1920 года о взятии станции Завады и о пленных поляках, которая цитировалась в первой главе: «Едем к полотну ж<елезной> д<ороги>. 10 пленных, одного не успеваем спасти. Револьверная рана? Офицер. Кровь идет из рта. Густая красная кровь в комьях, заливает все лицо, оно ужасно, красное, покрыто густым слоем крови. Пленные все раздеты. У командира эскадрона через седло перекинута штаны. Шеко заставляет отдать. Пленных одевают, ничего не одели. Офицерская фуражка. “Их было девять”. Вокруг них грязные слова. Хотят убить. Лысый хромающий еврей в кальсонах, не поспевающий за лошадью, страшное лицо, наверное, офицер²³⁹ <...> надоедает всем, не может идти, все они в животном страхе, жалкие, несчастные люди, польские

---

²³⁸ Лившиц Л.Я. Материалы к творческой биографии И. Бабеля // Вопросы литературы. 1964. № 4. С. 121.

²³⁹ В рассказе «Их было девять» этот еврей выведен как «Адольф Шультмейстер, лодзинский приказчик» (с. 107).

пролетарии, другой поляк — статный, спокойный, с бачками, в вязаной фуфайке, держит себя с достоинством, все допытываются — не офицер ли. Их хотят рубить. Над евреем собирается гроза. Неистовый путиловский рабочий <...> рубать их всех надо гадов, еврей прыгает за нами, мы тащим с собой пленных все время, потом отдаем на ответственность конвоиров. Что с ними будет. Ярость путиловского рабочего, пена брызжет, шашка, порубаю гадов и отвечать не буду» (с. 175).

Эта запись, о чем было уже сказано, использована в не публиковавшемся при жизни писателя рассказе «Их было девять» (и в неоконченном наброске «Их было десять»).

Фрагмент о религиозных спорах в Сокале основан на дневниковой записи от 26 августа 1920 года: «Осмотр города с молодым сионистом. Синагоги — хасидская, потрясающее зрелище, 300 лет т<ому> н<азад>, бледные красивые мальчики с пейсами, синагога, что была 200 лет т<ому> назад, те же фигурки в капотах, двигаются, размахивают руками, воют. Это партия ортодоксов — они за Белзского раввина, знаменитый Белзский раввин, удравший в <...> Вену. Умеренные за Гусятинского раввина. Их синагога. Красота алтаря, сделанного каким-то ремесленником, великолепии зеленых люстр, изъеденные столики, Белзская синагога — видение старины» (с. 171).

Интересно отметить, кстати, что основанная на этой записи сцена религиозных споров в Сокале в рассказе «Эскадронный Трунов» — единственная в «Конармии» массовая сцена с участием евреев (в отличие от дневника, где Бабель несколько раз дает описания евреев того или иного города или местечка).

Сюжет рассказа «Эскадронный Трунов» довольно подробно разработан в «Планах и набросках к “Конармии”»:

«<25> Сокаль. 1.

На площади перед синагогой. Споры евреев. Козаки роют могилу. Труп Трунова. Тимошенко. Аэроплан (?) — Евреев разогнал аэроплан, тогда я

подошел к Тим<ошенко>. — Одна фраза из письма Мельникова — и страдания посередь той армии понимаю.

Порядок: Евреи. Аэроплан. Могила. Тимошенко. Письмо. Похороны Трунова, салют.

Ортодоксы, раввин из Белза.

Проиграл я тебя, Саша.

Религиозное побоище, можно бы подумать восемнадцатый век, Илья-Гаон, Баал-Шем, если бы козаки (описание) не рыли могилы <...>

Помните Мельникова, белый жеребец, прошение в армию. Он кланяется и передает вам свою любовь. Тим<ошенко> <...> пишет на крышке гроба, полевая книжка.

<26> Сокаль 2.

<...> Тело Трунова с приставленными ногами, начищенные сапоги. — Голова на седле, стремяна вокруг груди.

Проиграл я тебя, Пава.

Очень просто, фактическое изложение, без излишних описаний.

Стать смирно. Хороним Павла Трунова. Военком, скажи слово. И военком произнес речь о власти советов, о конституции СССР и о блокаде.

Прошедшее время.

Помню, сказал Тимош<енко>, вот бы он теперь пригодился.

Хороним Павла Трунова, всемирного героя. — Военком, помяни героя перед бойцами.

<27> Смерть Трунова.

И я поверил бы в воскресенье Илии, если бы не аэроплан, который заплывал и т. д. Он бросал с мягким шумом бомбы, артиллер<ийские> запряжки <...> Аэроплан, казак из могилы — долаживаю вам, тов. начдив, возможная вещь, что здесь и останемся. Ясно — и пошел оправлять убитого. Седло, стремя, оркестры и делегации от полков.

Хороним Трунова, всемирного героя, слово для выражения имеет военком.

Тов<арищи>, — ком<мунистическая> партия есть железная шеренга, бессчетно отдающая свою кровь в первом ряду. И когда из железа текет кровь, то это вам, товарищи, не <...> шутки, — а победа или смерть. Сюжет — речь военкома» (с. 192–193).

В приведенных набросках намечены также мотивы, воплотившиеся в других конармейских рассказах, в первую очередь в «Истории одной лошади» и «Продолжении истории одной лошади», первоначально печатавшихся под названием «Тимошенко и Мельников». Начдив Тимошенко (в книге — Савицкий) не является действующим лицом ни рассказа «Эскадронный Трунов», ни рассказа «Их было девять». Из набросков почти дословно в рассказ перенесена фраза из письма Мельникова (в книге Хлебников) в «Продолжении истории одной лошади»: «...страдания мои посередь той армии понимаю...» (с. 83). К этому же рассказу относится набросок «Помните Мельникова, белый жеребец, прошение в армию. Он кланяется и передает вам свою любовь». Фразы из набросков «Проиграл я тебя, Саша» и «Проиграл я тебя, Пава» трансформировались в «Истории одной лошади» в восклицание Мельникова (Хлебникова): «...проиграл ты меня, военком» (с. 54). Отрывок «Тов<арищи>, — ком<мунистическая> партия есть железная шеренга, бессчетно отдающая свою кровь в первом ряду. И когда из железа текет кровь, то это вам, товарищи, не <...> шутки, — а победа или смерть» превратился в «Продолжении истории одной лошади» в ответное письмо Тимошенко (Савицкого): «Коммунистическая наша партия есть, товарищ Хлебников, железная шеренга бойцов, отдающих кровь в первом ряду, и когда из железа вытекает кровь, то это вам, товарищи, не шутки, а победа или смерть» (с. 83).

Еще одна фраза «...казак из могилы — долаживаю вам, тов. начдив, возможная вещь, что здесь и останемся» использована в рассказе «Смерть Долгушова»:

«Из канавы вылез раненый и, прикрываясь ладонью, сказал Вытягайченке:

— Тарас Григорьевич, я есть делегат. Видать, вроде того, что останемся мы» (с. 37).

Далеко не все записи, сделанные в дневнике, и не все предварительные наброски воплотились в «Конармии». Такова, например, развернутая дневниковая запись от 24 июля 1920 года — о еврейской семье в местечке Демидовка и траурном дне Девятое ава (у Бабея — «9 Аба»): «В Демидовке к вечеру. Евр<ейское> местечко, я настораживаюсь. Евреи по степи, все разрушено. Мы в доме, где масса женщин <...> Зубной врач — Дора Ароновна, читает Арцыбашева <...> а вокруг гуляет казачье. Она горда, зла, говорит, что поляки унижали чувство собств<енного> достоинства, презирает за плебейство коммунистов, масса дочерей в белых чулках, набожные отец и мать. Каждая дочь — индивидуальность, одна — жалкая, черноволосая, кривоногая, другая — пышная, третья — хозяйственная, и все<,> вероятно, старые девы. — Главные раздоры — сегодня суббота. Прищепа заставляет жарить картошку, а завтра пост 9 Аба<,> и я молчу, п<отому> ч<то> я русский. Зубной врач, бледная от гордости и чувства собств<енного> достоинства, заявляет<,> что никто не будет копать картошки, п<отому> ч<то> праздник. Долго мною сдерживаемый Прищепа прорывается — жида, мать, весь арсенал, они все, ненавидя нас и меня, копают картошку, боятся в чужом огороде, валят на кресты. Прищепа негодует. К<a>к все тяжело — и Арцыбашев, и сирота гимназистка из Ровно<,> и Прищепа в башлыке. Мать ломает руки — развели огонь в субботу, кругом брань. Здесь был Буденный и уехал. Спор между еврейским юношей и Прищепой. Юноша в очках, черноволос, нервен, алые воспаленные веки, неправильная русская речь. Он верит в Бога, Бог — это идеал, который мы носим в нашей душе, у каждого человека в душе есть свой Бог <...> поступаешь дурно — Бог скорбит, эти глупости высказываются восторженно и с болью <...> 9 Аба. Старуха рыдает, сидя на полу, сын ее, кот<орый> обожает мать и говорит, что верит в Бога для того, чтобы сделать ей приятное — приятным тенорком поет и объясняет историю разрушения храма. Страшные слова пророков — едят кал, девушки

обесчещены, мужья убиты, Израиль подбит, гневные и тоскующие слова. Коптит лампочка, воет старуха, мелодично поет юноша, девушки в белых чулках, за окном Демидовка, ночь, козаки, все к<a>к тогда, когда разрушали храм» (с. 142–143). 25 июля Бабель отметил в дневнике отъезд из Демидовки.

«Материал будущего рассказа сложился, — отмечает в статье о «Конармии» и конармейском дневнике С.Х. Левин, — теперь надо выстроить его фабулу и расставить акценты, что Бабель и делает в планах и набросках к рассказу <...> Видно, что Бабель ищет его сюжетную доминанту, сопоставляя различные события — семейную жизнь, войну и 9 Аба (разрушение Храма)»²⁴⁰.

Сюжет о Демидовке подробно разрабатывался в «Планах и набросках к “Конармии”»:

«<2> Демидовка

Начало — описание семьи, анализ ее чувств и веры <...>

Наш приезд. Картошка, кофе. Спор Прищепы с юношей. Мой рассказ о Соввласти. — Вечер. Местечко за окнами. 9 Аба. — Разрушение Ерусалима <...> Описание девушки из Кременца. В доме у будущего тестя. Наутро она — распатланная, посеревшая, защищает телегу, разговор с комиссаром. Прищепка ходит вокруг нее и тискает, наши девушки варят свинину, кременецкая шьет <...> Зубной врач — гордость семьи <...> Описать каждую сестру отдельно. (Три сестры — Чехова?) — Лирическое вступление. — В эту-то семью все еще <...> не раскалывающуюся приехали мы с Прищепой. — Нам прислуживает горбунья, потом к утру раскачалась и Дора Ароновна, как тяжело смотреть на сломленную женскую гордость. — Красивая девушка, единственная красивая, поэтому так сложно выйти замуж — в ней смесь местечкового здоровья, евр<ейских> влажных, очень черных глаз, польского лукавства и варшавские туфли <...> единственный сын, 16 лет, значит шесть лет войны, нервен, фантаст, любимый сын матери. — Плач Иеремии. — Сын

---

²⁴⁰ Левин С.Х. «Чужой» среди своих: К проблеме самоидентификации Лютова // Левин С.Х. С еврейской точки зрения. С. 25.

читает, дочери лежат на кроватях, в белых чулках. — Все нам подносят. — О
9 Аба — построить на соответств<ии> молитвы и того, что за стеной. —
Выстрелы. — Замок, пулеметчики с позиций, гуляет казачья. — Дора
Ароновна — у нас праздник — бледнеет от гордости. — Прищепа — кровь
проливаем. — Я рассказом увлекаю всех — дольше всех сопротивляется Дора
Ароновна <...>

Просто. Коротко. — Описание сырого вечера. — Описание местечка. —
Испуг в синагоге. — Ухаживание Прищепы.

<3> Демидовка

Коротко. — Обнаженный Прищепа — Окровавленная свинья <...>

Спор Прищепы с гимназистом или с Идой Ароновной.

Главы: Прищепа. — Старуха, молитва, свинья. — Ида Ароновна. —
Изнасилование. — Синагога.

Форма?

<4> Демид<овка>

Центр — синагога, крик в ночи, внутренность синагоги, зеленоватые
люстры, белые хитоны, горбатые старики <...>

Начало рассказа — ночь за окнами, местечко <...> дождь, обыски, ночь
кишит безмолвными убийствами <...>

<5> Демид<овка> 3

Начало — Описание местечка — синагога <...>

Еврейско-польское-украинское местечко <...>

Завтра 9 Аба. Местечко кишит безмолвными убийствами. Казаки и
евреи <...>

Рассказ стремителен, быстр. — Ночь переходит в день — они одинаковы
<...>

<6> Демид<овка> 4

<...> Ночь кишит... Обыск... Евреи у крыльца <...>

Короткие главы. У раввина пухлая старческая рука» (с. 183–186).

Сюжет о Демидовке и Девятом Ава, который подробно описан в дневнике и разрабатывался в нескольких набросках к будущему рассказу, не был реализован в «Конармии», но, по замечанию Г.М. Фрейдина, «пронизал ее насквозь, возникая то в оскверненных костелах, то в разворованных, полуразгромленных дворянских усадьбах, то в разоряемых буденновцами пчелиных ульях»²⁴¹.

В «Конармии» есть рассказы, не связанные с сохранившейся частью дневника, но, несмотря на авторский домысел и художественное преувеличение, имеющие документальную основу. Таковы, к примеру, рассказы «Конкин», «Соль» и «Измена». Правда, сюжет и мотивы «Конкина», в отличие от рассказов «Соль» и «Измена», разрабатывались в «Планах и набросках к “Конармии”». О реальном подвиге комиссара Конкина Бабель мог узнать из протокола заседания Реввоенсовета Первой конной о награждении Конкина орденом Красного знамени²⁴² или из заметки в «Красном кавалеристе»²⁴³. О событиях, подобных происходящим в рассказе «Измена», писатель мог также узнать из документов²⁴⁴ или что-то наблюдать в реальной жизни.

Как уже было сказано, не все дневниковые записи и не все предварительные наброски были использованы в «Конармии». Вместе с тем, некоторые из этих записей отразились в других произведениях писателя.

У Бабеля есть два рассказа, действие которых происходит в махновской армии. В рассказе «У батьки нашего Махно» (1924) говорится о том, как шестеро махновцев изнасиловали прислугу — еврейскую девушку Рухлю. Сюжет сходной по мотиву «Старательной женщины» (1928) основан на записи в дневнике Бабеля, сделанной в Новоселках 16 июля 1920 года: «Рассказ Жолнаркевича о хитром фельдшере. Две женщины, надо справиться <...> Дал

---

²⁴¹ Фрейдин Г.М. Сидели два нищих, или Как делалась русская еврейская литература... // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век. С. 450.

²⁴² См.: РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 16. Л. 26.

²⁴³ См.: Н. Ж. Красный герой // Красный кавалерист. 1920. 4 июля. С. 4.

²⁴⁴ См.: РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 24. Л. 612; Ф. 245. Оп. 1. Д. 45. Л. 7, 8; Ф. 245. Оп. 19. Д. 4. Л. 1.

одной касторки, когда ее схватило — направился к другой. Страшный случай, солдатская любовь, двое здоровых козаков сторговались с одной — выдержишь, выдержи, один три раза, другой полез — она завертелась по комнате и загадила весь пол, ее выгнали, денег не заплатили, слишком была старательная» (с. 133). Рассказ Жолнеркевича упомянут в наброске «<51> Вареники с вишнями»: «К<онстантин> Карлов<ич> <...> Он рассказывает о хитром фельдшере» (с. 198).

Действие рассказов «У батьки нашего Махно» и «Старательная женщина» относится, как и действие «Конармии», к 1920 году. Е.А. Добренко, например, считает, что у этих рассказов общие с конармейским циклом интонация и мотивы: «...стоит забыть, что перед нами не красноармейцы, а махновцы, как новеллы эти окажутся частью целого. Тон повествования здесь тот же, что и в “Конармии”, а герои <...> как бы продолжают галерею буденновских конников. Неадекватность восприятия, например, Кикиным <...> происходящего очень напоминает многие ситуации “Конармии”. Подобно тому, как Курдюков не понимает, что является свидетелем сыноубийства и отцеубийства, Кикин не осознает, что говорит он изнасилованной накануне женщине» (разрядка Добренко. — *Е.П.*)²⁴⁵. Стоит также отметить, что еще В.П. Полонский, анализирувавший «Конармию» по первому отдельному изданию, ставил мальчика Кикина из «У батьки нашего Махно» в один ряд с персонажами конармейских рассказов: «Даже дегенерат Кикин и угрюмый кретин Курдюков, даже Прищепка с кровавой печатью его подошв и много других, свирепых и жестоких, — даже они — не хула революции»²⁴⁶.

Некоторые исследователи полагают, что в этих двух рассказах Бабель перенес действие в махновскую армию из-за опасения новых обвинений в

---

²⁴⁵ Добренко Е.А. Логика цикла // Беляя Г.А., Добренко Е.А., Есаулов И.А. «Конармия» Исаака Бабея. М.: Российский университет, 1993. С. 95–96.

²⁴⁶ Полонский В.П. Критические заметки: О Бабеле // Новый мир. 1927. № 1. С. 208.

клевете²⁴⁷. Существует также мнение, что рассказы «У батьки нашего Махно» и «Старательная женщина» задним числом можно помещать в «Конармию»²⁴⁸.

Разумеется, задним числом в «Конармию» ничего вставлять нельзя. Но и помещение двух махновских рассказов в дополнения к конармейскому циклу, как это иногда делается²⁴⁹, на наш взгляд, некорректно, а дневниковая запись, легшая в основу одного из этих рассказов, недостаточное к тому основание — некоторые дневниковые записи и предварительные наброски отразились в рассказах, с конармейским циклом тематически никак не связанных. К тому же «У батьки нашего Махно» впервые напечатан в № 4 журнала «Красная новь» за 1924 год вместе с рассказами «Гedaли» (вышедшим с подзаголовком «Из книги “Конармия”»), «Сказка про бабу» и «Багра-оглы и глаза его быка» под общим заголовком «Рассказы». Затем Бабель не раз помещал «У батьки нашего Махно» в свои сборники, в раздел «Рассказы». «Старательная женщина» увидела свет при жизни писателя единственный раз — в шестом сборнике «Перевал» в 1928 году.

Как уже говорилось, в дневнике 1920 года много раз упоминается латыш Лепин, помощник начальника штаба 6-й кавалерийской дивизии по оперативной части; см. также приведенный выше набросок «<38> Лепин» и комментарий к нему.

Тем не менее ни имени Лепина, ни сколько-нибудь похожего на него персонажа в «Конармии» нет. Зато он послужил прототипом латыша Ларсона в рассказе «Иван-да-Марья», опубликованном в 1932 году. Бабель записал в дневнике в Белеве 12 июля 1920 года: «...иду спать рядом с Лепиным. Он латыш, морда туповатая <...> поросычья, очки, кажется, добр. Генштабист. — Острил тупо и неожиданно. Бабка, когда ты умрешь, и вцепился. — В штабе нет керосина. Он говорит — мы стремимся к свету, у нас нет <...> освещения,

---

²⁴⁷ См.: Ковский В.Е. Судьба текстов в контексте судьбы // Вопросы литературы. 1995. № 1. С. 75.

²⁴⁸ См., например: Жолковский А.К., Ямпольский М.Б. Бабель/Babel. М.: Carte Blanche, 1994. С. 16; Ковский В.Е. Судьба текстов в контексте судьбы С. 75.

²⁴⁹ См., например: Бабель И.Э. Собр. соч.: В 3 т. / Сост. и примеч. И.Н. Сухих. СПб.: Азбука, 2012. Т. 2. С. 192–198.

буду играть с дерев<енскими> девушками, протянул руку, не пускает, морда напряженная, свинячья губа вздрагивает, очки шевелятся» (с. 129–130). «Тупой Лепин» (с. 132), — такую характеристику получил помощник начальника штаба в дневниковой записи от 14 июля. 18 августа вновь о нем: «Лепин — грязен, туп, обидчив, непонятен» (с. 165).

В рассказе «Иван-да-Марья» найдет место и «поросычья морда» Лепина: «Ларсон снова запрокинул поросычью свою голову и резко захохотал»²⁵⁰, и его туповатый юмор:

«Ларсон отставил картон и захохотал вдруг, точно дробь стал выбивать:

— Российскому человеку выпить требуется, — латыш говорил с акцентом, — у русского человека душа мало-мало разошлась, а тут достать негде... Зачем тогда Волга называется?..»²⁵¹

В дневниковой записи за 12 августа 1920 года, сделанной в Лашкове, Бабель отметил: «Пишу — все о трубках, о давно забытых вещах, Бог с ней, с революцией, туда и надо устремиться» (с. 161). В наброске «<54> Чехи» есть помета: «Трактат о трубке». В «Конармии» это никак не использовано, но замысел «трактата о трубке» в полной мере воплотился в рассказе «Пробуждение» (1931):

«Неманов <...> покупал у мистера Троттибэрна трубки, провозимые контрабандой. Эти трубки точил в Линкольне брат старого матроса.

— Джентльмены, — говорил нам мистер Троттибэрн, — помяните мое слово, детей надо делать собственноручно... Курить фабричную трубку — это то же, что вставлять себе в рот клистир... Знаете ли вы, кто такое был Бенвенуто Челлини?.. Это был мастер. Мой брат в Линкольне мог бы рассказать вам о нем. Мой брат никому не мешает жить. Он только убежден в том, что детей надо делать своими руками, а не чужими... Мы не можем не согласиться с ним, джентльмены <...>

---

²⁵⁰ Бабель И.Э. Рассказы. СПб.: Вита Нова, 2014. С. 445.

²⁵¹ Там же. С. 445.

Трубки линкольнского мастера дышали поэзией. В каждую из них была уложена мысль, капля вечности. В их мундштуке светился желтый глазок, футляры были выложены атласом. Я старался представить себе, как живет в старой Англии Мэтью Троттибэрн, последний мастер трубок, противящийся ходу вещей»²⁵².

В наброске «<10> 3 Августа. Бой под Бр<одами>» есть одна неожиданная реплика: «Чего тебе, Масейка» (с. 187). Никакого Масейки нет ни в «Конармии», ни в дневнике, однако «шепелявый Мойсейка» станет одним из персонажей рассказа «Как это делалось в Одессе» (1923).

Таким образом, дневник 1920 года и «Планы и наброски к “Конармии”» стали подготовительными материалами не только к конармейскому циклу, но воплотились в замыслах еще нескольких рассказов Бабеля.

3.2. Дневник как сюжетная основа конармейских рассказов

Ряд дневниковых записей составил сюжетную основу отдельных конармейских рассказов. Разумеется, Бабель преобразовывал увиденное в жизни и запечатленное в дневнике в художественную реальность. Отмечая романтический пафос «Конармии» и сравнивая ее с ранними произведениями Гоголя, Горький писал: «В повести “Тарас Бульба” он (Гоголь — *Е. П.*) изобразил запорожцев боголюбивыми рыцарями и силачами, которые поднимают врага на пике, хотя древко пики не может выдержать пятипудовую тяжесть, переломится. Вообще таких запорожцев не было, и рассказ Гоголя о них — красивая неправда. Тут <...> Гоголь — романтик <...> Товарищ Буденный охаял “Конармию” Бабеля, — мне кажется, что это сделано напрасно, — сам т. Буденный любит извне украшать не только своих бойцов, но и лошадей. Бабель украсил бойцов его изнутри и, на мой взгляд, лучше, правдивее, чем Гоголь запорожцев»²⁵³. Здесь же стоит еще раз вспомнить слова Эренбурга о том, что книга непохожа на дневник.

---

²⁵² Бабель И.Э. Рассказы. СПб.: Вита Нова, 2014. С. 304.

²⁵³ Горький М. Рабселькорам и военкорам о том, как я научился писать // Известия. 1928. 30 сентября. С. 3.

Дневник послужил источником для конармейских рассказов «Письмо», «Начальник конзапаса», «Гедали», «Рабби», «Смерть Долгушова», «Комбриг 2», «Кладбище в Козине», «Прищеп», «Берестечко», «У святого Валента», «Замостье», «Чесники», «Сын рабби».

Проследим, как преобразуются в том или ином рассказе дневниковые заметки Бабея и возьмем примеры в той последовательности, в которой рассказы помещены в книге «Конармия».

Источником центрального эпизода рассказа «Письмо» стала дневниковая запись от 9 августа 1920 года, сделанная в Лашкове: «Переезд из Берестечко в Лашков, Галиция. Экипаж начдива, ординарец начдива Левка — тот самый, что цыганит и гоняет лошадей. Рассказ о том, как он плетил соседа Степана, бывшего стражником при Деникине, обижавшего население, возвратившегося в село. “Зарезать” не дали, в тюрьме били, разрезали спину, прыгали по нем, танцевали, эпический разговор: хорошо тебе, Степан? Худо. А тем, кого ты обижал — хорошо было? Худо было. А думал ты, что и тебе худо будет. Нет, не думал. А надо было подумать, Степан, вот мы думаем, что ежели попадемся, то зарежете <...> а теперь, Степан, будем тебя убивать. Оставили чуть теплого» (с. 158).

В рассказе «Письмо» речь идет о сыноубийстве и отцеубийстве. «Стражником при Деникине» Бабель сделал главу семейства — Тимофея Курдюкова, а приведенная дневниковая запись использована в центральной сцене казни отца сыном:

«Но только Семен Тимофеич папашу получили, и они стали папашу плетить и выстроили во дворе всех бойцов, как принадлежит к военному порядку. И тогда Сенька плеснул папаше Тимофей Родионычу воды на бороду, и с бороды потекла краска. И Сенька спросил Тимофей Родионыча:

— Хорошо вам, папаша, в моих руках?

— Нет, — сказали папаша, — худо мне.

Тогда Сенька спросил:

— А Феде, когда вы его резали, хорошо было в ваших руках?

— Нет, — сказали папаша, — худо было Феде.

Тогда Сенька спросил:

— А думали вы, папаша, что и вам худо будет?

— Нет, — сказали папаша, — не думал я, что мне худо будет.

Тогда Сенька поворотился к народу и сказал:

— А я так думаю, что если попадусь я к вашим, то не будет мне пощады.

А теперь, папаша, мы будем вас кончать...» (с. 13).

Краткому «эпическому разговору» Левки с соседом Степаном из дневника придана в рассказе яркая художественная выразительность. Эпичность этого эпизода почувствовала критика. Так, А.К. Воронский считал, что в своих рассказах «Бабель эпичен, порой библейски эпичен». В подтверждение этой мысли критик привел диалог отца и сына Курдюковых и отметил: «Здесь будничная простота рассказа сочетается с таким же спокойствием. В своих миниатюрах Бабель бесстрастен, спокоен, медлителен, не торопится и не торопит читателя, тем более он не играет на нервах, не старается, чтобы читатель ломал пальцы»²⁵⁴.

Ту же стилистическую особенность рассказа отметил Я.М. Шафир. Назвав диалог Курдюковых «сильнейшей сценой, которую нам когда-либо приходилось читать», он писал: «“Письмо” рассказывает об убийстве отцом сына и убийстве отца сыном. Кошмарнее, жесточе, страшнее как будто трудно и придумать. Главное, об убийстве отца сообщает сын — матери... А читается л е г к о, воспринимается как должное, как героическое, нормальное в лучшем смысле этого слова, как слишком человеческое» (разрядка Шафира. — *Е.П.*)²⁵⁵.

Рассказ «Начальник конзапаса» почти целиком основан на трех дневниковых записях Бабея 1920 года, сделанных в Белеве и Новоселках:

Белев, 13 июля: «Начальник конского запаса Дьяков — феерическая картина, кр<асные> штаны с серебр<яными> лампасами, пояс с насечкой,

---

²⁵⁴ Воронский А.К. Литературные силуэты: I. И. Бабель // Красная новь. 1924. № 5. С. 278–279.

²⁵⁵ Шафир Я.М. Любовь к дальнему («Конармия» И. Бабея) // Журналист. 1924. № 10. С. 30.

ставрополец, фигура Аполлона, короткие седые усы, 45 лет, есть сын и племянник, ругань фантастична, привозят из отд<ела> снабж<ения>, разломал стол, но достал. Дьяков, его любит команда, командир у нас геройский, был атлетом, полуграмотен, теперь “я инспектор кавалерии”, генерал, Дьяков — коммунист, смелый старый буденновец. Встретился с миллионером, дама под ручкой, что, господин Дьяков, не встречался ли я с вами в клубе? Был в 8 государствах, выйду на сцену, моргну. Танцор, гармонист, хитрец, враль, живописнейшая фигура. С трудом читает бумажки, кажд<ый> раз теряет их, одолела, говорит, канцелярщина, откажусь, что без меня делать будут, ругань, разговор с мужиками, те разинули рты. — Тачанка и пара тощих лошадей, о лошадях. — К Дьякову с требованиями, уф, заморился, раздавать белье, все в затылок, отношения отеческие, “ты будешь (больному) старшим гуртовщиком<”>» (с. 130).

Белев, 14 июля: «На деревне стон, меняют лошадей, дают одров, травят хлеба, забирают скот, жалобы начальнику штаба» (с. 131).

Новоселки, 16 июля: «Наштадив сидит на лавке — крестьянин захлебывается от негодования, показывает полумертвого одра, которого ему дали взамен хорошей лошади. Приезжает Дьяков, разговор короткий, за такую-то лошадь можешь получить 15 тысяч, за такую — 20 тысяч. Ежели поднимется, значит<,> это лошадь. — Берут свиней, кур, деревня стонет. Описать наше снабжение» (с. 133).

Первые два коротких абзаца рассказа текстуально близки дневниковой записи от 14 июля:

«На деревне стон стоит. Конница травит хлеба и меняет лошадей. Взамен приставших кляч кавалеристы забирают рабочую скотину. Бранить тут некого. Без лошади нет армии.

Но крестьянам не легче от этого сознания. Крестьяне неотступно толпятся у здания штаба».

Запись от 16 июля использована в дальнейшем повествовании:

«Они тащут на веревках упирающихся, скользящих от слабости одров. Лишенные кормильцев, мужики, чувствуя в себе прилив горькой храбрости и зная, что храбрости ненадолго хватит, спешат, безо всякой надежды, надерзить начальству, богу и своей жалкой доле.

Начальник штаба Ж. в полной форме стоит на крыльце <...>

Дождавшись нужного перебоя, он ухватывает последнюю мужичью слезу, начальственно огрызается и уходит к себе в штаб работать.

На этот раз и огрызнуться не пришлось. На огненном своем англо-арабе подскакал к крыльцу Дьяков, бывший цирковой атлет, а ныне начальник конского запаса — краснорожий, седоусый, в черном плаще и с серебряными лампасами вдоль красных шаровар.

— Честным стервам игуменье благословенье! — прокричал он, осаживая коня на карьере, и в то же мгновенье к нему под стремя подвалилась облезлая лошаденка, одна из обмененных казаками.

— Вон, товарищ начальник, — завопил мужик, хлопая себя по штанам, — вон чего ваш брат дает нашему брату... Видал, чего дают? Хозяйствуй на ей...

— А за этого коня, — отдельно и веско начал тогда Дьяков, — за этого коня, почтенный друг, ты в полном своем праве получить в конском запасае — пятнадцать тысяч рублей, а ежели этот конь был бы повеселее, то в ефтим случае ты получил бы, желанный друг, в конском запасае двадцать тысяч рублей. Но, однако, что конь упал, — это не хвакт. Ежели конь упал и поднимется, то это — конь; ежели он, обратно сказать, не подыметса, тогда это не конь. Но, между прочим, эта справная кобылка у меня подыметса...» (с. 14–15).

В рассказе осталась и настоящая фамилия начальника конского запаса — Дьяков (рассказ был впервые напечатан в журнале «Леф» под названием «Дьяков»), и то, что прежде он был атлетом. Сохранены в рассказе детали внешности Дьякова (седые усы) и его одежды (красные штаны с серебряными

лампасами). К описанию внешности добавлен эпитет «краснорожий», к одежде — черный плащ.

Если в основу «Начальника конзапаса» легли фрагменты трех дневниковых записей, то самая первая запись от 3 июля 1920 года дала материал сразу для двух рассказов — «Гедали» и «Рабби».

Вот отрывок из дневника, относящийся к рассказу «Гедали»: «Базар в Житомире, старый сапож<ник,> синька, мел, шнурки. Здания синагог, старинная архитектура, к<a>к все это берет меня за душу. Стекло к часам 1200 р<ублей>. Рынок. Маленький еврей философ. Невообразимая лавка — Диккенс, метлы и золотые туфли. Его философия<:> все говорят, что они воюют за правду и все грабят. Если бы хоть какое-нибудь правительство было доброе. Замечател<ьные> слова, бороденка, разговариваем, чай и три пирожка с яблоками — 750 р<ублей> <...> Описать базар, корзины с фруктами вишень, внутренность харчевни» (с. 122).

Зарисовка из дневника развернута в рассказе в красочную картину «лавки древностей» мудреца Гедали:

«Вот предо мной базар и смерть базара. Убита жирная душа изобилия. Немые замки висят на лотках, и гранит мостовой чист, как лысина мертвеца. Она мигает и гаснет — робкая звезда...

Удача пришла ко мне позже, удача пришла перед самым заходом солнца. Лавка Гедали спряталась в наглухо закрытых торговых рядах. Диккенс, где была в тот вечер твоя тень? Ты увидел бы в этой лавке древностей золоченые туфли и корабельные канаты, старинный компас и чучело орла, охотничий винчестер с выгравированной датой “1810” и сломанную кастрюлю <...>

Эта лавка — как коробочка любознательного и важного мальчика, из которого выйдет профессор ботаники. В этой лавке есть и пуговицы, и мертвая бабочка, и маленького хозяина ее зовут Гедали. Все ушли с базара, Гедали остался. Он вьется в лабиринте из глобусов, черепов и мертвых цветов, помахивает пестрой метелкой из петушиных перьев и сдувает пыль с умерших цветов» (с. 23).

В.П. Полонский, не подозревавший о наличии конармейского дневника Бабеля, писал об этой сцене: «Лавка Гедали показана лаконично, но с той способностью говорить многое в немногих словах, которые превращают Бабеля в несравненного мастера. Это почти реальная лавчонка старого еврея, — но из-за бытовых мелочей она возникает как символ уходящего еврейства»²⁵⁶.

Диалог героя-повествователя со старьевщиком-философом обретает философское звучание, в нем отражена диалектика понимания и принятия революции:

«И вот мы сидим на бочонках из-под пива. Гедали свертывает и разматывает узкую бороду. Его цилиндр покачивается над нами как черная башенка. Теплый воздух течет мимо нас. Небо меняет цвета. Нежная кровь льется из опрокинутой бутылки там, вверху, и меня обволакивает легкий запах тления.

— Революция — скажем ей “да”, но разве субботе мы скажем «нет»? — так начинает Гедали и обвивает меня шелковыми ремнями своих дымчатых глаз. — “Да”, кричу я революции, “да”, кричу я ей, но она прячется от Гедали и высылает вперед одну только стрельбу...

— В закрывшиеся глаза не входит солнце, — отвечаю я старику, — но мы распорем закрывшиеся глаза...

— Поляк закрыл мне глаза, — шепчет старик чуть слышно. — Поляк — злая собака. Он берет еврея и вырывает ему бороду, — ах, пес! И вот его бьют, злую собаку. Это замечательно, это революция! И потом тот, который бил поляка, говорит мне: “Отдай на учет твой граммофон, Гедали...” — “Я люблю музыку, пани”, — отвечаю я революции. — “Ты не знаешь, что ты любишь, Гедали, я стрелять в тебя буду, тогда ты это узнаешь, и я не могу не стрелять, потому что я — революция...”

---

²⁵⁶ Полонский В.П. О Бабеле // Новый мир. 1927. № 1. С. 203.

— Она не может не стрелять, Гедали, — говорю я старику, — потому что она — революция...

— Но поляк стрелял, мой ласковый пан, потому что он — контрреволюция. Вы стреляете потому, что вы — революция. А революция — это же удовольствие. И удовольствие не любит в доме сирот. Хорошие дела делает хороший человек. Революция — это хорошее дело хороших людей. Но хорошие люди не убивают. Значит, революцию делают злые люди. Но поляки тоже злые люди. Кто же скажет Гедали, где революция и где контрреволюция? Я учил когда-то Талмуд, я люблю комментарии Раше и книги Маймонида. И еще другие понимающие люди есть в Житомире. И вот мы все, ученые люди, мы падаем на лицо и кричим на голос: горе нам, где сладкая революция?..

Старик умолк. И мы увидели первую звезду, пробивавшуюся вдоль Млечного пути.

— Заходит суббота, — с важностью произнес Гедали, — евреям надо в синагогу... Пане товарищ, — сказал он, вставая, и цилиндр, как черная башенка, закачался на его голове, — привезите в Житомир немножко хороших людей. Ай, в нашем городе недостача, ай, недостача! Привезите добрых людей, и мы отдадим им все граммофоны. Мы не невежды. Интернационал... мы знаем, что такое Интернационал. И я хочу Интернационала добрых людей, я хочу, чтобы каждую душу взяли на учет и дали бы ей паек по первой категории. Вот, душа, кушай, пожалуйста, имей от жизни свое удовольствие. Интернационал, пане товарищ, это вы не знаете, с чем его кушают...

— Его кушают с порохом, — ответил я старику, — и приправляют лучшей кровью...» (с. 25–26).

Безымянного еврея-философа с житомирского рынка автор назвал Гедали, производным именем от «Гедалия», что в переводе с иврита означает «Господь велик». Об этом герое писал Воронский: «Образ Гедали, талмудиста, мечтающего о “сладкой революции” и IV Интернационале, превосходен»²⁵⁷.

---

²⁵⁷ Воронский А.К. Литературные силуэты: I. И. Бабель // Красная новь. 1924. № 5. С. 289–290.

Продолжение записи от 3 июля использовано в рассказе «Рабби». В дневнике Бабеля читаем: «Заходит суббота. От тестя идем к цадику. Имени не разобрал. Потрясающая для меня картина, хотя совершенно ясно видно умирание и полный декаданс. Сам цадик<,> его широкоплечая, тощая фигурка. Сын — благородный мальчик в капотике, видны мещанские, но просторные комнаты. Все чинно, жена — обыкновенная еврейка, даже типа модерн. — Лица старых евреев. — Разговоры в углу о дороговизне. — Я путаюсь в молитвеннике <...> Вместо свечи — коптилка. — Я счастлив, огромные лица, горбатые носы, черные с проседью бороды, о многом думаю, до свиданья, мертвецы, лицо цадика, никелевое пенсне, откуда вы, молодой человек. Из Одессы. К<a>к там живут. Там люди живы. — А здесь ужас. — Короткий разговор. — Ухожу потрясенный» (с. 123).

В рассказе Бабель наделил цадика именем — Моталэ Брацлавский, а его описание и диалог из дневниковой записи обросли целым рядом художественных деталей:

«Мы вошли в комнату — каменную и пустую, как морг. Рабби Моталэ сидел у стола, окруженный бесноватыми и лжецами. На нем была соболья шапка и белый халат, стянутый веревкой. Рабби сидел с закрытыми глазами и рылся худыми пальцами в желтом пухе своей бороды.

— Откуда приехал еврей? — спросил он и приподнял веки.

— Из Одессы, — ответил я.

— Благочестивый город, — сказал вдруг рабби с необыкновенной силой, — звезда нашего изгнания, невольный колодезь наших бедствий!..» (с. 31).

Бабель сделал Моталэ Брацлавского «последним рабби из Чернобыльской династии». Место рабби у хасидов переходит по наследству, обычно к старшему сыну. Однако Чернобыльская династия во время Гражданской войны не прекратилась, она существует и сейчас в Израиле и США. Представителю чернобыльских хасидов Бабель присвоил фамилию Брацлавский, хотя так обозначается другое известное течение хасидизма, основанное Нахманом из Брацлава в конце XVIII века. М.Я. Вайскопф не

исключает, что фамилия персонажа возникла просто по топонимической ассоциации с Брацлавским уездом²⁵⁸.

Более детальное, чем в дневнике, описание внешнего облика хасидского цадика вполне достоверно: поверх кипы (традиционного мужского головного убора религиозных евреев) многие хасиды носят меховые шапки. В комментарии к этому рассказу Э. Зихер писал: «Халат тоже часть хасидской одежды, однако белый халат обычно носят только ребе в некоторых хасидских группах. Во время молитвы хасиды подпоясываются ремнем. Этим традициям предписывается мистическое значение»²⁵⁹.

Жена цадика в рассказе не фигурирует, а вот сын, «благородный мальчик в капотике», обрисован подробно:

«И вдруг я увидел юношу за спиной Гедали, юношу с лицом Спинозы с могущественным лбом Спинозы, с чахлым лицом монахини. Он курил и вздрагивал, как беглец, приведенный в тюрьму после погони <...>

— Это — сын равви Илья, — прохрипел Мордхэ и придвинул ко мне кровоточащее мясо развороченных век, — проклятый сын, последний сын, непокорный сын... <...>

Рабби благословил пищу, и мы сели за трапезу. За окном ржали кони и вскрикивали казаки. Пустыня войны зевала за окном. Сын рабби курил одну папиросу за другой среди молчания и молитвы» (с. 32).

Образ Ильи Брацлавского встретится в другом рассказе — «Сын рабби», который до включения в конармейский цикл в 1933 году рассказа «Аргамак» завершал книгу «Конармия». Об этом рассказе речь пойдет дальше.

Действие рассказа «Смерть Долгушова» объединяет разновременные события, отраженные в дневниковых записях от 22 июля и 3 августа 1920 года. 22 июля в Боратине Бабель записал: «Дорога леском, тревога. Грищук туп и страшен. Я на тяжелой лошади Соколова. Я один на дороге. Светло,

---

²⁵⁸ См.: *Вайскопф М.Я.* Между огненных стен. С. 257–258.

²⁵⁹ *Бабель И.Э.* «Детство» и другие рассказы / Подгот. текста, коммент. Э. Зихера, послесловие С. Маркиша. [Иерусалим]: Библиотека-Алия, 1979. С. 373–374.

прозрачно, не жарко, легкая теплота. Фурманка впереди, пять человек, похожих на поляков. Игра, едем, останавливаемся, откуда? Взаимный страх и тревога. У Хотина видны наши, въезжаем, стрельба. Дикая скачка назад, тащу коня на поводу. Пули жужжат, воют. Арт<иллерийский> огонь. Грищук то несется с мрачной и молчаливой энергией, то в опасные минуты — непонятен, вял, черен, заросшая челюсть <...> Обозная эпопея, отвращение и мерзость <...> Стоим полночи у Козина, стрельба <...> Засыпаю на полчаса, говорят<,> была перестрелка, наши выслали цепь. Двигаемся дальше. Лошади измучены, ужасная ночь, двигаемся колоссальным обозом в непроглядной тьме, неизвестно через какие деревни, пожарище где-то сбоку, пересекают дорогу другие обозы — потрясен фронт или обозная паника? — Ночь тянется бесконечно, попадаем в яму. Грищук странно правит, нас бьют сзади дышлом, крики где-то вдали, останавливаемся через каждые полверсты и стоим томительно, бесцельно, долго. — У нас рвется вожжа, тачанка не повинуется, отъезжаем в поле, ночь, у Грищука припадок звериного, тупого, безнадежного и бесящего меня отчаяния: о, сгорели б те вожжи, о, — сгори, да сгори. Он слеп, он признается в этом, Грищук, он ничего не видит ночью. Обоз нас оставляет, дороги тяжелы, черная грязь, Грищук, хватаясь за обрывок вожжи — неожиданным своим звенящим тенорком — пропадем, поляк догонит, канонада отовсюду, обозные — мы в кругу. Едем на авось с порванной вожжей <...> Тачанка визжит, тяжелый мутный рассвет вдали, мокрые поля» (с. 139).

Эта запись, в которой Бабель, судя по всему, отобразил свое передвижение с Грищуком не в Броды, а в Хотин, использована в двух эпизодах «Смерти Долгушова», предшествующих кульминации рассказа:

«Поляки подошли к лесу, верстах в трех от нас, и поставили пулеметы где-то близко. Пули скулят и взвизгивают. Жалоба их нарастает невыносимо. Пули подстреливают землю и роются в ней, дрожа от нетерпения <...>

Грищук со своей глупой тачанкой да я — мы остались одни и до вечера мотались между огненных стен. Штаб дивизии исчез. Чужие части не принимали нас. Поляки вошли в Броды и были выбиты контратакой. Мы

подъехали к городскому кладбищу. Из-за могил выскочил польский разъезд и, вскинув винтовки, стал бить по нас. Грищук повернул. Тачанка его вопила всеми четырьмя своими колесами.

— Грищук! — крикнул я сквозь свист и ветер.

— Баловство, — ответил он печально.

— Пропадаем! — воскликнул я, охваченный гибельным восторгом, — пропадаем, отец!» (с. 37–38).

В уста героя-повествователя Бабель вложил возглас «Пропадаем!», на самом деле принадлежавший повозочному Грищуку и обращенный как раз к Бабелю.

События, связанные со сражением за Броды, зафиксированы в дневниковой записи от 3 августа 1920 года: «Ночь в поле, двигаемся с линейкой в Броды. Город переходит из рук в руки. Та же ужасная картина, полуразрушено, город ждет снова <...> Поле сражения <...> Начинается бой, артиллерия кроет, недалеко разрывы, грозный час, решительный бой — остановим польское наступление или нет, Буденный Колесникову и Гришину — расстреляю, они уходят бледные пешком. <...> Начинается бой, мне дают лошадь. Вижу, к<a>к строятся колон<ны>, цеп<и>, идут в атаку, жалко этих несчастных, нет людей, есть колонны, огонь достигает высочайшей силы, в безмолвии происходит рубка. Я двигаюсь <...> полк вдруг выступает, мне нужно к Радзивилову, полк идет к Лешнюву, и я бессилен, боюсь оторваться. Бесконечное путешествие, пыльные дороги <...> лес, обстрел, снаряды в 100 шагах, бесконечное кружение по опушкам <...> Мы в 7 верстах от Радзивилова. Еду на ура» (с. 151–153).

Запись от 3 августа послужила источником другого рассказа, идущего в книге сразу за «Смертью Долгушова» — «Комбриг 2». Кроме того, сохранился набросок «<14> Бой под Бр<одами>», в котором дважды упомянуты герои рассказа «Комбриг 2» (рассказ впервые был опубликован в журнале «Леф» под названием «Колесников»): «(Коротко.) Отъезд из Брод. Труп. Поле, усеянное трупами <...> Возвания Пильсудского. Бой. Колесников и Гришин. Ухожу»;

«Отъезд из Брод. Трупы. Воззвание Пильсудского. Начинается бой. Колесников и Гришин. — Начало скитаний» (с. 188).

В рассказе «Комбриг 2» автор сосредоточился на краткой военной биографии Колесникова, поведении командарма Буденного и картине боя глазами наблюдателей. Рассказ начинается так:

«Буденный в красных штанах с серебряным лампасом стоял у дерева. Только что убили комбрига 2. На его место командарм назначил Колесникова.

Час тому назад Колесников был командиром полка. Неделю тому назад Колесников был командиром эскадрона.

Нового бригадного вызвали к Буденному. Командарм ждал его, стоя у дерева. Колесников приехал с Алмазовым²⁶⁰, своим комиссаром.

— Жмет нас гад, — сказал командарм с ослепительной своей усмешкой.
— Победим или подохнем. Иначе — никак. Понял?

— Понял, — ответил Колесников, выпучив глаза.

— А побежишь — расстреляю, — сказал командарм, улыбнулся и отвел глаза в сторону начальника особого отдела.

— Слушаю, — сказал начальник особого отдела <...>

Буденный стремительно повернулся на каблуках и отдал честь новому комбригу» (с. 40).

В действительности Иван Андреевич Колесников, командир 35-го кавалерийского полка, 30 июля 1920 года сменил не комбрига два (комбригом два в те дни был Апанасенко) и не убитого, а тяжело раненного командира 3-й бригады Ивана Петровича Колесова.

Из дневниковой записи в рассказ перешли слова командарма, обращенные к новому комбригу, и общее настроение, царившее перед решительным боем. В мемуарах самого Буденного этот эпизод также присутствует, но в несколько отретушированном виде:

---

²⁶⁰ В журнальной публикации в «Лефе» дана подлинная фамилия комиссара бригады — Гришин, в книге автор заменил ее вымышленной фамилией — Алмазов. Здесь, скорее всего, имела место игра с подлинной фамилией генерала А.Н. Гришина-Алмазова, руководителя белого движения в Сибири в 1918 году, а в 1918–1919 годах при Деникине — военного губернатора Одессы (см.: *Бар-Селла 3. Сюжет Бабеля*. М.: Неолит, 2018. С. 87–89).

«Комбриг подошел, поправляя на ходу португую. Шагах в трех от нас остановился, приложил к кубанке руку с растопыренными узловатыми пальцами²⁶¹ и, глядя на меня сверху вниз, пробасил:

— Командир третьей бригады Иван Колесников.

— Видите неприятельскую пехоту?

— Вижу!

— Приказываю атаковать ее правый фланг, отрезать от леса и уничтожить. Не сделаете этого, считайте, что вы не комбриг. Задача ясна? — строго посмотрел я на Колесникова.

— Понятно. Значит, атаковать и уничтожить»²⁶².

Описание одежды Буденного в начале рассказа Бабель, возможно, взял из другой записи — от 31 августа 1920 года, только там это одежда Ворошилова: «...Ворошилов, коротенький, седеющий, в красных штанах с серебряными лампасами...» (с. 176). Вспомним такие же штаны у начальника конского запаса Дьякова.

Вот описание боя, который вел Колесников, глазами наблюдателя из рассказа Бабея:

«И вдруг на распростершейся земле, на развороченной и желтой наготе полей мы увидели ее одну — узкую спину Колесникова с болтающимися руками и упавшей головой в сером картузе.

Ординарец подвел ему коня.

Он вскочил в седло и поскакал к своей бригаде, не оборачиваясь. Эскадроны ждали его у большой дороги, у Бродского шляха.

Стонущее “ура”, разорванное ветром, донеслось до нас.

Наведя бинокль, я увидел комбрига, вертевшегося на лошади в столбах голубой пыли.

---

²⁶¹ Существует мнение, что Буденный не мог помнить подобную деталь в течение сорока с лишним лет и позаимствовал ее из рассказа Бабея (см.: *Абрагам К. По следам героев И. Э. Бабея // Параллели: Русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. Вып. 12. М.: Дом еврейской книги, 2012. С. 107*). У Бабея в рассказе «Комбриг 2»: «Тот растопырил у козырька пять красных юношеских пальцев» (с. 40).

²⁶² *Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 2-я. С. 263.*

— Колесников повел бригаду, — сказал наблюдатель, сидевший над нашими головами на дереве.

— Есть, — ответил Буденный, закурил папиросу и закрыл глаза.

“Ура” смолкло. Канонада задохлась. Ненужная шрапнель лопнула над лесом. И мы услышали великое безмолвие рубки.

— Душевный малый, — сказал командарм, вставая. — Ищет чести. Надо полагать — вытянет.

И, потребовав лошадей, Буденный уехал к месту боя. Штаб двинулся за ним» (с. 40–41).

Примечательно, что это описание в ряде деталей довольно близко воспоминаниям Буденного:

«Мы сели на коней и, сопровождаемые эскадром Реввоенсовета, подъехали к уже выстроенной в редколесье бригаде. По рядам бойцов прошел приглушенный говорок.

— Все видите пехоту противника? — привстав на стременах и сдерживая своего заволновавшегося коня, спросил я.

— Видим, — прозвучал дружный ответ.

— Шашки к бою! За мной, в атаку — марш, марш! <...>

— Ура-а-а! — грохнул у меня за спиной и разлился, как морской прибой, боевой клич красноармейцев.

Впереди желто-бурое поле с редкими крестцами снопов и рассыпанными, перекатывающимися, словно горох, серыми фигурками польских солдат. По сторонам слышится всхрапывание лошадей моих боевых друзей и соратников. Слева вижу, скачет Климент Ефремович Ворошилов. Бок о бок с ним — комиссар 3-й бригады Петр Капитонович Гришин. Справа, склонившись к шее коня, весь устремился вперед комбриг Иван Андреевич Колесников <...>

Позади на все голоса гремит, вздымает тучи пыли лава всадников с обнаженными клинками <...>

Засвистели одиночные пули. Но это продолжалось какие-то секунды. А потом разом ударили десятки вражеских пулеметов. Перед глазами поднялся вал пыли <...>

Я оглянулся назад. Бригада продолжала карьером катиться по полю, потрясая воздух мощным “ура”, которое сливалось с треском пулеметов и разносившимся по лесу эхом»²⁶³.

В «Конармии» есть один бессюжетный рассказ, который выделяется среди остальных рассказов книги, — «Кладбище в Козине»:

«Кладбище в еврейском местечке. Ассирия и таинственное тление Востока на поросших бурьяном волынских полях.

Обточенные серые камни с трехсотлетними письменами. Грубое тиснение горельефов, высеченных на граните. Изображение рыбы и овцы над мертвой человеческой головой. Изображения раввинов в меховых шапках. Раввины подпоясаны ремнем на узких чреслах. И под безглазыми лицами волнистая каменная линия завитых бород. В стороне, под дубом, разможенным молнией, стоит склеп рабби Азриила, убитого казаками Богдана Хмельницкого. Четыре поколения лежат в этой усыпальнице, нищей, как жилище водоноса, и скрижали, зазеленевшие скрижали, поют о них витиеватой молитвой бедуина:

“Азриил, сын Анании, уста Еговы.

Илия, сын Азриила, мозг, вступивший в единоборство с забвением.

Вольф, сын Илии, принц, похищенный у Торы на девятнадцатой весне.

Иуда, сын Вольфа, раввин краковский и пражский.

О, смерть, о, корыстолюбец, о, жадный вор, отчего ты не пожалел нас, хотя бы однажды?”» (с. 50)

«Кладбище в Козине» называют стихотворением в прозе. Действительно, от других рассказов цикла оно отличается не только стилистическим и ритмическим своеобразием, но и совсем небольшим

---

²⁶³ Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 2-я. С. 264.

объемом. В наброске «<58> Книги» помечено: «Стиль, размер — Кладбище в Козине» (с. 200). В описание еврейского кладбища вплетаются христианские символы («изображение рыбы и овцы»), калька с христианской реалии («раввин краковский и пражский»²⁶⁴) и «молитва бедуина». В этом рассказе дано не конкретное, а скорее обобщенно-поэтическое изображение еврейского кладбища, в котором использованы три июльские дневниковые записи 1920 года.

Новоселки—Мал. Дорогостай, 18 июля: «Еврейское кладбище за Малиным, сотни лет, камни повалились, почти все одной формы, овальные сверху, кладбище заросло травой...» (с. 134).

Пелча—Боратин, 21 июля: «Кладбище, разрушенный домик рабби Азриила, три поколения, памятник под выросшим над ним деревом, эти старые камни, все одинаковой формы, одного содержания <...> Главное — лавка и кладбище» (с. 138).

24 июля: «...несчастный Козин. — Кладбище, круглые камни» (с. 141).

С красноармейцем Прищепой, судя по записи в дневнике, Бабель встретился 23 июля 1920 года. В этот день он отметил: «Еду с Прищепой, новое знакомство, кафтан, белый башлык, безграмотный коммунист...» (с. 140). На следующий день, 24 числа, вместе с Прищепой он оказался в местечке Демидовка, о чем подробно говорилось выше. Имя Прищепы упоминается и в других дневниковых записях, а также в «Планах и набросках к “Конармии”». В цитате из дневниковой записи за 24 июля мы пропустили такой отрывок: «Утром — в Штарме (Штаб армии. — *Е. П.*) <...> Из Кривих с Прищепой еду в Лешнев на Демидовку. Душа Прищепы — безграмотный мальчик, коммунист, родителей убили кадеты, рассказывает, как собирал <...> свое имущество по станице. Декоративен, башлык, прост как трава, будет барахольщик, презирает Грищука за то, что тот не любит и не понимает лошадей» (с. 141–142).

---

²⁶⁴ См., например, в рассказе «Пан Аполек»: «викарий дубенский и новоконстантиновский» (с. 19).

Приведенный фрагмент лег в основу рассказа «Прищепа». Автор сохранил пункт назначения своей поездки с Прищепой и характеристику красноармейца, однако изменил некоторые детали: в рассказе родителей убили не кадеты, а белые, а повествование о том, как Прищепа собирал свое имущество по станице, дополнено яркими и жестокими подробностями. Не считая «Кладбища в Козине», «Прищепа» самый короткий рассказ «Конармии»:

«Пробираюсь в Лешнюв, где расположился штаб дивизии. Попутчик мой по-прежнему Прищепа — молодой кубанец, неумолимый хам, вычищенный коммунист, будущий барахольщик, беспечный сифилитик, неторопливый враль. На нем малиновая черкеска из тонкого сукна и пуховый башлык, закинутый за спину. По дороге он рассказывал о себе. Мне не забыть его рассказа.

Год тому назад Прищепа бежал от белых. В отместку они взяли заложниками его родителей и убили их в контрразведке. Имущество расхитили соседи. Когда белых прогнали с Кубани, Прищепа вернулся в родную станицу.

Было утро, рассвет, мужичий сон вздыхал в прокисшей духоте. Прищепа подрядил казенную телегу и пошел по станице собирать свои граммофоны, жбаны для кваса и расшитые матерью полотенца. Он вышел на улицу в черной бурке с кривым кинжалом за поясом, телега плелась сзади. Прищепа ходил от одного соседа к другому, и кровавая печать его подошв тянулась за ним следом. В тех хатах, где казак находил вещи матери или чубук отца, он оставлял подколотых старух, собак, повешенных над колодцем, и иконы, загаженные пометом. Станичники, раскуривая трубки, угрюмо следили его путь. Молодые казаки рассыпались в степи и вели счет. Счет разбухал, и станица молчала. Кончив, Прищепа вернулся в опустошенный отчий дом. Отбитую мебель он расставил в порядке, который был ему памятен с детства, и послал за водкой. Запершись в хате, он пил двое суток, пел, плакал и рубил шашкой столы. На третью ночь станица увидела дым над избой Прищепы.

Опаленный и рваный, виляя ногами, он вывел из стойла корову, вложил ей в рот револьвер и выстрелил. Земля курилась под ним, голубое кольцо пламени вылетело из трубы и растаяло, в конюшне зарыдал оставленный бычок. Пожар сиял, как воскресенье. Прищепка отвязал коня, прыгнул в седло, бросил в огонь прядь своих волос и сгинул» (с. 51).

Рассказ «Берестечко» почти целиком основан на дневниковой записи от 7 августа 1920 года:

«Памятный день. Утром — из Хотина в Берестечко <...> Берестечко переходило несколько раз из рук в руки. Исторические поля под Берестечком, казачьи могилы. И вот главное, все повторяется — казаки против поляков, больше — хлоп против пана. — Местечко не забуду, дворы крытые, длинные, узкие, вонючие, всему этому 100–200 лет, население крепче, чем в других местах, главное — архитектура, белые водянисто-голубые домики, улочки, синагоги, крестьянки. Жизнь едва-едва налаживается. Здесь было здорово жить — ценное еврейство, богатые хохлы, ярмарки по воскресеньям, особый класс русских мещан — кожевников, торговля с Австрией, контрабанда. — Евреи здесь менее фанатичны, более нарядны, ядрены, к<a>к будто даже веселее, старые старики, капоты, старушки, все дышит стариной, традицией, местечко насыщено кровавой историей еврейско-польского гетто. Ненависть к полякам единодушна <...>

Вечер в местечке. Костел закрыт. Перед вечером иду в замок графов Рациборовских. 70<->летний старик и его мать 90 лет. Их было всего двое, сумасшедшие<,> говорят в народе. Описать эту пару. Графский, старинный польский дом, наверное<,> б<ольше> 100 лет, рога, старинная светлая плафонная живопись, остатки рогов, маленькие комнаты для дворецких вверх, плиты, переходы, экскременты на полу, еврейские мальчишки, рояль Стейнвей, диваны вскрыты до пружин, припомнить белые легкие и дубовые двери, французские письма 1820 г<ода>, *notre petit héros achève 7 semaines*²⁶⁵.

---

²⁶⁵ Нашему маленькому герою исполнилось 7 недель (*фр.*)

Боже, кто писал, когда писали, растоптанные письма, взял реликвии, столетие, мать — графиня — Рояль Стейнвей, парк, пруд. — Не могу отделаться — вспоминаю Гауптмана, Эльгу.

Митинг в парке замка, евреи Берестечка, тупой Винокуров, бегают детвора, выбирают Ревком...» (с. 156–157).

Начало приведенной цитаты из дневника превращается в эпически-повествовательный зачин рассказа:

«Мы делали переход из Хотина в Берестечко. Бойцы дремали в высоких седлах. Песня журчала, как пересыхающий ручей. Чудовищные трупы валялись на тысячелетних курганах. Мужики в белых рубахах ломали шапки перед нами. Бурка начдива Павличенки веяла над штабом, как мрачный флаг. Пуховый башлык его был перекинут через бурку, и кривая сабля лежала сбоку, как приклеенная.

Мы проехали казачьи курганы и вышку Богдана Хмельницкого. Из-за могильного камня выполз дед с бандурой и детским голосом спел нам про былую казачью славу. Мы прослушали песню молча, потом развернули штандарты и под звуки гремящего марша ворвались в Берестечко. Жители заложили ставни железными палками, и тишина, полновластная тишина взошла на местечковый свой трон» (с. 58).

После жутковатой, отсутствующей в дневнике сцены казни красноармейцем старика-еврея за шпионаж — очерк о Берестечке, его «выветрившемся» быте, населении и архитектуре:

«Больше всего здесь евреев, а на окраинах расселились русские мещане-кожевники. Они живут чисто, в белых домиках за зелеными ставнями. Вместо водки мещане пьют пиво или мед, разводят табак в палисадничках и курят его из длинных гнутых чубуков, как галицийские крестьяне. Соседство трех племен, деятельных и деловитых, разбудило в них упрямое трудолюбие, свойственное иногда русскому человеку, когда он еще не обовшивел, не отчаялся и не упился.

Быт выветрился в Берестечке, а он был прочен здесь. Отростки, которым перевалило за три столетия, все еще зеленели на Волыни теплой гнилью старины. Евреи связывали здесь нитями наживы русского мужика с польским паном, чешского колониста с лодзинской фабрикой. Это были контрабандисты, лучшие на границе, и почти всегда воители за веру. Хасидизм держал в удушливом плену это суетливое население из корчмарей, разносчиков и маклеров. Мальчики в капотиках все еще топтали вековую дорогу к хасидскому хедеру, и старухи по-прежнему возили невесток к цадику с яростной мольбой о плодородии.

Евреи живут здесь в просторных домах, вымазанных белой или водянисто-голубой краской. Традиционное убожество этой архитектуры насчитывает столетия. За домом тянется всегда сарай в два, иногда в три этажа. В нем никогда не бывает солнца. Сарай эти, неопишимо мрачные, заменяют наши дворы. Потайные ходы ведут в подвалы и в конюшни. Во время войны в этих катакомбах спасаются от пуль и грабежей. Здесь скопляются за много дней человечьи отбросы и навоз скотины. Уныние и ужас заполняют катакомбы едкой вонью и протухшей кислотой испражнений» (с. 58–59).

Мрачные сараи, где «скопляются за много дней человечьи отбросы и навоз скотины» из рассказа — это, по всей видимости, те самые «дворы крытые, длинные, узкие, вонючие», которые описаны в дневнике.

После описания Берестечка в рассказе идет ретроспективная картина «опустошенного замка графов Рациборских», история сумасшедшей графини и ее сына:

«Берестечко нерушимо воняет и до сих пор, от всех людей шибет запахом гнилой селедки. Местечко смердит в ожидании новой эры, и вместо людей по нему ходят слинявшие схемы пограничных несчастий. Они надоели мне к концу дня, я ушел за городскую черту, поднялся в гору и проник в опустошенный замок графов Рациборских, недавних владельцев Берестечка.

Спокойствие заката сделало траву у замка голубой. Над прудом взошла луна, зеленая, как ящерица. Из окна мне видно поместье графов Рациборских — луга и плантации из хмеля, скрытые муаровыми лентами сумерек.

В замке жила раньше помешанная девяностолетняя графиня с сыном. Она глумилась над сыном за то, что он не дал наследников угасающему роду, и — мужики божились мне — графиня била сына кучерским кнутом» (с. 59).

О глумлении старой графини над сыном в дневнике ничего нет. Нельзя точно сказать, слышал ли в действительности Бабель в Берестечке такой рассказ и просто не зафиксировал его в дневнике, или эта деталь — целиком его выдумка.

Параллельно описанию старого замка и его обитателей — митинг в честь Второго конгресса Коминтерна:

«Внизу на площадке собрался митинг. Пришли крестьяне, евреи и кожевники из предместья. Над ними разгорелся восторженный голос Виноградова и нежный звон его шпор. Он говорил о Втором конгрессе Коминтерна, а я бродил вдоль стен, где нимфы с выколотыми глазами водят старинный хоровод. Потом в углу на затоптанном полу я нашел обрывок пожелтевшего письма. На нем вылинявшими чернилами было написано:

“Berestetchko, 1820. Paul, mon bien aimé, on dit que l’empereur Napoléon est mort, est-ce vrai? Moi, je me sens bien, les couches ont été faciles, notre petit héros achève sept semaines...”²⁶⁶

А внизу не умолкает голос военкомдива. Он страстно убеждает озадаченных мещан и обворованных евреев:

— Вы — власть. Все, что здесь, — ваше. Нет панов. Приступаю к выборам Ревкома...» (с. 59).

В рассказе о разграблении католического храма в Берестечке — «У святого Валента» — использована та же дневниковая запись от 7 августа:

---

²⁶⁶ Берестечко, 1820. Поль, мой любимый, говорят, что император Наполеон умер, правда ли это? Я чувствую себя хорошо, роды были легкие, нашему маленькому герою исполнилось уже семь недель... (фр.) (Примеч. Бабеля).

«Древний костел, могилы польских офицеров в ограде, свежие холмы, давность — 10 дней, белые березовые кресты, все это ужасно, дом ксендза уничтожен, я нахожу старинные книги, драгоценнейшие рукописи латинские. Ксендз Тузинкевич — я нахожу его карточку, толстый и короткий, трудился здесь 45 лет, жил на одном месте, схоластик, подбор книг, много латыни, издания 1860 г<ода>, вот когда жил Тузинкевич, квартира старинная, огромная, темные картины, снимки со съездов прелатов в Житомире, портреты папы Пия X, хорошее лицо, изумительный портрет Сенкевича — вот он экстракт нации <...> К<a>к это ново для меня — книги, душа католического патера, иезуита, я ловлю душу и сердце Тузинкевича и я ее поймал <...> Ужасное событие — разграбление костела, рвут ризы, драгоценные сияющие материи разодраны, на полу, сестра милосердия утащила три тюка, рвут подкладку, свечи забраны, ящики выломаны, буллы выкинуты, деньги забраны, великолепный храм — 200 лет, что он видел (рукописи Тузинкевича), сколько графов и хлопов, великолепная ит<альянская> живопись, розовые патеры, качающие младенца Христа, великолепный темный Христос, Рембрандт, Мадонна под Мурильо, а м<ожет> б<ыть> Мурильо, и главное — эти святые упитанные иезуиты, фигурка китайская жуткая за покрывалом, в малиновом кунтуше, бородатый еврейчик, лавочка, сломанная рака, фигура св<ятого> Валента. Служитель трепещет, к<a>к птица, корчится; мешает русскую речь с польской, мне нельзя прикоснуться, рыдает. Зверье, они пришли, чтобы грабить, это так ясно, разрушаются старые боги» (с. 156–157).

Из дневниковой записи можно понять, что ксендз Тузинкевич жил в середине — конце XIX в. Однако в рассказе он современник происходящих событий, хотя целый ряд деталей из дневника сохранен:

«Дивизия наша заняла Берестечко вчера вечером. Штаб остановился в доме ксендза Тузинкевича. Переодевшись бабой, Тузинкевич бежал из Берестечка перед вступлением наших войск. О нем я знаю, что он сорок пять лет возился с богом в Берестечке и был хорошим ксендзом. Когда жители хотят, чтобы мы это поняли, они говорят — его любили евреи. При

Тузинкевиче обновили древний костел. Ремонт кончили в день трехсотлетия храма. Из Житомира приехал тогда епископ. Прелаты в шелковых рясах служили перед костелом молебн. Пузатые и благостные — они стояли, как колокола в росистой траве. Из окрестных сел текли покорствующие реки. Мужичье преклоняло колена, целовало руки, и на небесах в тот день пламенели невиданные облака. Небесные флаги веяли в честь старого костела. Сам епископ поцеловал Тузинкевича в лоб и назвал его отцом Берестечка, *pater Bérestetchka*» (с. 70).

Осквернение храма передано в рассказе несколькими штрихами:

«Мы вбежали во двор, прошли сумрачный коридор и попали в квадратную комнату, пристроенную к алтарю. Там хозяйничала Сашка, сестра 31-го полка. Она копалась в шелках, брошенных кем-то на пол. Мертвенный аромат парчи, рассыпавшихся цветов, душистого тления лился в ее трепещущие ноздри, щекоча и отравляя. Потом в комнату вошли казаки. Они захохотали, схватили Сашку за руки и кинули с размаху на гору материй и книг. Тело Сашки, цветущее и вонючее, как мясо только что зарезанной коровы, заголилось, поднявшиеся юбки открыли ее ноги эскадронной дамы, чугунные стройные ноги, и Курдюков, придурковатый малый, усевшись на Сашке верхом и трясясь, как в седле, притворился объатым страстью. Она сбросила его и кинулась к дверям. И только тогда, пройдя алтарь, мы проникли в костел» (с. 710).

Конкретные детали описания костела из дневника превратились в рассказе в удивительно поэтичную картину:

«Он был полон света, этот костел, он был полон танцующих лучей, воздушных столбов, какого-то прохладного веселья. Как забыть мне картину, висевшую у правого придела и написанную Аполеком? На этой картине двенадцать розовых патеров качали в люльке, перевитой лентами, пухлого младенца Иисуса. Пальцы ног его оттопырены, тело отлакировано утренним жарким потом. Дитя барахтается на жирной спинке, собранной в складки, двенадцать апостолов в кардинальских тиарах склонились над колыбелью. Их

лица выбриты до синевы, пламенные плащи оттопыриваются на животах. Глаза апостолов сверкают мудростью, решимостью, весельем, в углах их ртов бродит тонкая усмешка, на двойные подбородки посажены огненные бородавки, малиновые бородавки, как редиска в мае.

В этом храме Берестечка была своя, была обольстительная точка зрения на смертные страдания сынов человеческих. В этом храме святые шли на казнь с картинностью итальянских певцов, и черные волосы палачей лоснились, как борода Олоферна. Тут же над царскими воротами я увидел кошунственное изображение Иоанна, принадлежащее еретической и упоительной кисти Аполека. На изображении этом Креститель был красив той двусмысленной и недоговоренной красотой, ради которой наложницы королей теряют свою наполовину потерянную честь и расцветающую жизнь» (с. 71).

«Фигурка китайская жуткая за покрывалом, в малиновом кунтуше, бородатый еврейчик», упомянутая в дневнике, превратилась в рассказе в скульптурное изображение Христа:

«В глубине открывшейся ниши, на фоне неба, изборожденного тучами, бежала бородатая фигурка в оранжевом кунтуше — босая, с разодранным и кровоточащим ртом. Хриплый вой разорвал тогда наш слух <...> Я видел: человека в оранжевом кунтуше преследовала ненависть и настигала погоня. Он выгнул руку, чтобы отвести занесенный удар, и из руки пурпурным током вылилась кровь. Казачонок, стоявший со мной рядом, закричал и, опустив голову, бросился бежать, хотя бежать было не от чего, потому что фигура в нише была всего только Иисус Христос — самое необыкновенное изображение бога из всех виденных мною в жизни.

Спаситель пана Людомирского был курчавый жиденок с клочковатой бородкой и низким, сморщенным лбом. Впалые щеки его были покрашены кармином, и над закрывшимися от боли глазами выгнулись тонкие рыжие брови.

Рот его был разодран, как губа лошади, польский кунтуш его был охвачен драгоценным поясом, и под кафтаном корчились фарфоровые ножи, накрашенные, босые, изрезанные серебряными гвоздями» (с. 72).

О слугителе костела в дневнике написано совсем коротко. В рассказе дано подробное описание его внешности и поступков:

«Людомирский выполз неизвестно откуда. Он вошел в костел ровным шагом с опущенной головой. Старик не решился накинуть покрывала на выброшенные мощи, потому что человеку простого звания не дозволено касаться святыни. Звонарь упал на голубые плиты пола, поднял голову, и синий нос его стал над ним, как флаг над мертвецом. Синий нос трепетал над ним <...>

Пан Людомирский в зеленом сюртуке стоял под статуей. Он простер над нами иссохшую руку и проклял нас. Казаки выпучили глаза и развесили соломенные чубы. Громовым голосом звонарь церкви святого Валента предал нас анафеме на чистой латыни. Потом он отвернулся, упал на колени и обнял ноги Спасителя» (с. 72).

Рассказ «Чесники» связан с рейдом на Замостье. В начальном эпизоде о подготовке к атаке использована дневниковая запись от 31 августа 1920 года: «Предстоит атака. Бригады накапливаются в лесу — версты 2 от Чесники. — Ворошилов и Буденный все время с нами <...> Ворошилов, коротенький, седеющий, в красных штанах с серебряными лампасами, все время торопит, нервирует, подгоняет Апанасенку, почему не подходит 2<-я> бригада. Ждем подхода 2<-й> бригады. Время тянется мучительно долго. Не торопить меня, т<оварищ> Ворошилов. Ворошилов — все погребло к и м. — Буденный молчит, иногда улыбается, показывая ослепительные белые зубы. Надо сначала пустить бригаду, потом полк. Ворошилову не терпится, он пускает в атаку всех, кто есть под рукой. Полк проходит перед Ворош<иловым> и Буд<енным>. Ворош<илов> вытянул огромный револьвер, не давая панам пощады, возглас принимается с удовольствием. Полк вылетает нестройно. Ура, даешь, один скачет, другой задерживает, третий рысью, кони не идут,

котелки и ковры. Наш эскадрон идет в атаку. Скачем версты четыре. Они колоннами ждут нас на холме. Чудо — никто не пошевелился. Выдержка, дисциплина. Офицер с черной бородой. Я под пулями. Мои ощущения. Бегство. Военкомы заворачивают. Ничего не помогает. К счастью<,> они не преследуют, иначе была бы катастрофа. Стараются собрать бригаду для второй атаки, ничего не получается» (с. 176).

В начале рассказа, где описывается подготовка к атаке, те же действующие лица, что и в дневнике, — Буденный, Ворошилов и Апанасенко, послуживший прототипом Павличенко (в первой публикации в № 3 журнала «Красная новь» за 1924 год сохранена подлинная фамилия начдива):

«Шестая дивизия скопилась в лесу, что у деревни Чесники, и ждала сигнала к атаке. Но Павличенко, начдив шесть, поджидал вторую бригаду и не давал сигнала. Тогда к начдиву подъехал Ворошилов. Он толкнул его мордой лошади в грудь и сказал:

— Вольним, начдив шесть, вольним.

— Вторая бригада, — ответил Павличенко глухо, — согласно вашего приказа идет на рысях к месту происшествия.

— Вольним, начдив шесть, вольним, — сказал Ворошилов и рванул на себе ремни. Павличенко отступил от него на шаг.

— Во имя совести, — закричал он и стал ломать сырые пальцы, — во имя совести, не торопить меня, товарищ Ворошилов...

— Не торопить, — прошептал Клим Ворошилов, член Реввоенсовета, и закрыл глаза. Он сидел на лошади, глаза его были прикрыты, он молчал и шевелил губами. Казак в лаптях и в котелке смотрел на него с недоумением. Штаб армии, рослые генштабисты в штанах, краснее, чем человеческая кровь, делали гимнастику за его спиной и пересмеивались. Скачущие эскадроны шумели в лесу, как шумит ветер, и ломали ветви. Ворошилов расчесывал маузером гриву своей лошади.

— Командарм, — закричал он, оборачиваясь к Буденному, — скажи войскам напутственное слово. Вот он стоит на холмике, поляк, стоит, как картина, и смеется над тобой...

Поляки, в самом деле, были видны в бинокль. Штаб армии вскочил на коней, и казаки стали стекаться к нему со всех сторон <...>

— Даешь Варшаву! — закричал казак в лаптях и в котелке, выкатил глаза и рассек саблей воздух.

— Даешь Варшаву! — закричал Ворошилов, поднял коня на дыбы и влетел в середину эскадронов.

— Бойцы и командиры, — сказал он со страстью, — в Москве, в древней столице, борется небывалая власть. Рабоче-крестьянское правительство, первое в мире, приказывает вам, бойцы и командиры, атаковать неприятеля и привезти победу.

— Сабли к бою, — отдаленно запел Павличенко за спиной командарма, и вывороченные малиновые его губы с пеной заблестели в рядах. Красный казакин начдива был оборван, мясистое, омерзительное его лицо искажено. Клинком неопенимой сабли он отдал честь Ворошилову.

— Согласно долгу революционной присяги, — сказал начдив шесть, хрипя и озираясь, — докладую Реввоенсовету Первой Конной: вторая непобедимая кавбригада на рысях подходит к месту происшествия.

— Делай, — ответил Ворошилов и махнул рукой. Он тронул повод, Буденный поехал с ним рядом. Они ехали рядом на длинных рыжих кобылах, в одинаковых кителях и в сияющих штанах, расшитых серебром. Бойцы, подвывая, двигались за ними, и бледная сталь мерцала в сукровице осеннего солнца» (с. 93–94).

А вот окончание записи от 31 августа: «Стараются собрать бригаду для второй атаки, ничего не получается <...> Ап<анасенко> мрачен, Ш<еко> жалок. — Разговоры о том, что армия не та, пора на отдых. Что дальше. Ночуем в Чесники — смерзли, устали, молчим, непролазная, засасывающая грязь, осень, дороги разбиты, тоска. Впереди мрачные перспективы» (с. 176–

177) — по содержанию и особенно по настроению противоположно окончанию рассказа: «Ветер прыгал между ветвями, как обезумевший заяц, вторая бригада летела сквозь галицийские дубы, безмятежная пыль канонады восходила над землей, как над мирной хатой. И по знаку начдива мы пошли в атаку, незабываемую атаку при Чесниках» (с. 95).

В рассказе «Сын рабби» использована дневниковая запись, сделанная в Киверцах 12 сентября 1920 года: «Утром — паника на вокзале. Артстрельба. Поляки в городе <...> Невообразимое жалкое бегство <...> Поезд отправляется быстро, солдаты и обозы бегут, раненые с искаженными лицами скачут к нам в вагон, политработник, задыхающийся, у которого упали штаны, еврей с тонким просвечивающим лицом, м<ожет> б<ыть,> хитрый еврей <...> вскакивают дезертиры с сломанными руками, больные из санлетучки» (с. 181).

Из этой дневниковой записи Бабель взял только две детали: о попытках раненых проникнуть в поезд и об упавших штанах еврея-политработника, который в рассказе стал Ильей Брацлавским, сыном житомирского цадика:

«И вот третьего дня, Василий, полки двенадцатой армии открыли фронт у Ковеля. В городе загрела пренебрежительная канонада победителей. Войска наши дрогнули и перемешались. Поезд политотдела стал уползать по мертвой спине полей. И чудовищная Россия, неправдоподобная, как стадо платяных вшей, затопала лаптями по обе стороны вагонов. Тифозное мужичье катило перед собой привычный горб солдатской смерти. Оно прыгало на подножки нашего поезда и отваливалось, сбитое ударами прикладов. Оно сопело, скреблось, летело вперед и молчало. А на двенадцатой версте, когда у меня не стало картошки, я швырнул в них грудой листовок Троцкого. Но только один из них протянул за листовкой грязную мертвую руку. И я узнал Илью, сына житомирского рабби. Я узнал его тотчас, Василий. И так томительно было видеть принца, потерявшего штаны, переломленного надвое солдатской котомкой, что мы, преступив правила, втащили его к себе в вагон» (с. 101).

Дальнейшее повествование в рассказе об Илье Брацлавском на фронте Гражданской войны и его смерти в поезде политотдела Первой конной с дневниковой записью не связано. Кроме того, эпитет «хитрый еврей», характеризующий политработника, встреченного Бабелем в Киверцах, никакого отношения к герою рассказа не имеет.

3.3. Дневник как источник реального комментария к «Конармии»

Для одних рассказов или их центральных эпизодов дневниковые записи составили сюжетную основу, для других стали источником комментирования отдельных реалий, позволяющим в то же время проследить, как подмеченные в жизни детали воплотились в художественный образ. Например, окончание рассказа «Путь в Броды» можно прокомментировать отрывками из дневниковых записей от 26 июля и от 3 августа 1920 года.

Вот финальный фрагмент рассказа:

«На пригорке сугулилась мазаная деревушка Клекотов. За перевалом нас ждало видение мертвенных и зубчатых Брод. Но у Клекотова нам в лицо звучно лопнул выстрел. Из-за хаты выглянули два польских солдата. Их кони были привязаны к столбам. На пригорок деловито въезжала легкая батарея неприятеля. Пули нитями протянулись по дороге <...>

О Броды! Мумии твоих раздавленных страстей дышали на меня непреодолимым ядом. Я ощущал уже смертельный холод глазниц, налитых стынувшей слезой. И вот — трясущийся галоп уносит меня от выщербленного камня твоих синагог...» (с. 34).

Образ «мертвенных и зубчатых Брод» вырос из дневниковой записи от 26 июля 1920 года: «На рассвете Броды, все это ужасно — везде проволока, обгоревшие трубы, малокровный город, пресные дома, говорят, здесь есть товары, наши не преминут, здесь были заводы <...> русское военное кладбище и поистине <...> безвестные одинокие кресты у могил — русские солдаты <...> Белая совсем дорога, вырубленные леса, все исковеркано, галичане на дорогах, австрийск<ая> форма, босые с трубками, что в их лицах, какая тайна

ничтожества, обыденщины, покорности» (с. 144). Также в этой записи упомянута разрушенная синагога, правда, по контексту непонятно, что она находилась именно в Бродах.

О Бродах Бабель записал в дневнике и 3 августа: «Та же ужасная картина, полуразрушено, город ждет снова» (с. 151). И далее об упомянутой в рассказе деревушке Клекотов: «Говорят, что начдив в Клекотове, пробыли в опустошенных, предчувствующих Бродах часа два, чай в парикмахерской <...> Ехать или не ехать. Едем на Клекотов, сворачиваем с Лешнювского шоссе, неизвестность, поляки или мы, едем на ощупь, лошади замучены, хромает все сильнее, едим в селе картошку, показываются бригады, неизъяснимая красота, грозная сила двигается, бесконечные ряды...» (с. 151–152).

В начале рассказа «Афонька Бида» есть отрывок о пехоте:

«Фронт под Лешнювом держала пехота. Вдоль криво накопанных ямок слонялось белесое босое волынское мужичье. Пехоту эту взяли вчера от сохи для того, чтобы образовать при Конармии пехотный резерв. Крестьяне пошли с охотою. Они дрались с величайшей старательностью. Их сопящая мужицкая свирепость изумила даже буденновцев. Ненависть их к польскому помещику была построена из невидного, но добротного материала.

Во второй период войны, когда гиканье перестало действовать на воображение неприятеля и конные атаки на окопавшегося противника сделались невозможными, — эта самодельная пехота принесла бы Конармии величайшую пользу. Но нищета наша превозмогла. Мужикам дали по одному ружью на троих и патроны, которые не подходили к винтовкам. Затею пришлось оставить, и подлинное это народное ополчение распустили по домам» (с. 65).

Источником этого отрывка послужила запись в дневнике от 1 августа 1920 года: «Бой под Лешнювым. Наша пешка в окопах, это замечательно, волынские босые, полудиотические парни — русская деревня, и они действительно сражаются против поляков, против притеснявших панов <...>

Нет ружей, патроны не подходят, эти мальчишки слоняются по облитым зноем окопам, их перемещают с одной опушки на другую» (с. 149–150).

Ряд военных и бытовых реалий из рассказа «Иваны» также можно прокомментировать дневниковыми записями. Книжная версия рассказа была дополнена отсутствовавшим в первой публикации в журнале «Русский современник» (1924. № 1) отрывком: «В этот день, двадцать второго июля, поляки быстрым маневром исковеркали тыл нашей армии, они ворвались с налета в местечко Козин и пленили многих бойцов из состава одиннадцатой дивизии. Эскадроны шестой дивизии были брошены в район Козина для противодействия противнику. Молниеносное маневрирование частей искромсало движение обозов...» (с. 79).

Этому отрывку соответствует короткая запись, сделанная Бабелем по горячим следам, 23 июля 1920 года: «...слухи тяжелые и<, > вероятно<, > нелепые<, > и эти слухи — несмотря на цепь наших побед. Две бригады 11<-й> дивизии в плену, поляки захватили Козин, несчастный Козин, что там будет» (с. 139–140).

Далее в рассказе идет фраза: «Окоченевший от отчаяния, я встретил их после боя под Хотинном» (с. 79), комментарием к которой может служить начало дневниковой записи от 24 июля: «б<-я> дивиз<ия> ликвидирует пр<отивни>ка, напавшего на нас в Хотине, район боев Хотин—Козин» (с. 141).

Как уже говорилось, даты, проставленные Бабелем под конармейскими рассказами, обозначали не период работы над ними, а время отраженных в них событий. Ни в первой публикации, ни в книге рассказ «Иваны» не был датирован. Видимо, это произошло потому, что даты событий ушли в текст, о чем свидетельствуют приведенные отрывки из рассказа и дневника.

В «Иванах» есть связанные с войной бытовые детали, источником которых послужили дневниковые записи начала августа.

Для конармейских рассказов Бабеля характерно сочетание на небольшом пространстве текста проникновенного лиризма с

физиологическими, подчас шокирующими, подробностями. Как, например, этот эпизод на фоне ночного пейзажа из «Иванов»:

«Ночь летела ко мне на резвых лошадях. Вопль обозов оглашал вселенную. На земле, опоясанной визгом, потухали дороги. Звезды выползали из прохладного брюха ночи, и брошенные села воспламенялись над горизонтом. Взвалив на себя седло, я пошел по развороченной меже и у поворота остановился по своей нужде. Облегчившись, я застегнулся и почувствовал брызги на моей руке. Я зажег фонарик, обернулся и увидел на земле труп поляка, залитый моей мочой. Она выливалась у него изо рта, брызгала между зубов и стояла в пустых глазницах. Записная книжка и обрывки воззваний Пильсудского валялись рядом с трупом. В тетрадке поляка были записаны карманные расходы, порядок спектаклей в краковском драматическом театре и день рождения женщины по имени Мария-Луиза. Воззванием Пильсудского, маршала и главнокомандующего, я стер вонючую жидкость с черепа неведомого моего брата и ушел, сгибаясь под тяжестью седла» (с. 79–80).

В этом фрагменте использованы две дневниковые записи.

7 августа 1920 года по дороге из Хотина и Берестечко писатель увидел «труп убитого поляка, страшный труп, вздутый и голый» (с. 156).

А немного раньше, 3 августа, Бабель описал в дневнике поле, на котором остались лежать павшие во время боя: «...страшное поле, усеянное порубленными, нечеловеческая жестокость, невероятные раны, проломленные черепа, молодые белые нагие тела сверкают на солнце, разбросанные записные книжки, листки, солдатские книжки, Евангелия <...> тела в жите» (с. 152).

Эти записи получили продолжение в двух предварительных набросках.

«<11> Бой под Бр<одами>»: «Воззв<ания> Пильс<удского> <...> Убитые, зарубленные, солнце, пшеница, солдатские книжки, листки Евангелия» (с. 187);

«<13> Бой под Бр<одами>»: «Выхожу по естественной нужде... Труп. Блещущий день... Все усеяно трупами, совершенно незаметными среди ржи. — Воззвания Пильсудского» (с. 187).

Конармейский дневник Бабеля нередко позволяет сравнить прототип и созданный на его основе образ.

В дневнике дано несколько ярких характеристик начальника 6-й дивизии Тимошенко (в книге Савицкий).

Белев, 14 июля 1920 года: «Начдив Тимошенко в штабе. Колоритная фигура. Колосс, красные полукожаные штаны, красная фуражка, строен, из взводных, был пулеметчиком, арт<иллерийский> прапорщик в прошлом. Легендарные рассказы» (с. 132);

Броды, Лешнюв, 31 июля: «К вечеру приехал начдив, великолепная фигура, всегда с позиции...» (с. 149);

Гржималовка, Лешнюв, 1 августа: «...огромное самообладание Тимошенко. Книга апатичен, Тим<ошенко>: если не выбьет — расстреляю, передай на словах, все же начдив усмехается» (с. 149).

Среди предварительных набросков есть и посвященный начдиву — «<41> Тимошенко»: «C'est superbe²⁶⁷! — Декоративный начдив. — Переезд, красная фуражка, белый жеребец. — Спокойный, точный, чистоплотный авантюрист. Творец жизни» (с. 196).

В рассказе «Мой первый гусь» сохранится и «декоративность» начдива («Савицкий, начдив шесть, встал, завидев меня, и я удивился красоте гигантского его тела. Он встал, и пурпуром своих рейтуз, малиновой шапчонкой, сбитой набок, орденами, вколоченными в грудь, разрезал избу пополам, как штандарт разрезает небо. От него пахло недосыгаемыми духами и приторной прохладой мыла. Длинные ноги его были похожи на девушек, закованных по плечи в блестящие ботфорты»; с. 28), и его веселость («Начдив шесть подписал приказ с завитушкой, бросил его ординарцам и повернул ко

---

²⁶⁷ Это великолепно! (фр.)

мне серые глаза, в которых танцевало веселье»; с. 28), и шутливая беспощадность («...Какое уничтожение <...> возлагаю на ответственность того же Чеснокова вплоть до высшей меры, которого и шлепну на месте, в чем вы, товарищ Чесноков, работая со мною на фронтах не первый месяц, не можете сомневаться»; с. 28).

В рассказе «Берестечко» на митинге в честь Второго Конгресса Коминтерна выступал военкомдив Виноградов. Прототипом послужил военный комиссар 6-й дивизии Винокуров (в первой публикации «Берестечка» в № 3 журнала «Красная новь» комиссар 6-й дивизии действует под своей подлинной фамилией), сменивший на этом посту в начале августа 1920 года П.В. Бахтурова. Первый раз о новом военкоме дивизии Бабель упоминает в дневнике 6 августа: «Утром уезжает Бахтуров, за ним свита, слежу за работой нового военкома, тупой, но обтесавшийся московский рабочий...» (с. 155). 7 августа Винокуров впервые упомянут в дневнике по фамилии — в приведенной выше записи о митинге в парке замка в Берестечке.

И далее о нем идет речь еще в нескольких дневниковых записях, которые свидетельствуют о том, что Бабелю приходилось довольно близко общаться с новым военкомом. 10 августа Винокуров рассказывает Бабелю о новом начдиве Апанасенко (см. с. 160). 12 августа Бабель отметил в дневнике: «Винокуров — типичный военком, гнет свою линию, хочет исправлять б<ю> дивизию, борьба с партизанщиной, тяжелодум, морит меня речами, иногда груб, всем на ты» (с. 161). 13 августа в Нивице сделал такую запись: «Сплю в классе, на соломе рядом с Винокуровым» (с. 162). 15 августа: «Ночевка в Яблоновке с Винокуровым» (с. 162). 18 августа вновь вспомнил о ночевке в Нивице: «Ночую с Винокуровым» (с. 163) и далее: «Утром с Винокуровым на переправу» (с. 164). 1 сентября в Теремине Бабель отметил в дневнике, что Винокуров не дал прочесть армейского приказа Я.В. Шеко, контуженному начальнику штаба 6-й дивизии (см. с. 177).

Эти короткие записи о Винокурове Бабель разрабатывал впоследствии в нескольких предварительных набросках к «Конармии»:

«<29> Терebin.

Обстановка после поражения. Шеко и Винокуров» (с. 193);

«<40> Ап<анасенко> и Винокуров.

Случай с Яковлевым — Козаки на поклон. Винокуров гнет свою линию
<...>

Апанасенко приходит извиняться... Винокуров хитрит, хлопает по спине...» (с. 195);

«<43> Три военкома.

Прощание с Бахт<уровым>. Губанов, Ширяев, Винокуров...» (с. 196).

В рассказе «После боя» фамилией Виноградов Бабель также наделил начальника политотдела 6-й дивизии, который поручил Лютову собрать разбежавшихся бойцов, однако прототипов второго Виноградова послужил начальник политотдела 6-й дивизии Яковлев, упоминаемый в дневнике 17 июля, 11, 12, 18 августа и 11 сентября 1920 года.

В том же рассказе «После боя» есть эпизод с участием командира эскадрона Воробьева:

«Я ехал, не видя пути, я ехал, не оборачиваясь, пока не встретил Воробьева, командира первого эскадрона. Воробьев искал своих квартирьеров и не находил их. Мы добрались с ним до деревни Чесники и сели там на лавочку вместе с Акинфиевым, бывшим повозочным ревтрибунала. Мимо нас прошла Сашка, сестра 31-го кавполка, и два командира подсели на лавочку. Командиры эти задремывали и молчали, один из них, контуженный, неудержимо качал головой и подмигивал выкатившимся глазом. Сашка пошла сказать об нем в госпиталь и потом вернулась к нам, таща лошадь на поводу. Кобыла ее упиралась и скользила ногами в мокрой глине.

— Куда паруса надула? — сказал сестре Воробьев. — Посиди с нами, Саш...

— Не сяду я с вами, — ответила Сашка и ударила кобылу в живот, — не сяду...

— Что так? — закричал Воробьев, смеясь, — али ты, Саш, передумала с мужчинами чай пить?..

— С тобой передумала, — обернулась баба к командиру и бросила повод далеко от себя, — передумала я, Воробьев, с тобой чай пить, потому видала я вас сегодня, герои, и твою некрасоту видала, командир...» (с. 97)

«Воробьев принял 2<-й> эскадрон. — Солдаты довольны» (с. 169), — отмечает Бабель в дневнике 21 августа 1920 года. А из записи от 23–24 августа выясняется, что Воробьев бывший комендант, «неизменно веселый и, кажется, глупый человек» (с. 170). Комментарием к приведенному отрывку из рассказа «После боя» может служить упоминание Воробьева в дневниковой записи от 31 августа: «Веселый дураковатый Воробьев, рассказывает о своих подвигах, подскочил, 4 выстрела в упор. Апанас<енко> неожиданно оборачивается, ты сорвал атаку, мерзавец» (с. 176). Еще один раз в дневнике фамилия Воробьева встречается 1 сентября, вновь в связи с атакой при Чесниках: «Бесконечные разговоры о вчерашней атаке, вранье, искреннее сожаление, бойцы молчат. Дурак Воробьев звонит. Его оборвал Начдив» (с. 177).

Эти качества Воробьева — «веселый дураковатый» — Бабель перенес в рассказ.

Продолжим цитату из «После боя»:

— А когда видала, — пробормотал Воробьев, — так и стрелять было в пору...

— Стрелять, — с отчаянием сказала Сашка и сорвала с рукава госпитальную повязку, — этим, что ли, стрелять мне?» (с. 97)

Для данной сцены Бабель использовал фрагмент записи от 31 августа, в котором Воробьев не упоминается: «Героини-сестры <...> Рассказ сестры — есть сестры, которые только симпатию устраивают, мы помогаем бойцу, все тяготы с ним, стреляла бы в таких, да чем стрелять будешь, х-м, да и того нет» (с. 176).

Здесь речь явно идет не о Сашке, а о какой-то другой медсестре, и адресат ее гнева — «сестры, которые только симпатию устраивают», а не буденновские командиры.

«Дама всех эскадронов» Сашка — персонаж нескольких конармейских рассказов: «У святого Валента», «Вдова», «Чесники», «После боя». Прототипом для нее послужила медсестра Шурка, ее имя встречается в дневнике Бабея. Так, 24 июля 1920 года он записал: «...распаренная и растрясенная комиссарская Шурка, свежина с картошкой, берут все сено, носят овес, картошка пудами, девочка сбивается с ног, остатки благоустроенного хозяйства <...> Вакханалия. Сдобная Гусевская Шурка со свитой, красноармейцы — дрянь, обозники, все это топчется на кухне, сыплет картошку, ветчину, пекут коржи» (с. 140).

В наброске «<44> Порядок» писатель намечает сюжет будущего рассказа: «Отступление — о женщинах в Конармии — Шурка Гусевская, припускают жеребцов²⁶⁸ <...> Шурка. — Ал<ександра> Вас<ильевна> — начдив за занавешенным окном, тайна <...> успеха <...> О женщинах в Конармии. — Гусев и Шурка. — Его презирают — он труслив, — военком тыла, эта толстая Сашка, со свиным рылом, она с безмятежным видом ест, она знает, зачем она здесь и не понимает, почему ей надо заниматься еще всякими другими обязанностями» (с. 196–197).

В рассказе «Вдова» (первоначально — «Шевелев») есть такая сцена:

«И, закрыв глаза, торжественный, как мертвец на столе, Шевелев стал слушать бой большими восковыми своими ушами. Рядом с ним Левка жевал мясо, хрустя и задыхаясь. Кончив мясо, Левка облизал губы и потащил Сашку в ложбинку.

— Саш, — сказал он, дрожа, отрываясь и вертя руками, — Саш, как перед богом, все одно в грехах, как в репьях...²⁶⁹ Раз жить, раз подыхать.

---

²⁶⁸ Этот набросок был использован в эпизоде случки принадлежавшего начдиву кровного жеребца Урагана с кобылой Сашки в рассказе «Чесники».

²⁶⁹ Поговорка приведена в наброске «<12> Бой под Бр<одами>» как поговорка Конкина (см. с. 187).

Поддайся, Саш, отслужу хучь бы кровью... Век его прошел, Саш, а дней у бога не убыло...

Они сели на высокую траву. Медлительная луна выползла из-за туч и остановилась на обнаженном Сашкином колене»²⁷⁰.

Эта сцена в несколько измененном виде, но с теми же действующими лицами взята из дневниковой записи от 9 августа 1920 года: «Другой рассказ о сестре милосердия Шурке. Ночь, бой, полки строятся, Левка в фаэтоне, сожитель Шуркин тяжело ранен, отдает Левке лошадь, они отвозят раненого, возвращаются к бою. Ах, Шура, раз жить, раз помирать. Ну, да, ладно. Она была в заведении в Ростове, скачет в строю на лошади, может отпустить пятнадцать. А теперь, Шурка, поедем, отступаем, лошади запутались в проволоке, проскакал 4 версты, село, сидит, рубит проволоку, проходит полк, Шура выезжает из рядов, Левка готовит ужинать, жрать охота, поужинали, поговорили, идем, Шура, еще разок. Ну, ладно. А где? — Ускакала за полком, пошел спать» (с. 158–159).

Одним из действующих лиц рассказов «Путь в Броды», «Учение о тачанке» и «Смерть Долгушова» является повозочный Грищук. Он же герой одноименного рассказа, опубликованного писателем единственный раз в одесских «Известиях» 23 февраля 1923 года, но не включенного им в книгу «Конармия». Не раз на страницах дневника Бабель не просто упоминает, но дает довольно подробные описания повозочного (в дневнике встречается написание фамилии Гришчук): «Свыкаюсь со штабом, у меня повозочный 39-летн<ий> Гришчук, 6 лет в плену в Германии, 50 верст от дому (он из Кременецкого у<езда>) не пускают, молчит» (14 июля; с. 131–132); «Грищук апатичен совершенно. Что такое Грищук, покорность, тишина бесконечная, вялость беспредельная. 50 верст от дому, 6 л<ет> не был дома, не убегает. — Знает, что такое начальство, немцы научили» (19 июля; с. 136); «Грищук кажется мне иногда ужасным — забит? Немцы, эта жующая челюсть. —

---

²⁷⁰ В 1931 году фрагмент со слов «хрустя и задыхаясь» до слов «Они сели на высокую траву» был изъят из текста рассказа.

Описать Грищука <...> Грищук сияет, ему дали яичницу с салом, прекрасная, тенистая клуня, клевер. Отчего Грищук не убегает» (21 июля; с. 137–138); «Грищуку 50 верст от дому. Он не убегает» (23 июля²⁷¹; с. 141); «Беда с Грищуком — он в каком-то остоленении, ходит, как сомнамбула, лошадей кормит слабо, о бедах заявляет *post-factum*²⁷², благоволит к мужикам и детям» (24 июля; с. 143); «Начдив ускакал и прискакал. И начинается странствие, и снова ночь без сна, обозы, таинственный Грищук, лошади идут бесшумно, брань, леса, звезды...» (26 июля; с. 144); «Грищук, окаменелый, плохо ухаживает за конями, оказывается, он приучен голодом» (28 июля; с. 145); «У меня новый кучер — поляк Говинский. Грищук идет домой, иногда — он прорывается — я замученный, по-немецки он не мог научиться, п<отому> ч<то> хозяин у него был серьезный, они только ссорились, но никогда не разговаривали. — Оказывается еще — он голодал семь месяцев, а я <...> скупое давал ему пищу <...> Говинский и Грищук спят — злоба. Заснул к четырем часам, стук в дверь — ехать. Паника, неприятель у местечка, стрельба из пулеметов, поляки приближаются. Все скачет <...> Лошадей не могут вывести, ломают ворота. Грищук с своим отвратительным отчаянием, нас четыре человека, лошади не кормлены, надо заехать за сестрой, Грищук и Говинский хотят ее бросать, я кричу не своим голосом — сестра!» (29 июля; с. 147); «Унылый рассвет. Надоела сестра. Где-то бросили Грищука. Дай ему Бог» (30 июля; с. 147).

Несколько сюжетов, связанных с Грищуком, намечены в «Планах и набросках к “Конармии”». Наиболее интересен набросок «<5> Демид<овка> 3»:

«Грищук не хочет бежать. Голова моя горит — я гублю свою репутацию начальника.

Он — поймают, голова моя кружится, я говорю торопливо и страстно <...> пулеметчики уезжают со двора, я бросаюсь к Грищуку. — Беги — он

---

²⁷¹ Основная часть дневниковой записи от 23 июля 1920 года, в которой фигурирует Грищук, приведена выше.

²⁷² Постфактум, задним числом (*лат.*).

отказывается, его теплая тугая спина, раздутое тело, беспредельно печальное небо над нами» (с. 185).

Грищуку посвящен и отдельный набросок «<35> Грищук»:

«I. Белев, обморок Грищука.

Две России. Уехал шесть лет тому назад. Приехал — что увидел.

Монолог Грищука. — Стиль» (с. 195).

Этот набросок отчасти использован в не вошедшем в «Конармию» рассказе «Грищук», в котором говорится о пребывании его в германском плену.

Конармейский дневник Бабеля стал подготовительным материалом и главным источником большинства конармейских рассказов. Одна дневниковая запись могла послужить источником нескольких рассказов и, наоборот, один рассказ мог аккумулировать в себе фрагменты нескольких записей. Для каких-то рассказов дневниковые записи явились основой сюжета или центрального эпизода, в других отразились отдельными деталями. Соответственно эти записи могут быть использованы либо для историко-литературного, либо для реального комментария. Часть конармейских рассказов не связана с дневником. В дневнике есть записи, которые не были использованы в «Конармии», однако несколько записей нашли отражение в более поздних рассказах Бабеля.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К середине 1920 года, то есть ко времени появления в Первой конной армии, Бабель обладал определенным опытом писателя и журналиста.

Походный дневник, который он вел, находясь там, дошел до нас не полностью. Однако можно с немалой долей вероятности говорить о том, что мы располагаем бóльшей и крайне важной частью дневника. Сохранившиеся записи охватывают период с 3 июля по 15 сентября 1920 года. Нельзя исключить, что начало дневника (первые 54 страницы) было утеряно еще во время польской кампании, о чем косвенно свидетельствуют записи в сохранившейся его части.

В отличие от дневников многих писателей XX века, которые велись на протяжении ряда лет, конармейский дневник Бабеля охватывает совсем короткий период в два с половиной месяца. Однако этот дневник занимает особое место в литературном наследии писателя и является, пожалуй, самой ценной из немногочисленных дошедших до нас его рукописей.

Ведя дневник, Бабель ставил целью как можно больше увидеть и запомнить, чтобы потом описать в книге о Гражданской войне. Дневник послужил подготовительным материалом и главным источником «Конармии», либо став основой сюжета, либо закрепившись отдельными деталями в большинстве конармейских рассказов. Именно дневник является основным источником историко-литературного и реального комментария к книге.

Конармейский дневник исторически достоверен — многие записи подтверждаются документами Первой конной армии и свидетельствами ее участников. Можно говорить и об исторической ценности дневника — в нем отражены события советско-польской войны и ряд деталей, которых нельзя найти в официальной хронике или опубликованных в 1930–1960-е годы свидетельствах очевидцев. Дневник Бабеля позволяет установить дату начала ведения журнала военных действий в Первой конной армии в период Гражданской войны.

Вместе с тем дневник является самостоятельным произведением документальной прозы. Ему присущи внутреннее действие, сюжет со всеми его компонентами (завязкой, кульминацией и развязкой), образность, стилевое разнообразие.

Дневниковые записи, в течение двух с половиной месяцев делавшиеся почти ежедневно, содержат краткое описание военных событий, бытовые зарисовки, характеристики командного состава армии, рядовых бойцов и штабных работников. Эти записи дают возможность судить о соотношении факта и вымысла в конармейских рассказах.

Когда Горький в 1928 году должен был возражать Буденному на страницах «Правды», беря Бабеля под свою защиту, он настаивал на праве писателя на вымысел и художественное обобщение: «Вы говорите, что Бабель “плелся где-то с частицей глубоких тылов”. Это не может порочить ни Бабеля, ни его книгу. Для того, чтобы сварить суп, повар не должен сам сидеть в кастрюле. Автор “Войны и мира” лично не участвовал в драках с Наполеоном, Гоголь не был запорожцем»²⁷³.

Однако в отличие от Л.Н. Толстого и Н.В. Гоголя Бабель стал непосредственным свидетелем и даже участником событий, о которых написал в конармейских рассказах. Создавая произведение о недавнем прошлом, он опирался в первую очередь на свои дневниковые записи.

Дневник 1920 года, а также ряд выявленных в последнее время документов Первой конной, позволяет понять, что Бабель описал то, что видел и пережил на самом деле. Во многом благодаря дневнику он сумел найти для своей «Конармии» такую художественную форму, в которой яркий вымысел и фантазия органично сочетаются с фактической точностью и жизненной правдой.

Несмотря на имеющиеся к настоящему моменту исследования о конармейском дневнике Бабеля, его дальнейшее изучение представляется

---

²⁷³ Горький М. Ответ С. Буденному // Правда. 1928. 27 ноября. С. 5.

перспективным: продолжение работы с архивными документами Первой конной армии, возможно, позволит расширить реальный исторический комментарий к дневнику, а сопоставление дневника Бабея с дневниками писателей-современников — обнаружить как их общие типологические черты, так и различия.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные источники

1. *Бабель И.Э.* <Дневник 1920 года>. Автограф (Частное собрание, США).
2. *Бабель И.Э.* <Планы и наброски к «Конармии»> (Частное собрание, США).
3. *Бабель И.Э.* «Костел в Новограде». Рассказ. Набросок без начала и окончания. Автограф (Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1559. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1).
4. *Бабель И.Э.* «Мой первый гусь». Рассказ. Автограф (РГАЛИ. Ф. 2577 Оп. 1. Ед. хр. 1455).
5. *Бабель И.Э.* «Письмо», «Дьяков», «Прищеп», «Смерть Долгушова», «Колесников», «Соль», «Как это делалось в Одессе», «Король». Рассказы. Машинопись с авторской правкой (РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Ед. хр. 403).
6. *Бабель И.Э.* «Жизнеописание Павличенки, Матвея Родионыча». Рассказ. Машинопись с авторской правкой (ОР ИМЛИ. Ф. 86. Оп. 1. Ед. хр. 2).
7. *Фурманов Д.А.* Записи о встречах и беседах с И.Э. Бабелем (ОР ИМЛИ. Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 674).
8. Документы Первой конной армии (Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 245, 7673, 7675, 40895).

Печатные источники

І. Произведения И.Э. Бабеля

9. *Бабель И.Э.* На поле чести // Лава (Одесса). 1920. № 1. С. 10–13.
10. <*Бабель И.Э.*> (К. Лютов). Побольше таких Труновых! // Красный кавалерист. 1920. 13 августа. С. 3.
11. <*Бабель И.Э.*> (К.Л.). Рыцари цивилизации // Красный кавалерист. 1920. 14 августа. С. 2.

12. <Бабель И.Э.> (Л-в). Героиня-санитарка // Красный кавалерист. 1920. 31 августа. С. 3.
13. <Бабель И.Э.> (К. Лютов). Письмо в редакцию газеты «Красный кавалерист» // Красный кавалерист. 1920. 11 сентября. С. 4.
14. <Бабель И.Э.> (К. Лютов). Недобитые убийцы // Красный кавалерист. 1920. 17 сентября. С. 2.
15. <Бабель И.Э.> (К. Лютов). Ее день // Красный кавалерист. 1920. 18 сентября. С. 2.
16. Бабель И.Э. Рассказы. М.: Огонек, 1925. (Б-ка «Огонек» № 5) 30 с.
17. Бабель И.Э. Рассказы. М.; Л.: Госиздат, 1925. 108 с.
18. Бабель И.Э. Любка Козак М.: Огонек, 1925. (Б-ка «Огонек» № 64) 36 с.
19. Бабель И.Э. История моей голубятни: Рассказы. М.; Л.: Земля и фабрика, 1926. 78 с.
20. Бабель И.Э. Конармия. М.; Л.: Госиздат, 1926. 170 с.
21. Бабель И.Э. Беня Крик. Киноповесть. М.: Круг, 1926. 95 с.
22. Бабель И.Э. Блуждающие звезды: Киносценарий. М.: Кинопечать, 1926. 80 с.
23. Бабель И.Э. Рассказы. М.; Л.: Госиздат, 1927. 123 с.
24. Бабель И.Э. Конармия. 2-е изд. М.; Л.: Госиздат, 1927. 170 с.
25. Бабель И.Э. Конец св. Ипатия. М.; Л.: Земля и фабрика, 1927. 32 с.
26. Бабель И.Э. Конармия. 3-е изд. М.; Л.: Госиздат, 1928. 172 с.
28. Бабель И.Э. Конармия. 4-е изд. М.; Л.: Госиздат, 1930. 123 с.
29. Бабель И.Э. Конармия. 5–6-е изд., испр. М.; Л.: Гослитиздат, 1931. 124 с.
30. Бабель И.Э. Одесские рассказы. М.; Л.: Гослитиздат, 1931. 140 с.
31. Бабель И.Э. Рассказы. М.: Федерация, 1932. 217 с.
32. Бабель И.Э. Конармия. 7–8-е дополн. изд. М.: Гослитиздат, 1933. 135 с.
33. Бабель И.Э. Рассказы. М.: Гослитиздат, 1934. 282 с.

34. *Бабель И.Э.* Рассказы. М.: Гослитиздат, 1935. 195 с.
35. *Бабель И.Э.* Мария. Пьеса в 8 картинах. М.: Гослитиздат, 1935. 66 с.
36. *Бабель И.Э.* Рассказы. М.: Гослитиздат, 1936. 318 с.
37. *Бабель И.Э.* Избранные рассказы М.: Журн.-газ. объединение, 1936. (Биб-ка «Огонька», № 47) 40 с.
38. *Бабель И.Э.* Избранное / Предисл. И.Г. Эренбурга, сост. и подгот. текста Г.Н. Мунблита. М.: Художественная литература, 1957. 375 с.
39. *Бабель И.Э.* Из планов и набросков к «Конармии» / Публ. А.Н. Пирожковой, примеч. И.А. Смирин // Литературное наследство. Т. 74: Из творческого наследия советских писателей. М.: Наука, 1965. С. 490–499.
40. *Бабель И.Э.* Избранное / Предисл. И.Г. Эренбурга, сост. и подгот. текста Г.Н. Мунблита. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1966. 391 с.
41. *Бабель И.Э.* Избранное / Вступ. статья Л.М. Поляк, коммент. Е.А. Краснощековой. М.: Художественная литература, 1966. 494 с.
42. <*Бабель И.Э.*> Первая конная в боях и походах [Отрывки из дневника 1920 года] / Публ. А.Н. Пирожковой и С.Н. Поварцова // Литературная газета. 1971. 3 ноября. С. 6–7.
43. *Бабель И.Э.* «Детство» и другие рассказы / Подгот. текста, коммент. Э. Зихера, послесловие С. Маркиша. [Иерусалим]: Библиотека-Алия, 1979. 405 с.
44. *Бабель И.Э.* Петербург 1918 / Под ред. Э. Зихера. Ann Arbor: Ardis, 1989. 265 с.
45. *Бабель И.Э.* Пробуждение: Очерки, рассказы, киноповесть, пьеса / Подгот. текста, вступ. статья, коммент. У.М. Спектора. Тбилиси: Мерани, 1989. 431 с.
46. <*Бабель И.Э.*> «Ненавижу войну»: Из дневника 1920 года Исаака Бабея / Предисл. Г.А. Белой, публ. А.Н. Пирожковой, примеч. С.Н. Поварцова // Дружба народов. 1989. № 4. С. 238–252; № 5. С. 247–260.

47. *Бабель И.Э.* Сочинения: В 2 т. / Сост. и подгот. текста А.Н. Пирожковой, вступ. статья Г.А. Белой, коммент. С.Н. Поварцова. М.: Художественная литература, 1990. 478 с., 574 с.

48. *Бабель И.Э.* Конармия: Рассказы, дневники, публицистика. М.: Правда, 1990. 477 с.

49. *Бабель И.Э.* Планы и наброски к «Конармии» / Публ. Э.И. Когана // Литературное обозрение. 1995. № 2. С. 49–66.

50. *Бабель И.Э.* Сочинения: В 2 т. / Вступ. статья Г.А. Белой, коммент. С.Н. Поварцова. М.: Альд: Лит., 2002. 523 с., 542 с.

51. *Бабель И.Э.* Собр. соч.: В 4 т. / Сост., примеч., вступ. статьи И.Н. Сухих. М.: Время, 2006. 574 с., 408 с., 493 с., 635 с.

52. *Бабель И.Э.* Письма другу: Из архива И.Л. Лившица / Сост., предисл., подгот. текста, коммент. Е.И. Погорельской. М.: Три квадрата, 2007. 126 с.

53. *Бабель И.Э.* Собр. соч.: В 3 т. / Сост., примеч., вступ. статья И.Н. Сухих. СПб.: Азбука, 2012. 540 с., 445 с., 446 с.

54. *Бабель И.Э.* Рассказы / Сост., подгот. текстов, послесловие, коммент. Е.И. Погорельской. СПб.: Вита Нова, 2014. 656 с.

55. *Бабель И.Э.* Улица Данте. В 2 ч. / Под ред. Е.И. Погорельской. Иерусалим: Филобиблон, 2015. 55 с., 54 с.

56. *Бабель И.Э.* Конармия / Изд. подгот. Е.И. Погорельская, отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: Наука, 2018. Серия «Литературные памятники». 470 с.

57. Исаак Бабель: письма из Одессы / Предисл., публ., примеч. Е.И. Погорельской // Дерibasовская — Ришельевская: Альманах. Одесса. 2020. Вып. 80. С. 298–326.

II. Воспоминания, дневники, документы

58. *Анненков Ю.П.* Исаак Бабель // Анненков Ю.П. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. В 2 т. М.: Художественная литература, 1991. С. 299–308.

59. *Буденный С.М.* Пройденный путь. Кн. 1-я. М.: Воениздат, 1958. 447 с.

60. *Буденный С.М.* Пройденный путь. Кн. 2-я. М.: Воениздат, 1965. 391 с.
61. Воспоминания о Бабеле / Сост. А.Н. Пирожковой и Н.Н. Юргеновой. М.: Книжная палата, 1989. 333 с.
62. Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922): Сборник документов. В 4 т. Т. 3: Апрель 1920 г. — 1922 г. М.: Воениздат, 1974. 765 с.
63. *Канетти Э.* Из книги: Факел в ухе / Пер. В.Д. Седелника // Канетти Э. Человек нашего столетия: Художественная публицистика / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 474 с.
64. *Олеша Ю.К.* Книга прощания / Сост. и примеч. В.В. Гудковой. М.: Вагриус, 1999. 478 с.
65. *Олеша Ю.К.* Ни дня без строчки // Олеша Ю.К. Зависть. Три Толстяка. Воспоминания. Рассказы / Вступ. статья и примеч. И.Б. Озёрной. М.: Эксмо, 2013. С. 259–508.
66. *Орловский С.Н.* Великий год: Дневник конноармейца. М.; Л.: Госиздат, 1930. 136 с.
67. *Пирожкова А.Н.* Семь лет с Исааком Бабелем. Нью-Йорк: Слово — Word, 2001. 176 с.
68. *Пирожкова А.Н.* Я пытаюсь восстановить черты: О Бабеле — и не только о нем. Воспоминания. М.: АСТ, 2013. 605 с.
69. *Полонский В.П.* «Моя борьба на литературном фронте». Дневник. Май 1920 — январь 1932 / Публ. и коммент. С.В. Шумихина // Новый мир. 2008. № 1. С. 141–158; № 2. С. 145–159; № 3. С. 138–157; № 4. С. 125–142; № 5. С. 133–152; № 6. С. 144–163.
70. *Фурманов Д.А.* Сочинения: В 2 т. Л.: Художественная литература, 1971. Т. 2: Дневники, статьи, письма. 350 с.
71. *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь: Книги первая, вторая, третья / Изд. испр., подгот. Б.Я. Фрезинским. М.: Текст, 2005. 749 с.

Литература

72. *Абрагам К.* По следам героев И.Э. Бабеля // Параллели: Русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. № 12. М.: Дом еврейской книги, 2012. С. 104–114.

73. *Александров Р.* (Розенбойм А.Ю.). Волшебник из Одессы: По следам Исаака Бабеля. Одесса: Пласке, 2011. 247 с.

74. *Алексеева О.Я.* М.А. Шолохов в дневниках Ф.В. Гладкова // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3: Письма и дневники в русском литературном наследии XX века / Отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 429–435.

75. *Андрушко Ч.* (*Andruszko Czesław*). Жизнеописание Бабеля Исаака Эммануиловича. Познань: Университет им. Адама Мицкевича, 1993. 128 с.

76. *Антонова Е.В.* Писатели на ликвидации прорыва (по дневниковым записям А.Г. Архангельского) // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3: Письма и дневники в русском литературном наследии XX века / Отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 436–447.

77. *Бар-Селла З.* Сюжет Бабеля. М.: Неолит, 2018. 373 с.

78. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.

79. *Белая Г.А.* Закономерности стилового развития советской прозы двадцатых годов. М.: Наука, 1977. 254 с.

80. *Белая Г.А.* «Конармия» И. Бабеля: Вчера и сегодня // Белая Г.А. Дон-Кихоты 20-х годов: Перевал и судьба его идей. М.: Советский писатель, 1989. С.149–169.

81. *Белая Г.А.* Третья жизнь Исаака Бабеля // Октябрь. 1989. № 10. С. 185–197.

82. *Белая Г.А., Добренко Е.А., Есаулов И.А.* «Конармия» Исаака Бабеля. М.: Российский университет, 1993. 118 с.
83. *Бенни Як.* (Черняк Я.З.). И.Э. Бабель (в публикации ошибочные инициалы «И.И. Бабель») // Печать и революция. 1924. № 3. С. 135–139.
84. *Богомолов Н.А.* Дневники в русской культуре XX века // Тыняновский сборник: Четвертые Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1990. С. 148–158.
85. *Богомолов Н.А.* Из заметок об одном бабелевском рассказе // Дерибасовская—Ришельевская: Альманах. Вып. 45. Одесса, 2011. С. 197–204.
86. *Буденный С.М.* Бабизм Бабеля из «Красной нови» // Октябрь. 1924. № 3. С. 196–197.
87. *Буденный С.М.* Открытое письмо Максиму Горькому // Правда. 1928. 26 октября. С. 4.
88. *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М.: РОССПЭН, 2005. 547 с.
89. *Вайскопф М.Я.* Между огненных стен: Книга об Исааке Бабеле. М.: Книжники, 2017. 493 с.
90. *Вешнев В.Г.* Поэзия бандитизма (И. Бабель) // Молодая гвардия. 1924. № 7–8. С. 274–280.
91. *Воронский А.К.* Литературные силуэты. I. И. Бабель // Красная новь. 1924. № 5. С. 276–291.
92. *Воронский А.К.* И. Бабель // Воронский А.К. Искусство видеть мир: Портреты, статьи / Сост. Г.А. Воронской и И.С. Исаева. М.: Советский писатель, 1987. С. 146–163.
93. В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов / Отв. ред. О.А. Казнина. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 608 с.

94. *Гандлевский С.М.* Гибель с музыкой (И.Э. Бабель) // Литературная матрица: Учебник, написанный писателями. В 2 т. СПб.; М.: Лимбус Пресс; изд-во К. Тублина, 2010. Т. 2. С. 497–522.

95. *Гладков А.К.* Париж—Москва. О новых новеллах И. Бабеля [«Улица Данте» и «Нефть»] // Погорельская Е.И. Париж—Москва и... Одесса // Дом князя Гагарина: Сб. научных статей и публикаций. Вып. 6. Ч. 2. Одесса: Симекс-принт, 2011. С. 19–34.

96. *Горбачев Г.Е.* О творчестве Бабеля и по поводу его // Звезда. 1925. № 4. С. 270–286.

97. *Горбачев Г.Е.* Современная русская литература. Л.: Прибой, 1929. 393 с.

98. *Горький М.* Ответ С. Буденному // Правда. 1928. 27 ноября. С. 5.

99. *Грачева А.М.* Эго-документ о послевоенной жизни русской эмиграции первой волны: «Дневник мыслей» Алексея Ремизова // Эго-документы XX века: Литература, культура, история (Фединские чтения. Вып. 7) / Отв. ред. и сост. И.Э. Кабанова. Саратов: ИЦ «Наука», 2020. С. 86–91.

100. *Грибанов А.Б.* Борис Николаевский — Исаак Бабель — Борис Суварин и некоторые проблемы эмигрантской журналистики // Тыняновский сборник. Вып. 11. Девятые тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М.: ОГИ, 2002. С. 453–467.

101. *Гуковский Г.А.* «Закат» // И.Э. Бабель: Статьи и материалы / Под ред. Б.В. Казанского и Ю.Н. Тынянова. Л.: Academia, 1928. С. 71–99.

102. *Егоров А.И.* Львов — Варшава. 1920 год. Взаимодействие фронтов. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 195 с.

103. *Есаулов И.А.* Рассказчик и автор в художественном мире Бабеля // Литературное обозрение. 1995. № 1. С. 71–72.

104. *Есаулов И.А.* «Одесские рассказы Исаака Бабеля: Логика цикла // Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. С. 401–523.

105. *Есаулов И.А.* Культурные подтексты поэтики Исаака Бабеля. София: Св. Климент Охридски, 2011. 71 с.

106. *Жолковский А.К.* Полтора рассказа Бабеля: «Гюи де Мопассан» и «Справка/Гонорар». Структура, смысл, фон. М.: КомКнига, 2006. 283 с.
107. *Жолковский А.К.* «Улица Данте». Топография, топонимика и топика парижской новеллы Бабеля // Новое литературное обозрение. 2014. № 6 (130). С. 216–230. То же: *Бабель И.Э.* Улица Данте. В 2 ч. / Под ред. Е.И. Погорельской. Иерусалим: Филобиблон, 2015. Ч. 2. С. 39–53.
108. *Жолковский А.К., Ямпольский М.Б.* Бабель/Vabel. М.: Carte Blanche, 1994. 441 с.
109. *Зинько Ф.З.* «Мудрый ребе»: Очерки. Одесса: Печатный дом, 2008. 128 с.
110. Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век. Сборник материалов Международной научной конференции в Государственном литературном музее 23–26 июня 2014 г. / Отв. ред. Е.И. Погорельская. М.: Книжники; Литературный музей, 2016. 792 с.
111. Историография Гражданской войны в России: исследования и публикации архивных материалов / Отв. ред. Д.С. Московская. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 560 с.
112. И.Э. Бабель — редактор и переводчик Ги де Мопассана (Материалы к творческой биографии писателя) / Вступ. статья, публ., коммент. Е.И. Погорельской // Вопросы литературы. 2005. № 4. С. 323–351.
113. *Какурин Н.Е., Меликов В.А.* Война с белополяками 1920 г. М.: Воениздат, 1925. 520 с.
114. *Капрельяну А.И.* Конной дорогой Бабеля. Киев: Видавництво Лис, 2017. 223 с.
115. *Кацис Л.Ф.* Герои Бабеля и эволюция еврейского мира: К типологии творчества писателя // Литературное обозрение. 1995. № 1. С. 73–76.
116. *Клюев Л.Л.* Первая Конная красная армия на польском фронте в 1920 году / Предисл. С.М. Буденного. М.: Воениздат, 1932. 142 с.

117. *Ковский В.Е.* Судьба текстов в контексте судьбы // Вопросы литературы. 1995. № 1. С. 23–78.

118. *Коган Э.И.* Работа над «Конармией» в свете полной версии «Планов и набросков» // Литературное обозрение. 1995. № 1. С. 88–93; то же: Вопросы литературы. 1995. № 1. С. 78–87.

119. *Коган Э.И.* Смех победителей: На грани трагического и гомерического // Вопросы литературы. 1998. № 5. С. 55–92.

120. *Коган Э.И.* Русско-еврейский диалог у Бабеля // Тыняновский сборник. Вып. 11: Девятые Тыняновские чтения. М.: ОГИ, 2002. С. 438–452.

121. *Колядич Т.М.* Дневник Рюрика Ивнева как художественное целое // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3: Письма и дневники в русском литературном наследии XX века / Отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 408–422.

122. *Корниенко Н.В.* «Нэповская оттепель»: Становление института советской литературной критики. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 499 с.

123. *Корниенко Н.В.* Дневники Вс. Вишневского: Вопросы эдиции и интерпретации // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3: Письма и дневники в русском литературном наследии XX века / Отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 354–377.

124. *Корниенко Н.В.* Дневники в русском литературном процессе XX века // Эго-документы XX века: Литература, культура, история (Фединские чтения. Вып. 7) / Отв. ред. и сост. И.Э. Кабанова. Саратов: ИЦ «Наука», 2020. С. 71–85.

125. *Криволапова Е.М.* Способы автокоммуникации в дневнике С.П. Каблукова // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3: Письма и дневники в русском литературном наследии XX века / Отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 423–428.

126. *Крумм Р.* Исаак Бабель: Биография. М.: РОССПЭН, 2008. 205 с.
127. *Куванова Л.К.* Фурманов и Бабель // Литературное наследство. Т. 74: Из творческого наследия советских писателей. М.: Наука, 1965. С. 500–512.
128. *Левин С.Х.* Действительность и ее художественная трансформация в рассказе И. Бабеля // *Метод и творческая индивидуальность писателя в советской литературе: Ученые записки Пермского государственного педагогического института.* 1975. Вып. 140. С. 73–86.
129. *Левин С.Х.* О документальности советской прозы первой половины 20-х годов (По архивным материалам) // *Проблемы истории критики и поэтики реализма.* Вып. 3. Куйбышев, 1978. С. 123–148.
130. *Левин С.Х.* В ослепительном свете вымысла (Бабель на Саратовской земле) // *Волга.* 1994. № 9–10. С. 141–150.
131. *Левин С.Х.* В мире Бабеля // *Левин С.Х. С еврейской точки зрения...* Избранные статьи и очерки. Иерусалим: Филобиблон, 2010. С. 8–122.
132. *Левин С.Х., Погорельская Е.И.* «Во время кампании я написал дневник...» Пространственно-временные координаты в «Конармии» и конармейском дневнике Исаака Бабеля // *Вопросы литературы.* 2013. № 5. С. 166–202.
133. *Левин Ф.М.* И. Бабель: Очерк творчества. М.: Художественная литература, 1972. 207 с.
134. *Лежнев (Горелик) А.З.* Литературные заметки: И. Бабель // *Печать и революция.* 1925. № 4. С. 149–151.
135. *Лежнев А.З.* И. Бабель // *Печать и революция.* 1926. № 6. С. 82–86.
136. *Лежнев А.З.* И. Бабель // *Лежнев А.З. Литературные будни.* М.: Федерация, 1929. С. 265–269.
137. *Лежнев (Альтишулер) И.Г.* Новая пьеса Бабеля // *Театр и драматургия.* 1935. № 3. С. 46–57.
138. *Лейдерман Н.Л.* Теория жанра / Ин-т филол. исслед. и образ. стратегий «Словесник» УПО РАО, Уральский гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010. 904 с.

139. *Лекманов О.А.* Исаак Бабель, «Мой первый гусь»: Опыт медленного чтения // История литературы. Поэтика. Кино: Сборник в честь Мариэтты Омаровны Чудаковой. М.: Новое издательство, 2012. С. 199–207.
140. *Либерман Я.Л.* Исаак Бабель глазами еврея. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 1996. 83 с.
141. *Лившиц Л.Я.* Материалы к творческой биографии И. Бабея // Вопросы литературы. 1964. № 4. С. 110–135.
142. *Лившиц Л.Я.* От «Одесских рассказов» к «Закату» // Памир. 1974. № 6. С. 76–84.
143. *Ли Су Ен.* Исаак Бабель. «Конармия» и «Одесские рассказы»: Поэтика циклов / Науч. ред. А.М. Грачева. СПб.: Мир, 2005. 180 с.
144. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд., доп. Л.: Наука, 1967. 372 с.
145. *Манн Ю.В.* К спорам о художественном документе // Новый мир. 1968. № 8. С. 244–254.
146. *Маркиш Ш.* Бабель и другие. М.; Иерусалим: Персональная творческая мастерская «Михаил Щиголь», 1997. 234 с.
147. *Михеев М.Ю.* Александр Гладков — в раннем и позднем своем дневнике // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3: Письма и дневники в русском литературном наследии XX века / Отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 389–408.
148. *Новицкий П.И.* Бабель // И.Э. Бабель: Статьи и материалы / Под ред. Б.В. Казанского и Ю.Н. Тынянова. Л.: Academia, 1928. С. 43–70.
149. *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Бабель и хасидизм: Оправдание революции // Литературное обозрение. 1995. № 1. С. 78–83.
150. *Озёрная И.Б.* Маленький ришельевец и черный человек. Дневники Ю.К. Олеси в зеркале его произведений // Эго-документы XX века: Литература, культура, история (Фединские чтения. Вып. 7) / Отв. ред. и сост. И.Э. Кабанова. Саратов: ИЦ «Наука», 2020. С. 163–176.

151. *Парсамов Ю.В., Фельдман Д.М.* Грани скандала: Цикл новелл И. Бабеля «Конармия» в литературно-политическом контексте 1920-х годов // Вопросы литературы. 2011. № 6. С. 229–286.

152. *Петровский-Штерн Й.* Одиссей среди кентавров // Егупец: Альм. (Киев). 2001. Вып. 9. С. 219–228.

153. *Пилсудский Ю.* 1920 год. М.: Военный вестник, 1926. 171 с.

154. *Поварцов С.Н.* Об идейно-художественном своеобразии «Конармии» И. Бабеля // Ученые записки Московского областного педагогического института. 1967. № 187 (серия «Советская литература»). С. 55–66.

155. *Поварцов С.Н.* Рассказы И. Бабеля 30-х годов // Ученые записки Московского областного педагогического института. 1968. № 223 (серия «Советская литература»). С. 191–206.

156. *Поварцов С.Н.* «Мир, видимый через человека» (Материалы к творческой биографии И. Бабеля) // Вопросы литературы. 1974. № 4. С. 231–249.

157. *Поварцов С.Н.* Материалы к творческой биографии И. Бабеля // Вопросы литературы. 1979. № 4. С. 160–175.

158. *Поварцов С.Н.* Хроника литературной реабилитации (О посмертной судьбе Исаака Бабеля) // Вопросы литературы. 1991. № 6. С. 48–66.

159. *Поварцов С.Н.* Исаак Бабель: портрет на фоне Лубянки // Вопросы литературы. 1994. № 3. С. 21–71.

160. *Поварцов С.Н.* Причина смерти — расстрел: Хроника последних дней Исаака Бабеля. М.: ТЕРРА, 1996. 188 с.

161. *Поварцов С.Н.* Подготовительные материалы для жизнеописания Бабеля Исаака Эммануиловича // Вопросы литературы. 2001. № 2. С. 202–232.

162. *Поварцов С.Н.* Арест Бабеля: расследование не закончено // Вопросы литературы. 2010. № 3. С. 400–415.

163. *Поварцов С.Н.* Быть Бабелем. Краснодар: Кубаньпечать, 2012. 95 с.

164. *Погорельская Е.И.* «В дыму и золоте парижского вечера...» Исторический и литературный контекст рассказа И. Бабеля «Улица Данте» // Вопросы литературы. 2010. № 1. С. 277–302.

165. *Погорельская Е.И.* Рассказ Ги де Мопассана «Признание» в переводе Исаака Бабеля // Тургеневские чтения. Вып. 5. М.: Книжница, 2011. С. 332–350.

166. *Погорельская Е.И.* Текстологические заметки о рассказе И. Бабеля «Улица Данте» // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Вып. 2 / Отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 325–332.

167. *Погорельская Е.И.* Одесса—Николаев—Одесса. Новые материалы к биографии И. Бабеля // Дерибасовская—Ришельевская: Альманах. Вып. 51. Одесса, 2012. С. 204–219.

168. *Погорельская Е.И.* Комментарий к рассказу И. Бабеля «История моей голубятни»: Новые материалы к биографии писателя // Вопросы литературы. 2013. № 5. С. 149–165.

169. *Погорельская Е.И.* Что делал Исаак Бабель в Конармии? Комментарий к конармейскому дневнику писателя 1920 года // Вопросы литературы. 2014. № 6. С. 218–227.

170. *Погорельская Е.И.* Международная конференция «Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век» (Государственный литературный музей, 23–26 июня 2014 г.) // Новое литературное обозрение. 2015. № 131 (1). С. 437–443.

171. *Погорельская Е.И.* «В дыму и золоте парижского вечера...» Рассказ И. Бабеля «Улица Данте» в литературно-историческом контексте // Бабель И.Э. Улица Данте. В 2 ч. / Под ред. Е.И. Погорельской. Иерусалим: Филобиблон, 2015. Ч. 2. С. 15–37.

172. *Погорельская Е.И.* Исаак Бабель — герой мемуарной прозы Константина Паустовского // Мир Паустовского: Альманах. № 31. Ч. 1. 2016. С. 82–93.

173. *Погорельская Е.И.* Биография Исаака Бабеля: мифы и реальность // *AvtobiografiЯ: Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture*. No 5 (2016): Scholarly Insights into the Biography of the Writer. P. 75–94.

174. *Погорельская Е.И.* Исаак Бабель: проблемы текстологии и комментирования // *Вопросы литературы*. 2017. № 1. С. 172–212.

175. *Погорельская Е.И.* [Рец.] Михаил В а й с к о п ф. Между огненных стен: Книга об Исааке Бабеле. М.: Книжники, 2017 (Чейсовская коллекция) // *Вопросы литературы*. 2018. № 1. С. 396–399.

176. *Погорельская Е.И.* «Мысль моя и сердце возвращаются к нему непрерывно...» Максим Горький в судьбе Исаака Бабеля // *Русская словесность*. 2018. № 5. С. 55–59.

177. *Погорельская Е.И.* Исаак Бабель во Франции (к истории двух поездок) // *Across Borders: 20 Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural Contacts. Essays in Honor of Vladimir Khazan / Ed. by Lazar Fleishman and Fedor Poljakov. [Berlin et al.]: Peter Lang, [2018] (Stanford Slavic Studies. Vol. 48)*. P. 209–234.

178. *Погорельская Е.И.* Конармейский дневник Исаака Бабеля как военно-исторический документ // *Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3: Письма и дневники в русском литературном наследии XX века / Отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 341–353.*

179. *Погорельская Е.И.* Владимир Маяковский в биографии Исаака Бабеля // *Дерибасовская—Ришельевская: Альманах. Вып. 75. Одесса, 2018. С. 224–235.*

180. *Погорельская Е.И.* «...Ни работать, ни радоваться весне нельзя было» (И. Бабель о самоубийстве В. Маяковского) // *Владимир Маяковский в мировом культурном пространстве: Материалы Международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения поэта / Отв. ред. В.Н. Терехина. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 210–215.*

181. *Погорельская Е.И.* Парижские встречи Исаака Бабеля // Южное сияние (Одесса). 2019. № 3. С. 169–173.

182. *Погорельская Е.И.* Письма Исаака Бабеля родным как материал к биографии писателя // Эго-документы XX века. Литература, культура, история (Фединские чтения. Вып. 7) / Отв. ред. и сост. И.Э. Кабанова. Саратов: ИЦ «Наука», 2020. С. 100–106.

183. *Погорельская Е.И.* «Я видел все это...» Исаак Бабель в газете «Новая жизнь» // Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа: коллективная монография / Отв. ред. и сост. А.А. Холиков, при участии Е.И. Орловой. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 488–530.

184. *Погорельская Е.И., Левин С.Х.* Исаак Бабель: Жизнеописание. СПб.: Вита Нова, 2020. 624 с.

185. *Полонский В.П.* Критические заметки. О Бабеле // Новый мир. 1927. № 1. С. 197–216.

186. *Полонский В.П.* Бабель // Полонский В.П. О литературе: Избранные работы / Сост. В.В. Эйдиновой. М.: Советский писатель, 1988. С. 57–78.

187. *Помяновский Е.* История, спущенная с цепи. Предисловие к польскому изданию «Дневника 1920 года» Исаака Бабеля / Пер. с польского (с незначительными сокращениями) Н.Е. Горбаневской // Русская мысль (Париж). 1998. № 4214 (19–25 марта). С. 12; № 4215 (26 марта — 1 апреля). С. 12; № 4216 (2–8 апреля). С. 12; № 4217 (9–15 апреля). С. 12; № 4218 (16–22 апреля). С. 12.

188. *Примочкина Н.Н.* Дневниковые записи А.М. Горького: от биографического документа к художественному тексту // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3: Письма и дневники в русском литературном наследии XX века / Отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 333–340.

189. *Прохоров Е.И.* Текстология (Принципы издания классической литературы). М.: Высшая школа, 1966. 226 с.
190. *Розенсон Д.* Бабель: Человек и парадокс. М.: Книжники, 2015. 384 с.
191. *Святополк-Мирский Д.П.* И. Бабель. Рассказы // Современные записки (Париж). 1925. № 26. С. 485–488.
192. *Слоним М.Л.* Портреты советских писателей. Париж: Парабола, 1933. С. 135–148.
193. *Смирин И.А.* На пути к «Конармии» (Литературные искания Бабея) // Литературное наследство. Т. 74: Из творческого наследия советских писателей. М.: Наука, 1965. С. 467–482.
194. *Смирин И.А.* И.Э. Бабель в литературном контексте: Сборник статей. Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2005. 315 с.
195. *Спиридонова Л.А.* Текстология: Теория и практика. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 254 с.
196. *Степанов И.* [Скворцов-Степанов И.И.] С Красной Армией на панскую Польшу: Впечатления и наблюдения. [М.–Пг.]: Гос. изд-во, 1920. 102 с.
197. *Степанов Н.Л.* Новелла Бабея // И.Э. Бабель: Статьи и материалы / Под ред. Б.В. Казанского и Ю.Н. Тынянова. Л.: Academia, 1928. С. 11–42.
198. *Субботин С.И.* Иван Васильевич Евдокимов: из дневников и записных книжек // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3: Письма и дневники в русском литературном наследии XX века / Отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 448–485.
199. *Суварин Б.К.* Последние разговоры с Бабелем // Континент. 1980. № 3. С. 343–378.
200. *Схреурс М.* Приемы монтажа в цикле «Конармия» Исаака Бабея. М., 1992. 174 с.

201. *Томашевский Б.В.* Теория литературы. Поэтика Л.: Гос. изд-во, 1925. 232 с.
202. *Томашевский Б.В.* Теория литературы. Поэтика: Учеб. Пособие. М.: Флинта, 2018. 336 с.
203. *Тухачевский М.Н.* Поход на Вислу: Лекции, прочитанные на дополнительном курсе Военной академии РККА 7–10 февраля 1923 г. Смоленск, 1923 (на правах рукописи). 54 с.
204. *Тюрина Е.А.* Дневники Е.С. Булгаковой разных лет // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3: Письма и дневники в русском литературном наследии XX века / Отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 378–388.
205. *Флакер А.* Бабель и Малевич. Сопоставление // *Флакер А.* Живописная литература и литературная живопись / Пер. с хорв. Н. Видмарович, Н. Злыдневой. М.: Три квадрата, 2008. С. 278–302.
206. *Флакер А.* Бабель и польское сакральное искусство // *Флакер А.* Живописная литература и литературная живопись / Пер. с хорв. Н. Видмарович, Н. Злыдневой. М.: Три квадрата, 2008. С. 295–303.
207. *Флейшман Л.С.* Об одном нераскрытом «преступлении» Бабеля // *Флейшман Л.С.* От Пушкина к Пастернаку: Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 269–297.
208. *Фрезинский Б.Я.* Писатели и советские вожди: Избранные сюжеты 1919–1960 годов. М.: Эллис Лак, 2008. 668 с.
209. *Фрейдин Г.М.* Вопрос возвращения II: «Великий перелом» и Запад в биографии И.Э. Бабеля начала 1930-х годов // *Literature. Culture and Society in the Modern Age: In Honor of Joseph Frank. Stanford Slavic Studies. Vol. 4. Part II.* Stanford, 1992. P. 190–240.
210. *Фрейдин Г.М.* Форма содержания: Одесса — мама Исаака Бабеля // *Неприкосновенный запас.* 2011 № 4 (78). С. 216–226.

211. *Хализев В.Е.* Теория литературы: Учебник. 5-е изд., испр. и доп. М.: Академия, 2009. 431 с.
212. *Хетени Ж.* Библейские мотивы в «Конармии» Бабеля // *Studia Slavica Academiae Scientarum Hungaricae*. 1981. No 27. P. 229–240.
213. *Хетени Ж.* Эскадронная дама, возведенная в мадонну: Амбивалентность в «Конармии» Исаака Бабеля // *Studia Slavica Academiae Scientarum Hungaricae*. 1985. No 31. P. 161–169.
214. *Хетени Ж.* Проблематика многоликого рассказчика в «Конармии» Бабеля // *Acta Universitatis Szegediensis*. 1988. No 19. P. 107–123.
215. *Хетени Ж.* Фольклорные элементы в «Конармии» Бабеля // *Studia Slavica Academiae Scientarum Hungaricae*. 1988. No 34. P. 237–246.
216. *Хетени Ж.* Лавка вечности — к мотивной структуре рассказа «Гedaли» И. Бабеля // *Studia Slavica Academiae Scientarum Hungaricae*. 1990. No 36. P. 187–192.
217. *Хетени Ж.* «Главное — внутренние перемены...»: О дневнике 1920 г. Исаака Бабеля // *Studia Slavica Academiae Scientarum Hungaricae*. 1991–1992. No 37. P. 405–408.
218. *Хетени Ж.* «Что мои глаза собственноручно видели...» Особенности сказовых текстов в «Конармии» И. Бабеля // *Studia Slavica Academiae Scientarum Hungaricae*. 1993. No 38. P. 95–101.
219. *Христофоров В.С.* Документы архивов органов безопасности об Исааке Бабеле // *Российская история*. 2015. № 1. С. 129–141.
220. *Цивьян Ю.Г.* Прыжок на грудь в литературе и на сцене // *Laurea Logae: Сборник памяти Ларисы Георгиевны Степановой*. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 560–578.
221. *Чудакова М.О.* Разведенный пожиже (Бабель в литературе советского времени) // *Чудакова М.О. Новые работы: 2003–2006*. М.: Время, 2007. С. 9–39.
222. *Шапошников Б.М.* На Висле. К истории кампании 1920 года. М.: Воениздат, 1924. 206 с.

223. *Шафир Я.М.* Любовь к дальнему («Конармия» И. Бабеля) // Журналист. 1924. №10. С. 30–32.

224. *Шенталинский В.А.* Прошу меня выслушать: Исаак Бабель // Шенталинский В.А. Рабы свободы: Документальные повести. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. С. 9–96.

225. *Шкловский В.Б.* И. Бабель. Критический романс // Леф. 1924. № 2(6). С. 152–155; Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе / Сост. А.Ю. Галушкина и А.П. Чудакова. М.: Советский писатель, 1990. С. 364–369.

226. *Шмид В.* Орнаментальность и событийность в рассказе И.Э. Бабеля «Переход через Збруч» // Шмид В. Проза как поэзия: Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард. СПб.: Инапресс, 1998. С. 309–327.

227. *Щеглов Ю.К.* Мотивы инициации и потустороннего мира в «Конармии» Бабеля // *Щеглов Ю. К.* Проза. Поэзия. Поэтика. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 275–296.

228. *Эйдинова В.В.* О стиле Исаака Бабеля: «Конармия» // Литературное обозрение. 1995. № 1. С. 66–69.

229. *Эйзенштейн С.М.* Монтаж аттракционов // Леф. 1923. № 3. С. 70–75.

230. *Якубовский Г.В.* Искусство И. Бабеля // Прожектор. 1925. № 19. С. 27–28.

231. «Я хочу интернационала добрых людей»: Материалы научного семинара, посвященного 100-летию со дня рождения И.Э. Бабеля. 21–22 сентября 1994 г. / Под ред. Я.Л. Либермана и Н.В. Смирновой. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 1994. 59 с.

232. *Davies N.* Isaak Babel's Konarmia Stories and the Polish-Soviet War // Modern Language Review 67. [1972]. № 4. P. 845–857.

233. *Freidin G.* Fat Tuesday in Odessa: Isaak Babel's "Di Grasso" as Testament and Manifesto // Russian Review. 1981. № 40. P. 101–121.

234. *Hetényi Z.* [Préface] // Babel I. Journal de 1920. Paris, Franciaország: Balland, 1991. P. 11–20.
235. *Hetényi Z.* [Introduction] // Isaak Babel's 1920 Diary / Ed. Peter Y. Medding. New York: Oxford University Press, 1998. P. 307–309.
236. *Sicher E.* The «Jewish Cossack»: Isaac Babel in the First Red Cavalry // Studies in Contemporary Jewry. An Annual. IV: The Jews and the European Crisis, 1914–1921. Oxford, 1988. P. 113–134.
237. *Sicher E.* Babel' in Context: A Study in Cultural Identity. Boston: Academic Studies Press, 2012. 309 p.
238. *Stanton R.J.* Isaac Babel and the Self-Invention of Odessan Modernism. Evanston (Illinois): Northwestern University Press, 2012. 205 p.
239. *Stora-Sandor J.* Isaac Babel: L'homme et l'œuvre. Paris: Éditions Klincksieck, 1968. 155 p.
240. The Enigma of Isaac Babel: Biography, History, Context / Ed. by *G. Freidin*. Stanford: Stanford University Press, 2009. 270 p.